

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Первая мировая

ВЗГЛЯД ИЗ ОКОПА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
П26

П26 **Первая мировая: взгляд из окопа** / Предисл., сост. и коммент. К. А. Пахалюка. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. — 216 с.

ISBN 978-5-4469-0335-1

В сборнике представлены дневники и воспоминания участников Первой мировой войны — тех, кого смело можно назвать представителями той самой «серой массы», на долю которой выпали все тяготы военных будней. Ротный писарь А. Я. Семаков рассказывает о своем участии в боях в Восточной Пруссии и Августовских лесах в сентябре 1914 г. Нижний чин, георгиевский кавалер Е. В. Тумилович описывает кровопролитные бои в Карпатах во время Брусиловского прорыва. Прапорщик К. В. Ананьев повествует о боях 405-го пехотного Львовского полка на р. Стоход осенью–зимой 1916 г.

Тексты воспоминаний и дневников были переданы для изучения в Российское военно-историческое общество и публикуются к конференции «Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4469-0335-1

9 785446 903351

- © ООО «Милк Эдженси», 2014
- © Российское военно-историческое общество, 2014
- © Пахалюк К. А. (предисл., вступ., коммент.), 2014
- © Богданова Я. А. (воспоминания А. Я. Семакова), 2014
- © Колиев О. С. (воспоминания Е. В. Тумиловича), 2014
- © Степанков Р. В. (дневники К. В. Ананьева), 2014
- © Издательство «Нестор-История», 2014

Выпускающий редактор *Л. В. Батришина*
Корректоры *Н. В. Соболева, А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 09.06.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 13,5. Тираж 240 экз. Заказ № 3891

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
191119 СПб., ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, существует немало воспоминаний и дневников, отражающих участие русской армии в Первой мировой войне¹. Основной массив мемуарной литературы появился в эмиграции, где право слова в основном принадлежало офицерам и генералам. В результате в публикациях был зафиксирован взгляд начальства (нередко штабного) на этот переломный момент в истории России. В Советском Союзе публиковались мемуары нижних чинов, однако в силу идеологических ограничений они (даже при всем желании, если оно, конечно, было) не могли сказать всего, что хотели и потенциально могли. Основные участники войны 1914–1918 гг. (простые солдаты, младшие офицеры — все те, кто совершал подвиги, выигрывал (или проигрывал) сражения, нес тяготы военных будней) так и не обрели, за некоторым исключением, свой голос в общей истории Первой мировой. Если учесть, что это была война массовых армий, становится очевидно, что «правды начальства» (начиная от командира полка и выше) и «правды кадровых офицеров» недостаточно для достоверного анализа фронтовой действительности, пусть даже этот начальник был близок к солдатам и сам героически вел их в атаку.

Вместе с тем осколки этой «окопной правды» сохранились в различных государственных и семейных архивах в виде воспоминаний, дневников, фронтовых писем. В Российское военно-историческое общество был передан ряд дневников и воспоминаний простых участников сражений тех лет, которые и публикуются в настоящем издании. Ротный писарь А. Я. Семаков оставил свидетельства об участии в боях в Восточной Пруссии и Августовских лесах в сентябре 1914 г. Нижний чин, георгиевский кавалер Е. В. Тумилович посвятил мемуары прежде всего кровопролитным сражениям в Карпатах во время Брусиловского прорыва. В дневниках прапорщика К. В. Ананьева рассказывается о боях

¹ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннот. указ. книг и публикаций в журн. / науч. рук., ред. и введ. П. А. Зайончковского: В 4 т. М., 1976–1989. Т. 4. Ч. 1. М., 1983. С. 334–358; Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. В 4 т. Т. 1 / Науч. ред. А. Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О. В. Будницкий. М., 2003. С. 394–491.

405-го пехотного Льговского полка на р. Стоход осенью — зимой 1916 г. Все авторы — молодые люди (18–22 лет). Все они — выходцы из непри-вилегированных сословий: А. Я. Семаков и Е. В. Тумилович — из бед-ных крестьянских семей, К. В. Ананьев — из мещан. Е. В. Тумилович и К. В. Ананьев ушли на фронт добровольно, А. Я. Семаков был призван в армию незадолго до войны. Все они стали участниками в большей или меньшей степени значимых сражений на Восточном фронте.

Три человека — три взгляда. А. Я. Семаков писал о боях на грани-це Восточной Пруссии всего лишь год спустя, когда память о них еще не стерлась. Для крестьянского сына те события — это движение, по-стоянные переходы, зачастую тяжелые и бессмысленные. Здесь мы не найдем ни попыток осмысления, ни рассуждений — лишь голую по-следовательность событий, на которую нанизываются те или иные субъ-ективные впечатления. Е. В. Тумилович описывал свой военный опыт спустя несколько десятилетий. Он фиксировал то, что считал важным и интересным для возможного читателя: эпизоды боевых действий, особенности фронтового быта, работы полковых разведчиков и взаи-моотношения с начальством, романтические чувства к гуцульской де-вушке. Совсем иного плана свидетельство об участии в войне, которое оставил К. В. Ананьев. Это — фронтовой дневник, в который он заносил то, что считал значимым для записи в условиях позиционного стояния на р. Стоход. Перед нами прежде всего — личные переживания (в первых двух случаях мы имеем дело с пространством памяти). Автор не устраи-вает собственную фигуру из текста, как это нередко случается, и именно через его переживания мы можем узнать об особенностях окопной жиз-ни, взаимоотношениях с офицерами (реже — с солдатами, что показате-льно), отдельных передвижениях и столкновениях с противником.

В заключение хотелось бы поблагодарить тех, кто любезно предо-ставил тексты публикуемых воспоминаний: О. С. Колиева, внука ниж-него чина Е. В. Тумиловича; Я. А. Богданову, в чьем архиве обнаружи-лись воспоминания А. Я. Семакова; Р. С. Степанкова, который передал дневники К. В. Ананьева в Благотворительный фонд имени адмирала Павла Жонеса, а также президента этого фонда А. П. Поддубного, кото-рый предоставил материалы в Российское военно-историческое обще-ство. Отдельную благодарность выражаем В. В. Кизино и Н. Д. Пост-никову за содействие в оперативном доступе к некоторым архивным документам, необходимым для восстановления боевого пути 326-го Белгорайского и 405-го Льговского пехотных полков.

**«...МЫ, КОНЕЧНО,
ПОШЛИ В ЕГО ЗЕМЛЮ,
И ВОТ ТАМ ХОДИЛИ ТУДА И СЮДА»:
воспоминания финляндского стрелка о боях
в Восточной Пруссии и Августовских лесах
в сентябре 1914 г.**

Об авторе публикуемых воспоминаний, Алексее Яковлевиче Семакове, известно не так много. Родился он в 1892 г. в Вологодской губернии, в бедной крестьянской семье. Отец умер, когда Алексею было всего полтора года. Матери пришлось растить четверых детей в одиночку. Незадолго до Первой мировой войны А.Я. Семакова призвали в армию, где ему посчастливилось попасть в 14-й Финляндский стрелковый полк, который входил в состав 4-й Финляндской стрелковой бригады 22-го армейского корпуса (командир — генерал А.Ф. фон дер Бринкен¹) и размещался на территории Финляндии. Здесь, уже на должности ротного писаря, его и застала война.

Боевой путь А.Я. Семакова в 1914 г. пролегал через Августовские леса и Восточную Пруссию. В январе 1915 г. 22-й армейский корпус был переброшен на Юго-Западный фронт, а в апреле вошел в состав новой 11-й армии, во главе которой оказался один из наиболее талантливых военачальников того времени, генерал Д. Г. Щербачев². Его войска располагались слева от 8-й армии А. А. Брусилова в долине Верхнего Днестра, прикрывая направление на р. Стрый. Вскоре австро-германцы прорвали русский фронт у м. Голица, что положило начало Великому отступлению. Войска Д.Г. Щербачева активно оборонялись, сдерживая продвижение Южной германской армии генерала А. Линзингена³. Видимо, во время этих боев А.Я. Семаков был тяжело ранен.

¹ Бринкен А.Ф. фон дер (1859–1917) — участник русско-японской войны. В годы Первой мировой командовал 22-м корпусом. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

² Щербачев Д. Г. (1859–1932) — летом 1914 г. во главе 9-го корпуса отличился в Галицийской битве. Весной 1915 г. возглавил 11-ю армию. Успешно действовал осенью 1915 г. Во время Брусиловского прорыва успешно командовал 7-й армией. С апреля 1917 г. помощник августейшего командующего армиями Румынского фронта.

³ Линзинген А. (1850–1935) — германский военачальник. Участник битвы на Марне (1914). С января 1915 г. командующий Южной армией, с лета 1915 г. — Бугской армией, а затем группой армий «Линзинген».

После лечения и отпуска он вернулся в армию в марте 1916 г. младшим унтер-офицером 4-й роты 10-й инженерной рабочей дружины (временно командующий капитан Козловский), которая располагалась на Западном фронте. Служба эта была, безусловно, менее опасная, но по-своему тяжелая и очень однообразная, если верить дневникам Алексея Яковлевича. Здесь он находился до самого конца войны, после вернулся в родное село. Известно, что прожил он весьма долгую жизнь и умер где-то в 1960-х гг.

В советское время Первая мировая война называлась «империалистической». Ей отводилось скромное место катализатора общественных противоречий царской России, проложивших дорогу Октябрьской революции. Память о тех событиях оставалась жить на семейном уровне, но и здесь она либо затмевалась событиями Гражданской и Великой Отечественной, либо выкорчевывалась страхом перед репрессиями, когда родители боялись рассказывать детям о своем прошлом. Неизвестно, как обстояло дело в семье А. Я. Семакова, однако где-то в начале 1970-х гг. часть его дневников (видимо, за ненадобностью) отдали тогда еще молодому писателю Евгению Николаевичу Богданову. К тому времени у него уже вышли несколько книг, а сам он вскоре стал членом Союза писателей СССР и полностью посвятил жизнь служению литературе. Его последним произведением, оконченным незадолго до смерти в феврале 2011 г., стал роман «Ушел и не вернулся», где проводились параллели между крушениями двух империй: царской и советской. Он был опубликован уже после смерти Е. Н. Богданова в журнале «Роман-газета» (№ 23 и 24 за 2011 г.).

Дневники А. Я. Семакова благодаря усилиям Янины Богдановой, вдовы Е. Н. Богданова, были переданы для изучения в Российское военно-историческое общество. Это примерно 170 листов формата А4, исписанных с обеих сторон разборчивым подчерком. Дневники охватывают период с лета 1916 по осень 1927 г. Значительная часть посвящена службе в рабочей дружине и революционным событиям 1917 г. Скорее всего, существовала и первая часть, к сожалению, утерянная.

О службе в финляндских частях рассказывается в отдельном приложении «Заметки военных действий» (восемь листов), которое и публикуется в настоящем издании. В нем повествуется о первых боях на территории Восточной Пруссии и в Августовских лесах в сентябре 1914 г.

Как известно, 17 (4) августа 1914 г. обе армии Северо-Западного фронта (1-я армия генерала П. К. фон Ренненкампа⁴ и 2-я армия генерала

⁴ Ренненкампф П. К. фон (1854–1918) — герой китайской кампании 1900 г. и русско-японской войны. В годы Первой мировой командующий

А. В. Самсонова⁵) вторглись в Восточную Пруссию. К сожалению, несмотря на первоначальные успехи русских войск наступление окончилось плачевно. 2-я армия потерпела сокрушительное поражение в Танненбергском сражении 26–31 (13–18) августа и была отброшена за границу. Войска генерала П. К. фон Ренненкампфа остановили продвижение и стали укрепляться по линии р. Дейма, Алле и Мазурских озер.

В это время в районе Августова — Осовца⁶ началось формирование новой, 10-й армии (командующий — генерал Ф. Е. Флуг⁷, однако он прибыл только 11 сентября (29 августа), а до этого времени его обязанности исполнял командир 3-го Сибирского корпуса генерал Е. А. Радкевич⁸). Если изначально эти силы предполагалось задействовать в прямом ударе через среднюю Вислу на Берлин, то после поражения А. В. Самсонова их решили использовать для укрепления Северо-Западного фронта, двинув в широкий промежуток между остатками 2-й армии и войсками П. К. фон Ренненкампфа. К началу сентября у границы были частично собраны лишь 3-й Сибирский (генерала Е. А. Радкевича) и 22-й армейский (генерала А. Ф. фон дер Бринкена) корпуса.

Командование 8-й германской армии, одержавшей триумфальную победу под Танненбергом, отказалось от первоначально возникшей самоубийственной идеи преследовать разбитые части 2-й армии, решив разгромить войска генерала П. К. фон Ренненкампфа. 7 сентября (25 августа) противник перешел в наступление, нанеся основной удар по левому флангу (2-й армейский корпус генерала В. А. Слюсаренко⁹). Ситуация осложнялась тем, что этот фланг был открыт, поскольку войска 10-й армии

1-й армией. После неудач в Восточной Пруссии и под Лодзью отстранен от командования.

⁵ Самсонов А. В. (1859–1914) — герой русско-японской войны. В годы Первой мировой командовал 2-й армией. Один из виновников поражения под Танненбергом 26–31 (13–18) августа. Застрелился.

⁶ Ныне находятся на территории Польши.

⁷ Флуг В. Е. (1860–1955) — участник русско-японской войны. Первую мировую начал командующим 10-й армией, однако вскоре был отстранен. В начале 1915 г. возглавил 2-й корпус. Отличился во время ликвидации Свенцянского прорыва.

⁸ Радкевич Е. А. (1851–1930) — герой русско-японской войны. В годы Первой мировой командовал 3-м Сибирским корпусом, а затем 10-й армией.

⁹ Слюсаренко В. А. (1857–1933) — герой русско-японской войны. В годы Первой мировой командовал 43-й пехотной дивизией, временно — 2-м корпусом, затем — 28-м корпусом. Дважды временно командовал 5-й армией.

только прибывали на фронт. Опасность такого положения понимал генерал П. К. фон Ренненкампф, однако главнокомандующий фронтом генерал Я. Г. Жилинский заверил его, что 10-я армия сумеет оказать поддержку и в случае наступления противника сама нанесет ему удар во фланг и тыл. Увы, реальность не имела ничего общего с представлениями генерала Я. Г. Жилинского¹⁰.

Только 5 сентября (23 августа) в штабе 22-го корпуса узнали, что его направляют в 10-ю армию¹¹. Тогда же был получен приказ сосредоточиться в районе немецкого г. Лык и занять г. Арис и Иоганнисбург (все — в Восточной Пруссии)¹². Правее располагалась 43-я дивизия 2-го армейского корпуса, а левее — одна бригада из состава 8-й Сибирской стрелковой дивизии. 5–6 сентября (23–24 августа) ушли на сосредоточение, которое происходило крайне хаотично. При этом, как вспоминал офицер штаба корпуса Б. Н. Сергеевский: «Командование нашим чудным по составу и еще лишь сосредоточивающимся XXII корпусом было уже приведено в полную негодность, охваченное ужасом от одних только слухов о Самсоновской катастрофе»¹³. Части 1-й и 3-й Финляндских бригад высаживались в Граево и Гросс-Просткен (две станции по разные стороны границы). Их действия временно объединил командир 3-й бригады генерал С. Ф. Стельницкий¹⁴. 10-й Финляндский полк был двинут к Арису, а отряд из 1-го, 4-го и 12-го Финляндских полков под командованием полковника Г. Ф. Погона¹⁵ (командир 12-го полка) — к Иоганнисбургу. Начальник

¹⁰ Жилинский Я. Г. (1853–1918) — участник русско-японской войны. В 1911–1914 гг. начальник Генерального штаба. С начала Первой мировой — главнокомандующий Северо-Западным фронтом. Один из виновников поражения в Восточной Пруссии. Отстранен от командования. В 1914–1916 гг. был представителем России в Союзном совете во Франции.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 4.

¹² В настоящее время эти города находятся на территории Польши. Лык переименован в Эльк, Иоганнисбург — в Пиш, а Арис — в Ожиш.

¹³ *Сергеевский Б. Н.* Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 37.

¹⁴ Стельницкий С. Ф. (1854 – после 1917) — герой русско-японской войны. В годы Первой мировой командовал 3-й Финляндской стрелковой бригадой, затем 58-й пехотной дивизией (отличился под Перемышлем), 39-м корпусом и Особой армией.

¹⁵ Погон Г. Ф. (1860 – после 1917) — после боев на границе Восточной Пруссии отстранен от командования полком. В дальнейшем состоял в резерве чинов при штабе Двинского военного округа. В 1917 г. произведен в генерал-майоры.

2-й Финляндской стрелковой бригады генерал-майор В. В. фон Нотбек¹⁶ получил приказ двигаться в сторону г. Лык.

7 сентября (25 августа) отряд Погона наткнулся на противника и после неудачного боя (в котором нашими войсками по сути руководил капитан А. И. Верховский¹⁷, спасший положение) отошел к Бяле¹⁸. По сведениям Н. Н. Головина, восемь наших Финляндских стрелковых батальонов (1-я и 3-я бригады) столкнулись с 3-й германской резервной пехотной дивизией, бригадой 1-й пехотной дивизии и бригадой кавалерийской дивизии¹⁹. В этот день приказ прикрыть подступы к Лыку получил начальник 3-й Финляндской стрелковой бригады генерал С. Ф. Стельницкий, а командир 4-й стрелковой бригады генерал В. И. Селивачев²⁰ со сводным полком был брошен к Граеву (вероятно, именно в составе этого отряда и находился А. Я. Семаков). Таким образом, сразу по прибытии части корпуса были двинуты вперед, без должной разведки и сведений о противнике. По частям они втянулись в бои с немцами. При таком управлении было бы слишком оптимистично рассчитывать на удачу.

Однако командующий армией положение дел на фронте видел иначе. 8 сентября (26 августа) от него пришли сведения, что у Бялы находится бригада противника, в тыл которой была направлена бригада 8-й Сибирской стрелковой дивизии. А от 22-го корпуса Е. А. Радкевич требовал наступления. К сожалению, ситуация разворачивалась неблагоприятно. 10-й Финляндский стрелковый полк вместе со 169-м пехотным полком вел тяжелый бой с германцами у Ариса. Под напором противника им пришлось отойти, а находящийся в резерве 14-й Финляндский стрелковый полк не смог оказать содействия. В это время 2-й армейский корпус героически отбивал атаки германцев, а П. К. фон Ренненкампф требовал

¹⁶ Нотбек В. В. (1865–1921) — отличился как командир 2-й Финляндской стрелковой бригады. Летом 1915 г. возглавил 1-ю гвардейскую пехотную дивизию. В 1917 г. командовал корпусом и армией.

¹⁷ Верховский А. И. (1866–1938) — в годы Первой мировой занимал различные штабные должности. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием. В мае 1917 г. стал командующим Московским военным округом, а после провала выступления Корнилова — военным министром.

¹⁸ Ныне г. Бяла-Писка, Польша.

¹⁹ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Вост. Пруссии. Прага, 1926. С. 373.

²⁰ Селивачев В. И. (1868–1919) — участник русско-японской войны. В годы Первой мировой отличился как командир 4-й Финляндской стрелковой бригады. В 1917 г. командовал корпусом и армией.

обещанного содействия со стороны 10-й армии. Немцы же активно продвигались вперед, выдвинув 1-ю ландверную дивизию к Иоганнисбургу.

Только утром 9 сентября (27 августа) командующему 10-й армией после переписки с генералом А.Ф. фон дер Бринкеном стало ясно, что наступление невозможно. К сожалению, главнокомандующий фронтом генерал Я.Г. Жилинский реальной ситуации на фронте не знал. Он уже обещал П.К. фон Ренненкампу оказать содействие, а потому продолжал требовать от 22-го корпуса большей активности. Тогда генерал А.Ф. фон дер Бринкен заявил, что не может выполнить приказ «в силу разбросанности корпуса, расстройства частичными неудачными боями, неустройством тыла и что приказание это происходит от неосведомленности»²¹. В конечном итоге, когда Я.Г. Жилинский понял истинное положение на этом участке фронта, то он вообще приказал отвести финляндцев к Августову, тем самым еще больше усугубляя положение 1-й армии.

Осознав, что никакой поддержки со стороны 10-й армии не будет, П.К. фон Ренненкампф действовал быстро: утром 9 сентября приказал перебросить 20-й корпус с правого фланга на левый и стал туда же стягивать конницу, при этом начав 10 сентября (28 августа) отступление основными силами. При этом он не отказался от идеи совместного наступления с 10-й армией, что также свидетельствовало о его слишком оптимистичном взгляде на разворачивающиеся события. Утром 11 сентября (29 августа) Я.Г. Жилинский поддержал эту идею²², однако в реальности войска 1-й армии понесли слишком большие потери, чтобы иметь успех. Видимо, поняв это днем, Я.Г. Жилинский указал на необходимость скорейшего отхода²³. Вместе с тем потрепанные левофланговые части 2-го корпуса генерала В.А. Слюсаренко²⁴ контратаковали, что стало полной неожиданностью для противника, который решил, что атакован свежими превосходящими силами. Германцы вскоре обнаружили ошибку, однако к тому времени уже успели изменить направление движения обходного крыла, что, по признанию начальствующих лиц 8-й армии, сорвало планы по окружению русских²⁵.

²¹ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 6.

²² Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 387.

²³ Там же. С. 389.

²⁴ Его правнучка Л.Ю. Белоярцева в настоящее время проживает в Калининграде.

²⁵ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.–Л., 1925. С. 48; Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Минск–М., 2005. С. 68.

Что же делал в это время 22-й корпус? Весь день 9 сентября (27 августа) он вел бой у Лыка против 3-й германской резервной дивизии²⁶, а вечером, следуя приказу Я. Г. Жилинского, начал отступление. На следующий день А. Ф. фон дер Бринкен донес, что части корпуса отошли к Райгороду и Калиновену. 3-я германская резервная дивизия утром заняла Лык, а затем направилась в сторону Сувалок и Августова, прибывшая 1-я ландверная дивизия обеспечивала фланг со стороны Граево, а 1-я кавалерийская дивизия дошла до г. Маркграбов²⁷.

11 сентября (29 августа) на фронт, как указывалось выше, прибыл командующий 10-й армии генерал В. Е. Флуг. К тому времени в его подчинении помимо двух обозначенных корпусов находилась переданная из состава армии П. К. фон Ренненкампа 1-я кавалерийская дивизия генерала В. И. Гурко. Из письма последнего новый командующий узнал о тяжелом положении его войск: «Четыре дня я имел непосредственные сношения со штабом XXII корпуса и такого беспорядка... такого хаоса — нигде не встречал... Четыре дня полки в движении по ночам, люди устали; одни офицеры недоумевают, другие, не бывши в бою, говорят, что с немецкой артиллерией ничего не поделаешь. Впечатление такое, что полки подавлены раньше, чем вступили в бой... Вся корпусная конница, даже ночуя в штабе корпуса, не расседывает всю ночь, ожидая тревоги. И многое другое, всего не передашь»²⁸.

Как отмечалось выше, утром 11 сентября идея совместного удара 1-й и 10-й армий была еще жива, а потому Я. Г. Жилинский предписал войскам В. Е. Флуга (который, отметим, в этот день получил чин генерала от инфантерии)²⁹ начать наступление. Командующий армией направил 3-й Сибирский корпус на Лык, а 22-й — на Маркграбову. 1-я и 3-я Финляндские стрелковые бригады (под начальством генерала С. Ф. Стельницкого) стали продвигаться к д. Колондвен, а 2-я и 4-я Финляндские стрелковые бригады (под начальством генерала Нотбека) — к д. Боржинки. Однако немцы продолжали наседали на 1-ю армию, Ренненкампф к тому времени фактически потерял управление войсками, а командир 22-го корпуса продолжал жаловаться на усталость своих войск.

²⁶ Головин Н. Н. Указ. соч. С. 383–384.

²⁷ Ныне г. Олецко, Польша. Райгород и Граево, так же как и Августов и Сувалки, переименованы не были.

²⁸ Флуг В. Е. X армия в сентябре 1914 // Военный сборник. Белград, 1924. № 5. С. 231–260. С. 235.

²⁹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

На следующий день 12 сентября (30 августа) движение продолжилось, а генерал В. Е. Флуг отдал дополнительное распоряжение, в котором предписывал 22-му корпусу еще и прикрывать направление Августов — Соколка. В этот день были получены сведения о движении противника на Маркграбово и Сувалки. Генерал А. Ф. фон дер Бринкен решил атаковать их во фланг, однако вечером поступил приказ отступать обратно к Августову³⁰. В это время 3-й Сибирский корпус вышел к Лыку, в одной из стычек в плен были взяты четыре германца, один из которых сообщил, что в городе находятся 84-й и 31-й ландверные полки при 24 орудиях и 70 кавалеристов³¹. Утром следующего дня началось наступление, ставившее целью овладеть Лыком, однако вскоре пришел, видимо, запоздалый приказ об отводе войск за границу к Граеву и Щучину (для обороны р. Бобр).

13 сентября (31 августа) 22-й корпус отступал, к вечеру расположившись в районе Августова. 1-я армия покинула Восточную Пруссию, а 10-я армия переходила к обороне по р. Бобр. Отметим, что в это время корпусу была подчинена бригада Кавказской гренадерской дивизии, а также прибыл авиатряд, что улучшило его возможности по ведению разведки.

14 (1) сентября финляндцам была дана дневка, а на следующий день корпус переместился в г. Липск. 16 (3) сентября корпус продолжал отход, причем противнику был оставлен Августов. Противник вошел в него примерно в 5 часов вечера, а оборонявшая город 4-я Финляндская бригада при отступлении взорвала шлюзы августовского канала³². Узнав об этом, командующий армией генерал В. Е. Флуг потребовал вернуть город, так как справедливо считал, что перед корпусом находятся незначительные силы. Однако генерал А. Ф. фон дер Бринкен, лучше знавший состояние своих войск, заявил, что ввиду растянутости корпуса и недостаточности сил произвести эту операцию с надеждой на успех невозможно³³.

Отметим, что 14 (1) сентября немцы прекратили преследование 1-й и 10-й армий, вытеснив их за границу Восточной Пруссии и заняв часть территории Российской империи (Августовские леса, через которые отступал 22-й корпус). Основные германские силы стали перебрасываться на помощь Австро-Венгрии, которая в это время потерпела тяжелое поражение в Восточной Галиции. Для прикрытия была оставлена

³⁰ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 8.

³¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 8.

³² РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

³³ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 10.

относительно слабая армия генерала Р. фон Шуберта³⁴ (до 100 000 солдат), которой предписывалось вести демонстративные действия и тем самым прикрыть маневр.

16 (3) сентября произошли перестановки и в командовании фронтом. Вместо генерала Я. Г. Жилинского главнокомандующим был назначен генерал Н. В. Рузский³⁵, человек близкий военному министру В. А. Сухомлинову³⁶ и один из героев успешной Галицийской битвы³⁷. Северо-Западный фронт перешел к обороне. Части пострадавших 1-й и 2-й армий приводились в порядок, приходили пополнения. 10-я армия укрепляла занятые позиции. Сама она была усилена двумя свежими корпусами: 2-м Кавказским корпусом генерала П. И. Мищенко³⁸ и 1-м Туркестанским (или, как писалось в документах — Сводным корпусом генерала М. Р. Ерофеева³⁹).

Достоверных сведений о противнике и плане его действий не было, однако как в штабе фронта, так и в штабе 10-й армии рассматривалась

³⁴ Шуберт Р. фон (1850–1933) — немецкий военачальник. Первую мировую начал как командир 14-го резервного корпуса. В течение месяца командовал 8-й армией. Затем командовал корпусом и армией на Западном фронте.

³⁵ Рузский Н. В. (1854–1918) — участник русско-японской войны. Начал Первую мировую командующим 3-й армией. Отличился в Галицийской битве. В сентябре возглавил Северо-Западный фронт. В марте 1915 г. (официально по болезни) покинул пост. С августа по декабрь 1915 г., а также с августа 1916 по апрель 1917 г. командовал Северным фронтом. Несмотря на большую популярность в обществе, не одержал никаких побед.

³⁶ Сухомлинов В. А. (1848–1926) — в 1909–1915 гг. военный министр. В 1915 г. в глазах общественности стал одним из «виновников» тяжелого положения русской армии.

³⁷ Отметим, что отставка сопровождалась серией интриг между генералом Жилинским и генералом Ренненкампом. Первый пытался списать на командующего 1-й армией сентябрьскую неудачу в Восточной Пруссии, а второй сам претендовал на пост главнокомандующего. См.: *Пахалюк К. А.* Генерал П. К. фон Ренненкампф // Рейтар. 2012. № 2.

³⁸ Мищенко П. И. (1853–1918) — герой русско-японской войны. С началом войны командовал 2-м Кавказским корпусом, а затем 11-м Кавказским корпусом. После неудачных боев у Сохачева в конце 1914 г. отстранен от командования, однако расследование не нашло его вины. В марте 1915 г. возглавил 31-й корпус.

³⁹ Ерофеев М. Р. (1857–1941) — участник русско-японской войны. В годы Первой мировой непродолжительное время командовал 1-й Туркестанским и 7-м Сибирским корпусами.

возможность наступления германцев в том или ином районе. Так, например, днем 18 (5) сентября в разговоре с генералом В. Е. Флугом начальник штаба фронта генерал В. А. Орановский⁴⁰ передал опасения главнокомандующего за левый фланг 2-й армии, поскольку «в районе Млава — Сольдау — Остероде — Страсбург⁴¹ оказалось сосредоточение значительных сил противника, передовые части которого заняли Прасныш и Цеханов»⁴². А 22 (9) сентября в штабе 10-й армии рассматривались три варианта действий противника (прорыв у д. Штабина или Сопоцкина с последующим наступлением с целью отрезать 2-ю армию и Туркестанский корпус от основных сил 10-й армии или же прорыв у Ковно и Гродно⁴³ с целью отрезать 2-ю и 10-ю армии от тыловых коммуникаций) с возможными способами их блокирования. Генерал В. Е. Флуг в целом согласился с предложениями⁴⁴.

Неудивительно, что когда немцы начали вести демонстративные бои, они были восприняты как наступление. Этому, видимо, способствовали результаты столкновений предыдущих дней. Так, 24 (11) сентября конница В. И. Гурко у Копциово вступила в бой с противником, после чего отошла к д. Ржандов и Кадыш. А 25 (12) сентября противник атаковал Сопоцкин, около которого находилась 1-я Финляндская стрелковая бригада. Донесение об этом пришло днем, а уже в 6:40 вечера из штаба армии поступил приказ принять все меры для задержки германцев. В д. Кодивце для поддержки фланга была выдвинута Кавказская стрелковая бригада. Генерал В. И. Гурко сообщил о необходимости занятия д. Микашевки конным отрядом. Вечером генерал-квартирмейстер 10-й армии генерал А. П. Будберг⁴⁵ сообщил, что Сопоцкин надо удержать, а потому там стóит сосредоточить весь корпус, оставив отдельные части у Липска и д. Богатыри для прикрытия этих направлений⁴⁶.

⁴⁰ Орановский В. А. (1866–1917) — герой русско-японской войны. В Первую мировую был начальником штаба Северо-Западного фронта, а с начала 1915 г. командовал 1-м кавалерийским корпусом.

⁴¹ В настоящее время все эти города находятся в Польше. Сольдау (Зольдау) переименован в Дзялдово, Страсбург — в Бродницу, Остерода — в Оструду.

⁴² РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1 Д. 11. Л. 23.

⁴³ Ныне Ковно называется Каунас (Литва), а Гродно находится на территории Белоруссии.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 45. Кн. 1. Л. 184.

⁴⁵ Будберг А. П. (1869–1945) — участник русско-японской войны. В Первую мировую был сначала генерал-квартирмейстером, а затем и начальником штаба 10-й армии. После поражения армии в феврале 1915 г. отстранен от должности. Впоследствии командовал дивизией и корпусом.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 15, 15 об.

26 (13) сентября немцы начали демонстративную атаку у г. Друскеники⁴⁷ (стык 1-й и 10-й армий), а потому в наших штабах предположили, что основные вражеские силы расположены в д. Серее — Лейпуны — Копциово. 22-му корпусу предписывалось всеми силами оборонять позицию у Сопоцкина⁴⁸, а на следующий день перейти в наступление. В 12 дня 4-я бригада прибыла в район д. Перстун — Голынка. Отметим, что в этот день финляндские стрелки были подчинены командиру 2-го Кавказского корпуса генералу П. И. Мищенко.

27 (14) сентября корпус начал продвижение вперед, имея общей целью охватить противника и отрезать его от д. Копциово. На следующий день 28 (15) сентября наступление продолжилось. В 5:10 вечера в штаб корпуса пришло донесение от командира 1-й бригады генерала Волкобая о том, что он взял д. Копциово. В бою было убито 34 офицера, один ранен, потери в нижних чинах около 50 человек.

Русские войска медленно вытесняли немцев из Августовских лесов. Наступление осложнялось проблемами связи, отсутствием надежных данных о противнике, а также тем, что немцы за полторы недели нахождения в Августовских лесах сумели подготовить их к серьезной обороне. 3 октября (20 сентября) русские войска вошли в Сувалки. В приказе по армии от 4 октября (21 сентября) отмечалось: «Боевые действия армии в районе Августовских лесов, начавшееся взятием Августова, боями на направлении Сопоцкин — Копциово и отбитием немцев на переправах через Неман, завершились поражением противника на всем фронте Сувалки — Августов. Немцы в беспорядке отступают в свои пределы. Много выносливости на походе и беззаветной храбрости в непрерывных боях было выказано молодецкими войсками Армии. Ни бездорожье, ни непогода, ни огонь противника не могли остановить их порыва»⁴⁹. Хотя в прессе и пропаганде эти бои представлялись как реванш за поражение в Восточной Пруссии и отражение попытки немцев наступать к Варшаве⁵⁰, в действительности результаты были более чем скромными,

⁴⁷ В настоящее время г. Друскининкай, Литва.

⁴⁸ Ныне городской поселок в Гродненском районе Гродненской области, Белоруссия.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 1. Л. 21.

⁵⁰ Сражение в Августовских лесах — или, как его называли, «битва на Немане» — было превращено пропагандой в крупную победу, равную по своему значению чуть ли не событиям в Восточной Галиции. См.: Битва на реке Немане и разгром немецкой армии ген. Гинденбурга. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915; Бои на Немане и в Августовских лесах. Одесса: Библиотека Европейской

а дальнейшее наступление в Восточную Пруссию фактически провалилось. В итоге генерал В. Е. Флуг был снят с должности, а генерал Н. В. Рузский отмечал необоснованно высокие потери в боях с 26 сентября по 9 октября (13 по 26 сентября)⁵¹.

Ниже опубликованы воспоминания А. Я. Семакова о событиях в Восточной Пруссии и Августовских лесах. Публикуется также приведенный им рассказ подпоручика 16-го Финляндского стрелкового полка А. Ф. Колошманова об одной из разведок, видимо, произведенной, когда 22-й корпус занимал оборону в Августовских лесах. Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Даты приведены по старому стилю. Хотя он требует серьезной литературной редакции, было решено сократить ее до минимума (изменению подверглась разбивка на абзацы и предложения, а также в некоторых случаях трансформировалась структура предложений) с тем, чтобы максимально сохранить авторский стиль.

войны 1914 г., 1914; Великая война в 1914 г.: Очерк главнейших операций. Русский западный фронт. Пг.: Издание Б. А. Суворина, 1916. С. 60–63.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 1. Л. 33.

Заметки военных действий

В 1914 году 13 августа¹ наступило для России тяжелое время, время кровопролития. Это было объявление войны Германией и Австрией. Это будто бы началось так. В Австрии убили наследника престола². Убийцей же признавали наших славян сербов, и вот из-за этого и объявила Австрия войну Сербии, а русские заступились за славян. В защиту Австрии заступилась Германия, которая, как видится, только этого и желала. Вот это-то время и есть тяжелое и роковое для всех держав. Вот уже второй год войны, сколько побито людей, сколько разорено местностей и богатства, и еще неизвестно, чем кончится война: победой наших войск или проигрышем — один знает только Бог³.

Я — крестьянин дер. Большой Ефимовы Алексей Яковлевич Семаков и хочу занести в эту книгу то, что мне пришлось видеть и испытать на театре военных действий. Мы, т.е. наша часть войска, до объявления войны находились в лагерях в городе Вильмонстран⁴. В воскресенье 13 июля, как сейчас вижу, нам была сделана тревога, что и почему эта тревога, никто ничего не знал. Здесь стояли 1-й, и 2-й, и 13-й, 14-й, 15-й и 16-й Финляндские стрелковые полки — все эти полки были на отдыхе по случаю праздничного дня. Вдруг в 10 часов пришла телеграмма, что убраться всем по зимним квартирам. Вот где было на что посмотреть. Кругом кипела работа. <...> Собрали и погрузили все вещи, цейхгаузы, сундуки и матрасы, и лошадей полковых, и телеги — одним словом всё, что называется.

А в 12 часов уже сопровождали его с 4-мя оркестрами музыки и знаменами. Вот на эту тревогу было смотреть и интересно, и жалостно. Так и все остальные полки уехали один за другим. Нашему полку было ехать далеко. Мы на зимние квартиры приехали только 15-го [июля]. Прожили с приезда два дня, и с 17 на 18 вечером приказали построиться

¹ Поскольку воспоминания писались спустя год, видимо, допущена ошибка или описка — война началась 19 июля (1 августа) 1914 г.

² Речь идет об убийстве кронпринца эрцгерцога Франца Фердинанда сербским террористом Г. Принципом в г. Сараево 15 (28) июня 1914 г.

³ Если в 1914 г. война была встречена широким энтузиазмом и верой в скорую победу, то после поражений 1915 г. настроения сильно изменились.

⁴ Правильное название Вильманстранд, ныне Лаппеенранта, Финляндия.

всему полку. Я, так как в то время был ротным писарем, не ходил туда; когда там заиграла музыка, я тоже вышел послушать. Музыка сперва стала играть «Марш за царя», потом вскоре кончила, и вдруг слышу, командир полка начинает говорить речь. В конце всего выясняется, что нам объявлена война⁵. У всех за сердце так защемило, у некоторых показались слезы на глазах, но воодушевление народа и солдат хорошее. После этого всего покричали «Ура!!!», прошли церемониальным маршем и по казармам. Много было разговору и пересудов между солдатами, но вскоре всё прекратил фельдфебель. Так как время было уже вечер, то он сказал: «Сегодня наша рота по приказу назначена на случай тревоги, так извольте спать одевши, и чтобы винтовка своя была не в пирамиде⁶, а возле бока каждого. Я пойду на поверку».

Тут вскоре встали на поверку, а после поверки все одевались и ложились спать с винтовкой и по тридцать боевых патронов. Ночью, конечно, было спокойно, тревоги никакой, а на завтрашней день проводили сбор на войну. Лишнее продавали, а остальное поклади и запечатали, и вот в такой укладке мы провозились целых 10 дней, а уже 25 июля выступили и поехали на станцию Рихимяки⁷.

Сюда мы приехали специально для того, чтобы быть ближе к Петрограду в случае получения запасных нижних чинов. Запасных мы получали медленно и только совсем успели закончить мобилизацию 13 августа. За то же время усиленно производили занятия для того, чтобы познакомить ниж[них] чинов со стрелковым делом наших частей. Когда было всё готово, так каждый день ждали приказания к выступлению. В этом нас тоже долго не задержали, а потребовали: 21 августа мы уже сели на поезд и отправились⁸. 22-го мы все ехали в Финляндии, а ночью с 22 на 23-е были в Петербурге. Тут стояли только 4 часа, потом поехали в Псков, тут тоже была остановка целых 5 час[ов]. А 24 августа были в Вильне⁹. Утром же 25 мы приехали на станцию Августов.

⁵ Война была объявлена только 1 августа (19 июля), видимо, речь идет об объявлении всеобщей мобилизации.

⁶ Специальный шкаф для хранения винтовок к казарме.

⁷ Вероятно, имеется в виду город Рийхимяки, Финляндия. Железная дорога Рийхимяки — Санкт-Петербург была построена в 1870 г.

⁸ Приказ об отбытии на фронт был получен 28 (15) августа, 1 сентября (19 августа) был получен второй приказ об ускорении отбытия и только 2 сентября (20 августа) был отслужен прощальный молебен. См.: РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 3, 4.

⁹ Ныне г. Вильнюс, Литва.

Тут мирные жители говорят, что уже была слышна перестрелка. Мы на это не обратили внимания и тут же в лесу стали располагаться на бивуак. Не успели расположиться, как вдруг вызвало переполох. С какой-то стороны полетел аэроплан, бросил бомбу и убил у нас 4-х человек 14-го полка. Вот вам первый ужас нашего выступления. Хорошо, и мы тоже долго не думали, открыли залповый огонь из винтовок, так как аэроплан был низко. Через три-четыре залпа наш аэроплан полетел книзу и опустился — тут же его и взяли в плен. Отдохнув часа четыре, мы потом стали собираться в поход пешком — довольно ехать по машинам.

Маршрут пешеходного путешествия был назначен на город Граево. От Августова до Граево было 42 версты. Надо было прийти на подкрепление, и чтобы не опоздать, мы выступили часов в 7 вечера. И вот мы с полным походным снаряжением отправились, и вот отошли, сначала 10 верст ничего, а потом стало тяжело. И начинают солдатики кое-что бросать, особенно из своих вещей — у кого были теплые рубашки, у кого тужурки, и всё это стали уничтожать, пока полная выкладка превышала 2 пуда. А ведь патронов было по 180 шт., да и винтовка. Вот и я был порядочно снабжен всем. Погода в то время, как назло, стояла хорошая и жаркая. Отошли мы 28 верст, подошли к городку или местечку Райгород. Думали, что тут хорошо отдохнем. А оказывается, что нам и остановиться тут не дали. Потом перешли версты 2, и потом нас остановили, чтобы раздать нам наваренный в кухне обед. Это было часов 6 утра. Значит, шли мы всю ночь. Кто-то получил обед, кто-то и нет, и скорей пошли дальше.

В Граеву мы пришли около 12 часов. Много было отставших. Вот когда шли от Райгорода до Граево, мы встретили раненых наших финляндцев. Скверное положение было смотреть на своих товарищей, которые истекали кровью на подводах тихо двигающихся лошадей. Наконец мы дошли с большим трудом до назначенного места. Я по пути тоже выбился из сил и начал отбавлять от своих вещей. Сел я отдохнуть, снял мешок и достал оттуда теплую рубашку, и одни портянки, и лишнюю гимнастерку, и лопатку, да мешок сухарей. И всё это положил в ямочку и накрыл палаткой, и тут оставил первую жертву своего походного имущества. Вот на место пришли поесть на бивуак. Расположились кругом в кустах и березняке, только пообедали. Съели по банке консервов и легли спать. Недолго спали, вдруг сделался большой переполох, т.е. открыли стрельбу. Мы вскочили, как сумасшедшие, и не знаем, что делать. Я был разутый. Начинаю надевать портянку, ничего не выходит. Сам весь дрожу, не знаю, в чем дело: кто говорит — немцы, а кто говорит — наши. Но вскоре выяснилось: наши сторожевые роты

открыли частую стрельбу по немецкому аэроплану¹⁰. Мы, встревоженные, соскочили, и потом вскоре нас успокоили.

Вот мы провели ночь. Ночью была слышна залповая артиллерийская стрельба. Назавтра тут отдохнули как следует. После обеда нашему батальону было приказано перейти немецкую границу и оттеснить противника. В 12 часов мы выступили, с нами батарея полевой артиллерии. Ходили, ходили, устроили сторожовки¹¹, но на противника не наткнулись. Дождались до позднего вечера, вдруг на это место пришел 2 финляндский стрелковый полк, а мы пошли в деревню Черновицы, но деревня вся была занята нашими войсками. Нам пришлось расположиться на поле. Здесь и проспали кое-как. Потом нам 29 августа снова вышло приказание, чтобы опять возвратиться туда и пробыть там дольше. Вот мы сразу двинулись верст 20 за границу и проходили всё время по Германии. С двадцать девятого на тридцатое ночью мы остановились в лесочек на часок соснуть. В это время дивизия немецкой кавалерии подъехали к нам на расстояние 500 шагов, а мы не видели. Вот когда нам донесли, что мы окружены 4-мя полками кавалерии, нам было делать ничего нельзя, потому что нас один полк. Мы, конечно, затихли все, и они по случаю темной ночи нас не заметили, а проехали мимо. Когда они проехали, мы насторожились и заняли те места, чтобы их обратно не пропустить. И вот какой нечаянный был переполох, так как противника не встретили и вдруг окружены.

И вот мы целых три дня ходили по германской земле, не притыкаясь к месту. А погода была целую неделю — как сквозь сито, сеяло дождем, стало очень грязно, шинели на солдатах грязные и мокрые, и сколько суток уже не переоделись. Господи! Долго ли, думали, будет это мучение, никто не знал. Вдруг нам говорят, что противник занял Сувалки. Поэтому мы оказываемся на 60 верст в тылу противника. Вот и опять нужно скорей удирать, а то отрежут. И вот мы эти 60 верст за один день отсюда решили выйти, чтоб не остаться в плену. Действительно, и переход был для нас очень тяжелый, потому что ходили всё неделю и ни разу не отдыхали. И вот пришлось еще 60 верст кое-как идти. Собрали последние силы и отправились, думали то, что чем в плену оставаться, то

¹⁰ Стоит отметить, что в годы Первой мировой русские солдаты открывали огонь чуть ли не по каждому аэроплану, считая его немецким. Точно так же под обстрел попадали и собственные летчики. Как правило, серьезного урона такая стрельба нанести не могла.

¹¹ Видимо, так автор называет сторожевые охранения.

лучше сначала в бою побывать, а потом — что Бог пошлет. И вот пошли. Где только люди ни присядут отдохнуть, тут и спят. Все измученные, кое-как добрались до Августова. Я и еще двое со мной остались у одного поляка ночевать, а остальные, кто мог, шли дальше за Августов. Шли три версты и там расположились. Мы сразу же легли спать, а назавтра кое-как разделись и попили у него чаю, а потом отправились. Шли городом. Купить можно только яблок и конфет, а больше съестного ничего нет. Из города все бегут, город почти что опустел. Я купил яблок, поели с товарищами. Хлеба у нас не было и купить негде.

Подходим мы к расположенному бивуаку нашего полка, а там как раз раздают обед. Я сейчас же с котелка взял суп. Там же раздавали сухари. Постояли немного, сухарей из своей доли поели немного и опять в поход — куда, никто не знает. Отошли верст семь, остановились в лесу. Командир полка¹² подъехал на лошади и говорит: «Ну вот, братец, мы за эту неделю выходили больше двухсот верст — для чего, вы, конечно, не знаете. Это была наша задача, мы ее выполняли, и выполнить нам удалось успешно. Дело в том, братцы, противник наш налегал очень на Варшаву и хотел взять ее. Но мы, конечно, пошли в его землю, и вот там ходили туда и сюда, доказывали, что в его земле много шляется войска. Конечно, нам трудны были эти переходы, но мы выполнили. Спасибо, братцы». Послышался ответ ниж[них] чин[ов]: «Рады стараться, ваше высокородие». Затем: «Вот что, братцы, покуда мы там ходили, то немцу дошли эти слухи, он взял войска от Варшавы и послал сюда, вот они теперь заняли наш город Сувалки. Вот теперь будем на отдыхе рыть окопы близ Августова». Это было второго сентября прошлого 14-го года.

Я очень хорошо припоминаю то время, когда мы остановились на биваке. В то же время стали готовить позицию в 3 вер. от Августова, так как противник шел по направлению на Гродно. Сперва мы разбили палатки и отдохнули. А на завтрашний день приступили к работе. Окопы мы готовили от бивака в расстоянии 2-х верст. Мы, конечно, не опасались [противника]. Всё оставили на биваке, кроме шанцевого инструмента, топоров и лопат. Работали себе день благополучно и второй день, а 3-го числа уже почти доканчивали проволочное заграждение.

Вдруг недалеко от нас послышалась стрельба. Мы сначала думали — наши разведчики. Оказалось, нет. Мимо нас летят пули, значит, это немцы. Как же так — никто ничего не знает. Потом выяснилось, что

¹² Командиром 14-го Финляндского стрелкового полка был полковник П. И. Иванов.

противник наткнулся на нашу сторожевую роту. Вот хорошо нам — долго думать некогда. Мы бросились бежать к расположению своего бивака. А ведь недалеко — около 2 верст; покудова бежали туда да там собрались, скатали палатки, да потом опять бежать обратно. Прибежали, стрельба всё идет. Мы скорее в окопы, потом стрельба немного стихла. Смотрим, из нашей сторожевой роты тащат раненых солдат. Мы жалостно посмотрели на это дело и переговорились между собой: «Да, ребята, нас всё ожидает то же». Ну что же, повиновались судьбе. А погода была в этот день очень хороша, ясная и красивая. Как мне, так и каждому не хотелось умереть. А у каждого человека грудь дышала жизнью и мечты бежали вперед, а сидя в окопах — нет-нет просвистывали пули. Надежда на жизнь была плохая. Мы в это время все сдались на произвол судьбы, так как все были неопытные, перестрелку с противником ведем в первый раз. Вдруг сзади говорит офицер: «Ребята, приказано отступать. Давайте по одному бегите, и назад туда, в лощинку».

А впереди нас были озера и мост. Мост был приготовлен к взрыву. Вот дошла и моя очередь вылезать из окопа. Только я полез, в это время произошел взрыв моста. От такого стуку я так и скатился в окоп. Мне показалось, что возле меня разорвался какой-нибудь тяжелый снаряд. Но вскоре же пришел в себя, смотрю, наши понемногу убираются всё дальше. Я тоже выскочил из окопа и побежал дальше. Когда собрали все роты, мы продолжили отступать. Отошли несколько верст. Сошлась вся наша бригада, 4 полка. Тихонько поговорили, у кого в полку какая потеря. У нас оказалось, что 4 убито и 7 ранено, и ранен один офицер. Один всех больше пострадал наш 14-й полк. Там потери сразу около роты солдат, и, кажется, немцы разбили у нас 2 пулемета. Отдохнув здесь минут 15, мы пошли дальше¹³.

Отошли 10 верст, остановились в приготовленных до нас окопах. Ночевали тут, на поле близ деревни Грузки, а на завтрашний день был дождь. Мы разошлись, которые в окопы, которые в лесок, в резерв. Так простояли мы до 7-го числа. Седьмого вечером наткнулся на нас противник, сила которого нам была известна через разведку. Шестого мы вели артиллерийский бой¹⁴, а назавтра пошли

¹³ Судя по всему, здесь описаны столкновения 16 (3) сентября, которые предварили занятие противником Августова.

¹⁴ В журнале военных действий корпуса отмечается, что противник вел наступление на д. Грузки до 3 часов дня 19 (6) сентября. См.: РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 12 об.

в наступление и шли почти до самих немцев без стрельбы, так как нам впереди себя ничего не было видно, потому что заглушал тростник. А когда подошли шагов на 20, то немцы услышали, что мы близко. Они стреляли по шороху, т. к. и им ничего не было видно. Но они все-таки долго не задержались. Видя, что мы всё идем и идем, тогда они бросились бежать, и мы гнали их 4 версты, а потом вернулись обратно в Грузки. Переночевали тут. Отдохнув немного, пошли занимать сторожовку. Это было [ночью] с 7 на 8. Сторожовка ставилась за 4 вер. от дер. Грузок.

Начал моросить маленький дождик. Мы снялись <...> Нашему взводу пришлось идти дозорным. Как раз я с отделением попал в левый дозор. Надо было пройти лугом, а потом этим высоким тростником, трава была мокрая. Дозорные прошли до места, все перемокли от травы. Время уже темное, а у нас сторожевка еще не поставлена. Вот выставили три заставы. Наш взвод попал в главную, часов в 10 вечера дождик начал усиливаться. В 11 часов нам привезли ужин в сторожевку. Сторожовка была в большом лесу, а темень была в тот вечер невыразимая. Все ощупью сходили за ужином, налили нам в котелки щей, стали мы хлебать. Ничего не видно, зачерпываешь ложкой, смотришь — она повернулась, или куда везешь до рта, обязательно прольется. Есть хотелось не на шутку, да, к счастью, щи были-то не очень горячи. Так я [ел] через край, чтобы скорей наестся. Поужинали кто как смог. Все расположились было спать, наш офицер говорит: «Нет, ребята, в сторожовке не спят». Взял нас всех, собрал, выстроил и приказал лечь вдоль этой шоссеиной дороги. Мы легли, а тут место и так не очень сухое, и дождь всё льет и льет. У нас каждый закрылся своей палаткой, но что же палатка — сразу промокла, так как она не натянутая. Канавка эта стала наполняться водой, а снизу и того большая совсем вода. Подынешь голову, послушаешь, только и слышно, как поливает дождь, а как солдаты барабанят зубами от холоду. А в этот вечер и ночь я до того продрог, до того прозяб, что отроду в жизни не встречал кого-то, кто так прозяб. Я и думал, что тут же сдохну. Просидели ночь все вот в таком положении, а дождь как нарочно до самого утра. Как рассвело, мы развели огня немного, отогрелись, а в 9 час. нас сменила 6-я рота. Мы пошли спать в дер. <...>

А после этой стужи, холоду и голоду мы весь день 9-го [сентября] отдыхали, а на ночь наша рота на случай тревоги должна была ночевать в окопах. А 10-го весь день шли назад. Среди солдат передавали, что будет отдых. Действительно, отошли не помню сколько верст до дер. Кончен

и тут остановились. Простояли мы 11-го и 12-го, но не отдыхая, а проводили занятия. 12-го отслужили всенощную, выступили в поход ночью. Отошли, но почему-то нас вернули. Мы опять переночевали в этой же деревне. Выступили в 5 утра на село Дубровки, тут стояла наша первая бригада. Мы прошли Дубровки, свернули влево, отошли еще верст 10-ть. Блудили, так и пришлось остановиться в лесу. Разложились спать. Нашу роту потребовали на работу. Нужно было построить [мост] для проезда артиллерии. Проработали и эту ночь. Назавтра опять в поход¹⁵.

Бои 15 сентября 1914 года

С 14 на 15 сентября мы всю ночь устраивали мост для артиллерии. Было сделано три моста. К рассвету всё было готово, только успели поесть, наш полк тронулся в поход. Конечно, нам пришлось идти, не глядя на то, что мы вторую ночь не спали. Отошли мы так верст 15. Конечно, впереди были разведчики, вдруг слышим — перестрелка... Офицеры говорят, что наши. Идем дальше. Сделали шагов двадцать, вдруг один разведчик вернулся к нам с раненой лошадейю, говорит, что напал и обстрелял нас немецкий конный разъезд в числе около 30 всадников. Мы немного тут посидели, у кого был хлеб — поели, а у кого не было — поглядели. Вдруг вышло приказание продвигаться вперед. Отошли с версту, впереди была деревня Кареевиц. Она занята противником. Вот только мы подошли к полям этой деревни, как немцы открыли стрельбу, в это время шел редкий дождик при сильном ветре. Мы раскинулись в цепь, а большая часть солдат голодные, т. к. уже второй день не получали хлеба. Затем очень прозябли на открытом месте — здорово пошел дождь. В этом бою мы выиграли, пользуясь полным обходом. Таким образом, мы кругом обошли противника и ударили со всех сторон, тогда немцам некуда стало двигаться. Так они бросились прямо в озеро и тут потонули. В плен мы захватили только 18 человек. Назавтра утром тут же захватили 22 повозки корпусного обоза, все эти повозки были наполнены хлебом, вот когда подъели весь хлеб, то не менее пришлось на каждого солдата как фунтов 6-ть. Действительно был праздник, тогда у солдат голодали два дня и голодные шли в бой, и то и это били через надо, а хлеб у немцев весь белый, хороший.

¹⁵ По сведениям из журнала боевых действий 22-го корпуса 27 (14) сентября 4-я бригада прибыла в район д. Перстун — Голынка. См.: РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 15 об.

После этого мы тут ночевали и пошли назад к Сувалкам. Отошли 2 версты и опять остановили в дер. (Ковали), простояли тут до семнадцатого, а 17-го было приказано выбить противника из дер. Березники¹⁶.

Рассказ офицера с разведки

Мне командир полка поручил сделать разведку при отступлении нас от Августова близ деревни Грузки. Я набрал охотников солдат, т. е. финляндцев, идти в разведку, не более как человек 18. В том числе были и унтер-офицеры и один подпрапорщик – фамилия Мохно.

Вот хорошо мы сразу же разделись. Махно¹⁷ пошел с 9 человеками вправо от шоссе, а я с 8 влево. Шел, шел я влево, вдруг слышу там не дальше чем в полверсте стук, я подумал, что кто-то идет по шоссе, стали все прислушиваться и сразу подумали, что не иначе как противник подвозит артиллерию. Я скомандовал всем ребятам рассыпаться по той тропинке, которая в лесу пересекала ту шоссе, по которой, вероятно, двигался противник. Ребята у меня сразу применились к местности, кто за кочкой скрывая себя, кто за большим деревом, а кто и в ямке какой-либо, скоро всё это затихло, и я думаю, черт возьми, сейчас должна показаться их пехота. А вдруг она нас обнаружит, так мы все пропадем, ну, решил надеяться на бога. Сказал, кстати, ребятам: «Что, ну, братцы, живым в руки немцев не даваться». Те сделали кивок головой, было можно понять то, что согласны помереть заодно. Мне от этого кивка дало бодрости. Я стал прислушиваться и посмотрел немного в бинокль, определил то, что мы не дальше трехсот шагов от шоссе, которую хорошо было видно по направлению той тропинки, на которой мы расположились.

Слушаю дальше и еле слышу топот и маленький треск по сторонам дороги. Показались их дозоры впереди по сторонам дороги. Идут не дальше как на полтора шагов. Я думаю, что они нас не заметят. Надо пропустить их и посмотреть, насколько у них тут силы, а потом и подумать. Если я останусь сзади их, то как самим-то пробраться обратно? Ну да, «как-то» — как Бог решил. Вот вскоре после дозоров, смотрю, идут их колонны пехоты. У меня так мороз по коже и пошел. Ну, думаю, пропали все мы. Они идут так чинно, один одному

¹⁶ Отметим, что деревня Березники была взята. 13-й и 14-й Финляндские стрелковые полки начали преследование, а 15-й и 16-й полки повели наступление на д. Боссе. См.: РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 538. Л. 20.

¹⁷ В тексте встречается два варианта написания фамилии.

в затылок, в рядах офицеры. Вперед вот прошла одна рота, за ней идет другая, затем третья, а за третьей идет батарея полевой артиллерии. Вдруг едет офицер и с ним ординарец. Они заметили эту тропинку и повернули конец, подъехали шагов 200 и остановились — слушают. Я, недолго думая, решил по ним открыть стрельбу и все 8 человек открыли частый огонь. С первого же выстрела один всадник свалился, только не знаю, солдат или офицер, а остальные во все ноги бросились в сторону. Проехали, теперь едет их артиллерия. Мы давай жарить по ним. Они поехали галопом, и тут произошла большая суматоха. Результат оказался очень хорошим: убили 2 лошадей и одного всадника.

После этого дремать было некогда, так как хотелось все-таки вернуться к своим. Дело-то очень скверно, так как мы в тылу противника. Маленькая неосторожность, и мы должны пропасть. Я все-таки не растерялся и решил уходить, не жалея своих ног. А для того чтобы выйти невредимым, нужно было обойти гораздо дальше влево. И вот пошли. Когда сравнялись с их фланговой цепью, я решил обождать, так как начинался наш и их артиллерийский огонь. Остановившись, я следил, каковы удары будут нашей артиллерии. Оказалось, что наши первые залпы как раз ударили по цепи противника, а потом у них опять началась суматоха.

Я так и вернулся к своей части, рассказал о разведке и о силе противника, что у них пехоты один батальон, т. е. три роты, и батарея полевой артиллерии. За эту хорошую разведку я был представлен к награждению Золотым оружием, а все остальные — Георгиевским крестом.

Подпоручик А. Ф. Колошманов¹⁸

¹⁸ В 1915 г. подпоручик Александр Федорович Колошманов был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за то, что «в боях 2-го, 3-го и 4-го мая 1915 года, командуя батальоном и получив приказание прикрыть перевалы у течения рек Тысменица и Стбнице, невзирая на губительный неприятельский артиллерийский огонь, отбивал яростные атаки противника, превосходившего его в силах, и не уступил своей позиции. 7-го мая, видя, что нашему пулемету грозит опасность, бросился со взводом вперед и отбил пулемет, захваченный уже противником. Будучи дважды ранен, остался в строю и успешно сдерживал наседавшего противника» (*Кузьмин А. В., Мазяркин Г. Н., Максимов Д. Н., Юшко В. Д.* Кавалеры Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за период с 1914 по 1918 г. М., 2008. С. 236).

«СМЕЛЫМ БОГ ВЛАДЕЕТ»:
наступление
Юго-Западного фронта 1916 г.
глазами нижнего чина Е. В. Тумиловича

Автор воспоминаний, Евгений Владиславович Тумилович родился в бедной крестьянской семье. В 1915 г., будучи 18-летним юношей, он отправился добровольцем на фронт и оказался в составе 326-го пехотного Белгорайского полка. Вместе с полком он принял участие в Брусиловском прорыве, а также в тяжелых боях в Лесистых Карпатах. За подвиги он дважды был награжден Георгиевским крестом.

После Октябрьской революции Е. В. Тумилович вернулся домой. В 1918 г. он поступил в Путьский институт в Петрограде и в дальнейшем всю жизнь работал инженером. В 1939–1940 гг. он участвовал в советско-финской войне, а во время Великой Отечественной занимался строительством железной дороги к «Дороге жизни» у Ленинграда. Умер Е. В. Тумилович в 1972 г.

В качестве наследия в семье остались его многочисленные автобиографические рассказы, а также мемуары, которые охватывают период с начала XX в. (жизнь в деревне) до советско-финской войны. Часть воспоминаний, посвященная участию в Первой мировой войне, была передана для изучения в Российское военно-историческое общество и публикуется в настоящем издании.

326-й пехотный Белгорайский полк начал свой боевой путь в августе 1914 г. с участия в Галицийской битве. Он сражался у д. Суходолы и Травники, а осенью — на р. Сан и у Перемышля. В неудачном для русской армии 1915 г. белгорайцы отражали наступление противника у г. Чертково, р. Стрыпа и Стырь. В январе–феврале 1916 г. находились в резерве Юго-Западного фронта в д. Казачизна — Лановице. Здесь полк был укомплектован солдатами маршевых рот. Вероятнее всего, среди них был и Е. В. Тумилович. С 13 марта (29 февраля) полк занял позиции по р. Онут.

Накануне Брусиловского прорыва 326-й пехотный Белгорайский полк (командир полковник Н. К. Чижевский¹) входил в состав 82-й пехотной

¹ Чижевский Н. К. (1861–1918) — окончил Одесское пехотное юнкерское училище, с февраля 1915 г. — командир Белгорайского полка. В ноябре 1916 г.

дивизии (начальник генерал М.Н. Пронтов²). Она, в свою очередь, располагалась на левом фланге 9-й русской армии прославленного генерала П.А. Лечицкого³, одного из лучших командармов Первой мировой.

Летом 1916 г. русская армия планировала вместе с союзниками крупное наступление. Весьма показательно, что даже после Великого отступления 1915 г., сопровождавшегося тяжелыми потерями, наше командование придерживалось активного способа ведения действий. В конце 1915 г. неудачей кончилось наступление у р. Стрыпа и Черновиц⁴, а в марте 1916 г. — у оз. Нарочь. Всё это заставило наших противников думать, будто русская армия более не представляет серьезной опасности. Неудивительно, что в начале 1916 г. Германия основные бои перенесла на Западный фронт, где стремилась обескровить французскую армию под Верденом. Австрийцы же решили сосредоточить свои силы против Италии.

Россия же в спешном порядке перевооружала армию. К лету 1916 г. прошлогодний кризис вооружения был преодолен. На совещании в Ставке 14 (1) апреля был выработан общий план операций. Предполагалось,

произведен в генерал-майоры. Награжден Георгиевским оружием. В 1918 г. в г. Пятигорске был взят в заложники вместе с рядом известных генералов (Я. Г. Жилинский, Н. В. Рузский и пр.) и убит.

² Пронтов М.Н. (1857–1950) — герой русско-японской войны. В годы Первой мировой сначала командовал 32-й артиллерийской бригадой, а затем 82-й пехотой дивизией. В июне 1916 г. командовал Сводным корпусом в составе армии П. А. Лечицкого. С июля 1916 по апрель 1917 г. — командир 23-го армейского корпуса. В сентябре 1917 г. стал командующим 9-й армией. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии. В 1920 г. после боев у Одессы вместе со своими войсками отошел в район действий польской армии. Интернирован. Жил в Югославии. Умер в Белграде.

³ Лечицкий П. А. (1856–1923) — выдвинулся в годы русско-японской войны как один из лучших командиров полков. Не без протекции свыше за пять лет прошел путь от командира полка до командующего войсками Приамурского военного округа. В 1914 г. году возглавил 9-ю армию, которая сыграла значимую роль в победе в Галицийской битве. Осенью 1914 г. способствовал срыву планов противника прорваться на Варшаву. В октябре награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Успешно действовал в период Великого наступления (особенно в боях у Дзвиняче в 1915 г.) и во время Брусиловского прорыва (1916 г.).

⁴ Город Черновцы основан в XII в., с 1775 г. — в составе Австрии. Во время Первой мировой трижды занимался русскими войсками. В настоящее время находится на Украине.

что основной удар нанесет Западный фронт генерала А. Е. Эверта⁵ (из Молодечно на линию Ошмяны — Ковно), а Северный (генерала А. Н. Куропаткина⁶) и Юго-Западный (генерала А. А. Брусилова⁷) фронты окажут содействие вспомогательными ударами. При этом и генерал А. Е. Эверт, и генерал А. Н. Куропаткин сомневались в успехе предстоящего наступления, выступая за активную оборону. Исключением был генерал А. А. Брусилов, заявивший, что Юго-Западный фронт может и должен активно наступать.

Объяснение такой разницы во мнениях стоит искать не столько в личных качествах главнокомандующих, сколько в особенностях положения наших фронтов. Против войск А. Н. Куропаткина и А. Е. Эверта находились германцы, сумевшие создать глубоко эшелонированную линию обороны. По сути, война здесь начала приобретать характер «классического» (как во Франции) позиционного противостояния. Перед Юго-Западным фронтом не было столь серьезных оборонительных позиций противника, а потому здесь русское командование справедливо могло рассчитывать на успех.

Генерал А. А. Брусилов отказался от идеи наступать всеми силами в одном направлении. Главный удар осуществляла 8-я армия генерала А. М. Каледина⁸ (на Ковель⁹), в то время как все остальные армии должны были перейти в наступление и прорвать фронт на своих участках. В результате наносилось четыре мощных удара по австрийским позициям. Действия

⁵ Эверт А. Е. (1857–1926) — участник русско-японской войны. Награжден Георгиевским оружием. В 1914 г. возглавил 4-ю армию, а в августе 1915 г. стал главнокомандующим Западным фронтом.

⁶ Куропаткин А. Н. (1848–1925) — герой кампании 1876 г. против Кокандского ханства, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и боев в Ахалтекинском оазисе. В годы русско-японской войны, однако, стал одним из виновников поражения русских войск в Манчжурии. Несмотря на это по протекции со стороны генерала М. В. Алексеева в конце 1915 г. вернулся в строй, сначала возглавлял гренадерский корпус, затем — 5-ю армию, а после и весь Северный фронт. В июле 1916 г. назначен Туркестанским генерал-губернатором.

⁷ Брусилов А. А. (1853–1926) — участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Значительную часть службы провел в Офицерской кавалерийской школе. Благодаря протекции вел. кн. Николая Николаевича в 1906 г. возглавил 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. С начала Первой мировой — командующий 8-й армией. Проявил себя в первых боях в Галиции, а затем — в Карпатах.

⁸ Каледин А. М. (1861–1918) — генерал, выдающийся кавалерийский начальник. С весны 1916 г. — командующий 8-й армией.

⁹ Город Ковель известен с 1518 г. В настоящее время находится на Украине (Волынская область).

армий между собой были мало скоординированы, а самим командующим предоставлялась значительная свобода для личной инициативы.

Командование сумело тщательно подготовить операцию. В русских войсках наблюдался моральный подъем, что можно связать с преодолением кризиса вооружения и прибытием на фронт пополнения. Подготовка к наступлению велась по всему Юго-Западному фронту, что сделало практически невозможным для противника определение планов русского командования. Более того, учитывая активность германцев у Вердена и австрийцев против Италии, в начале июня 1916 г. австрийский Северный фронт не имел значительных резервов и мог полагаться исключительно на свои силы¹⁰.

4 июня (22 мая) войска генерала А. А. Брусилова перешли в наступление, которое сопровождалось мощнейшей артиллерийской подготовкой. Австрийский фронт был прорван. Особых успехов добилась 8-я армия, 7 июня (25 мая) 4-я стрелковая дивизия генерала А. И. Деникина¹¹ взяла Луцк¹². По просьбе А. А. Брусилова Ставка начала перекидывать на Юго-Западный фронт дополнительные силы, тем самым ослабляя войска А. Н. Куропаткина и А. Е. Эверта. Вскоре продвижение 8-й армии временно прекратилось, поскольку А. А. Брусилов опасался за ее правый фланг. Он полагал, что дальнейшее наступление необходимо развивать совместно с Западным фронтом. Однако 16 (3) июня германцы сами перешли в контрнаступление на р. Стоход и Стырь, поставив войска А. А. Брусилова в тяжелое положение. Развитие первоначального успеха А. А. Брусилов видел в организации наступления на Ковель и дальше — на север в тыл германским войскам, располагавшимся у Пинска. Итогом стали кровопролитные бои в районе Ковеля и р. Стоход в июле, августе и сентябре 1916 г., которые не привели к желаемому успеху. В это время А. А. Брусилов фактически игнорировал успешное развитие операций на левом крыле своего фронта, а именно наступление 7-й армии генерала Д. Г. Щербачева и 9-й армии генерала П. А. Лечицкого, в рядах которой и сражался Е. В. Тумилович.

К началу Брусиловского прорыва 9-я армия занимала фронт протяженностью 90 км в районе р. Днестр и Прут. Севернее нее (на правом

¹⁰ *Нелипович С. Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006. С. 11.

¹¹ Стоит отметить, что в годы Первой мировой Деникин отличился как один из лучших начальников дивизий.

¹² Первое упоминание о г. Луцке датировано 1085 г. Во время Первой мировой войны был дважды взят 4-й стрелковой дивизией генерала А. И. Деникина. В настоящее время находится на Украине (Волынская область).

фланге) располагалась 7-я армия генерала Д. Г. Щербачева, а южнее — румынская граница. Против войск П. А. Лечицкого оборонялась 7-я австро-венгерская армия генерала К. фон Пфлянцер-Балтина¹³. На этом участке фронта русские войска не имели серьезного преимущества в численности или артиллерии, однако предстоящий успех во многом был обеспечен продуманной подготовкой операции, грамотным распределением сил и средств, а также промахами противника, который вовремя не сумел разгадать наши планы¹⁴. Основной удар русские планировали нанести силами 11-го корпуса. Его левому флангу содействие должен был оказывать Сводный корпус, куда была включена 82-я пехотная дивизия.

Наступление началось 4 июня (22 мая), причем оно было предварено мощной артиллерийской подготовкой и газобаллонной атакой. Уже в первый день линия обороны противника была прорвана, русские войска продвинулись на несколько километров. К сожалению, ожесточенное сопротивление противника не позволило развить успех. Через три дня тяжелых боев П. А. Лечицкий отдал приказ закрепиться на занятых позициях. Сводный корпус выполнял в целом пассивную задачу, обстреливая позиции противника и демонстрируя наступление. Как отмечалось в журнале боевых действий 326-го Белгорайского полка за 22 мая 1916 г.: «Демонстрация увенчалась успехом лишь вначале, когда было замечено нервное настроение противника, но уже вскоре после полудня ввиду слабых действий артиллерии противник убедился в отсутствии активных намерений у нас, и было замечено, как целый полк был выведен из д. Топоровце и двинулся на север»¹⁵. На следующий день пришли сведения об успехе 11-го корпуса, взятии 13 000 нижних чинов, 232 штаб- и обер-офицеров и 16 орудий. 6 июня (24 мая) 326-й Белгорайский полк пытался перейти в наступление, однако из-за неподготовленности и сильных позиций противника (до 20 рядов колючей проволоки) оно фактически провалилось¹⁶.

10 июня (28 мая) 9-я армия опять перешла в наступление, которое сломало оборону австро-венгерской армии. 41-й и 11-й корпуса взяли

¹³ Пфлянцер-Балтин К. фон (1855–1925) — австро-венгерский военачальник. В октябре 1914 г. была сформирована группа войск под его командованием. В феврале 1915 г. взял Черновцы. После ряда неудач летом 1916 г. отстранен от командования.

¹⁴ *Базаревский А.* Наступательная операция 9-й русской армии. М., 1939. С. 50–52.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 155. Л. 2 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 155. Л. 3.

в плен 18 000 нижних чинов, 347 офицеров и 1 генерала. К. фон Пфлянциер-Балтин начал поспешный отвод своих войск сначала за р. Прут, а затем — за Днестр. Русские войска начали преследование.

В целом успех генерала П. А. Лечицкого был полным. Всего за 10 дней боев (с 4 по 13 июня) 9-я армия продвинулась на главном направлении на 50 км¹⁷. К сожалению, А. А. Брусилов искал развитие прорыва намного севернее, в районе Луцка, а потому успех 9-й армии остался без внимания. Сам П. А. Лечицкий решил сосредоточить внимание на левом фланге и форсировать р. Прут. К сожалению, из-за недостатка переправочных средств и выявившихся проблем с подвозом снарядов операция была отложена на три дня. В это время 7-я австро-венгерская армия была усилена двумя дивизиями, а начальником штаба стал талантливый генерал Сект.

В ночь на 18 (5) июня части 11-го корпуса (в состав которого 16 (3) июня была включена 82-я дивизия) начали форсирование р. Прут. Переправа проходила в тяжелых условиях, однако сопротивление австрийцев было сломлено, а части 32-й и 82-й дивизий одновременно вошли в Черновцы. Несмотря на колоссальный успех, из-за усталости войск, растянутости фронта и расстройств тыла к вечеру 19 (6) июня преследование основными силами пришлось прекратить. Исключение составили части 82-й, 103-й пехотных дивизий (отряд генерала Промтова) и 3-го кавалерийского корпуса, которые шли по пятам 11-го австрийского корпуса к карпатским перевалам. В плен были взяты 2000 австрийцев¹⁸. 23 (10) июня противник оставил г. Куты¹⁹, который заняла 1-я Донская казачья дивизия. В этот же день А. А. Брусилов изменил задачу 9-й армии, а именно приказал наступать по направлению Станислав — Галич²⁰, тем самым объединяя действия с войсками генерала Д. Г. Щербачева (7-я армия). К 24 (11) июня австрийцы были отброшены к Якобени, а в плен к русским попало 3000 нижних чинов и 40 офицеров²¹.

¹⁷ Базаревский А. Указ. соч. С. 100–101.

¹⁸ Там же. С. 133–135.

¹⁹ Первое упоминание о г. Куты датировано 1448 г. С 1772 г. в составе Австрии. В годы Первой мировой несколько раз переходил из руки в руки. В настоящее время поселок городского типа в Косовском районе Ивано-Франковской области, Украина.

²⁰ Город Станислав основан в 1662 г. В настоящее время находится на Украине и носит название Ивано-Франковск. О г. Галич первое письменное упоминание — в 1140 г. В августе 1914 г. был занят войсками 8-й армии генерала А. А. Брусилова. В настоящее время находится на территории Украины.

²¹ Ветошиков Л. Брусиловский прорыв. М., 1940. С. 113.

Успешное наступление П.А. Лечицкого заставило противника усилить 7-ю австро-венгерскую армию, а ее командующему было приказано держаться во что бы то ни стало: «Русский больше не должен овладеть ни пядью земли в Семигорье и Верхней Венгрии. Каждый боец должен знать, что тут идет бой за решение кампании и судьбу родины»²². Сам К. фон Пфлянциер-Балтин решил организовать контр наступление, однако активность нашей 9-й армии сорвала эти планы: 28 (15) июня наши перешли в наступление между р. Днестр и Черемош. Фронт противника был прорван, в плен попало около 15 000 солдат и офицеров.

В эти дни особенно тяжелые бои развернулись на фронте 326-го Белгорайского полка. Поскольку они достаточно хорошо описаны в воспоминаниях, на них хотелось бы остановиться подробнее.

26 (13) июня предполагалось атакой с трех сторон наступать на горный массив высот 704 и 698. После тяжелого 20-верстного перехода, который включал пересечение многочисленных рукавов р. Черемош (причем течение было настолько сильным, что несколько человек смыло), 326-й полк был брошен в окопы. Артиллерия еще не успела занять позиции, а связь с соседним 41-м Селингинским полком отсутствовала. Приказ о переходе в наступление в 14:00 пришел за десять минут — в 13:50. Всё это в совокупности заставило отложить атаку до 3 часов 27 (14) июня. В это время противник продолжал укрепление позиций. О том, что он собирался упорно обороняться, свидетельствуют заключительные слова одного из приказов, отобранного в дальнейшем у пленного офицера: «Если вы сдадите эти высоты, вы сдадите Австрию!».

27 (14) июня 326-й полк попытался перейти в наступление. Однако из-за слабой артиллерийской поддержки, а также 2-километрового разрыва между правым флангом и Селингинским полком атака захлебнулась.

На следующий день попытка повторилась. После перегруппировки 326-й полк занимал меньший боевой участок, а справа от него разместились 42-й пехотный Якутский полк. В первую линию были выдвинуты 2-й и 4-й батальоны, за ними располагались 1-й и 3-й батальоны соответственно. Стоит отметить, что Белгорайский полк должен был наступать вдоль горного массива высоты 698, оставив в тылу высоту 704. Обе они были заняты австрийцами, которые получали возможность вести огонь по нашим наступающим солдатам. Частям же 328-го Новоузенского и 325-го Царевского полков, которые занимали позиции напротив этих высот, давалась пассивная задача.

²² *Ветошников Л. Указ. соч. С. 120.*

Артподготовка (всего 6 легких батарей) началась лишь в 7 часов утра. Причем из-за плохой ориентировки некоторые батареи начали обстрел частей Белгорайского полка. А поскольку связи с ними не было, то в конечном итоге одну из рот пришлось вообще выводить из-под своего же огня. Приказ о наступлении был отдан в 8:15. Первым в бой пошел 4-й батальон (левый фланг). Он преодолел проволочные заграждения и ворвался в окопы. Наиболее активно действовала 13-я рота, а ее командир прапорщик Зубрицкий погиб в бою. Австрийцы бежали, вскоре белгорайцы взяли высоту 436. В это время и 2-й батальон ворвался в окопы противника. Преследование отступающих австрийцев велось до 10:50, когда наши солдаты достигли д. Черхановки.

Однако самые тяжелые бои еще были впереди. Справа Якутский полк так и не смог продвинуться вперед. 4-й батальон (левый фланг) выдвинулся достаточно далеко вперед, оторвавшись от Новоузенского полка. В разрыв были направлены из резерва три роты, однако они физически не могли его закрыть. Именно здесь и контратаковали австрийцы. Более того, они начали обходить и правый фланг 2-го батальона. Наши войска дрогнули и стали отступать. Некоторые подразделения были окружены и уничтожены. Артиллерия открыла огонь в целях поддержки левого фланга отступающих, при этом проигнорировав ситуацию на правом. Полковник Н. К. Чижевский бросил туда из резерва две роты Новоузенского полка. Однако, продвигаясь вперед, они попали под огонь австрийцев и, не выдержав, бросились бежать. В тылу началась паника. Положение спас начальник штаба дивизии полковник И. А. Рот²³. Он верхом на лошади поскакал вперед и остановил бегущих. Прекращению паники способствовал и командир 1-го батальона полковник Виноградов, который отдал приказ 1-му взводу пулеметной команды прапорщика Ищенко открыть пулеметный огонь по отступающим. Пока на правом фланге была паника, на левом 4-й и 3-й батальоны при поддержке пришедших из резерва двух батальонов Новоузенского полка перешли в наступление и опрокинули противника, взяв 200 пленных. В это время и сосед справа, Якутский полк, сломил оборону противника, взяв его окопы. К 19:00 австрийцы начали отступать по всему фронту 326-го Белгорайского полка. Как отмечалось в его журнале военных действий: «Так был закончен к 20 часам небывалый в истории полка по упорству и ожесточению бой». В ходе боя полк

²³ Рот И. А. (1878– ?) — в 1907 г. окончил Николаевскую академию генерального штаба. С сентября 1914 г. начальник штаба 82-й пехотной дивизии. В 1916 г. награжден Георгиевским оружием.

понес существенные потери: выбито из строя 25 офицеров (из них 8 убиты или умерли от ран) и 1500 нижних (из них 300 убитых). Сам полк пришлось отвести в дивизионный резерв²⁴.

Однако вернемся к описанию боевого пути 9-й армии. Не только Белогорайский полк понес значительные потери 28 (15) июня. Резервов же развивать успех у П. А. Лечицкого не было. Только 30 (17) июня генерал А. А. Брусилов (после уговоров со стороны начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала М. В. Алексева) направил в 9-ю армию две пехотных и одну казачью дивизии²⁵. В ночь на 1 июля (18 июня) противник неожиданно снялся с позиций. Русские войска устремились вперед и заняли г. Коломыю²⁶. 2–3 июля (19–20 июня) противник контратаковал, тем самым задержав наше продвижение.

5 июля (22 июня) П. А. Лечицкий снова атаковал, нанося основной удар севернее р. Прут, и сумел немного продвинуться вперед. В последующие несколько недель П. А. Лечицкий вел активные бои на своем левом фланге силами 11-го корпуса. 31 (18) июля состоялось следующее крупное наступление, фронт опять был прорван, однако из-за отсутствия резервов воспользоваться успехом не удалось.

7 августа (25 июля) 9-я армия устремилась вперед, опять прорвала фланг противника и через четыре дня боев взяла г. Станислав, а также около 20 000 пленных²⁷. Успех сопутствовал и соседней 7-й армии генерала Д. Г. Щербачева. Однако 13–18 августа (31 июля — 5 августа) развернулось контрнаступление австрийцев: группа генерала К. фон Конты на Карпатских перевалах нанесла поражение левому флангу 9-й армии и заставила ее вести оборонительные бои. Попытки наступать в сентябре хоть и привели к взятию в плен 2600 вражеских солдат, но в целом были отражены противником. В октябре в Добрудже тяжелое поражение потерпела румынская армия, а потому все свободные силы Юго-Западного фронта были брошены на ее спасение.

Именно таким был контекст событий, которые описывает Е. В. Тумилович. Мемуары написаны живым литературным языком, что свело к минимуму редакторскую работу. Даты в тексте приводятся по старому стилю.

²⁴ РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 5–15.

²⁵ *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 18.

²⁶ Первое упоминание о г. Коломыя датируется 1241 г. Во время Первой мировой русские войска впервые вошли в город в сентябре 1914 г. В настоящее время находится на территории Украины.

²⁷ *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 28.

Воспоминания Е. В. Тумиловича

На фронт!

Бесконечные занятия, работа на ферме и в мастерских, ничтожный отдых и редкие минуты встречи с Верой слегка заглушали тяжелую действительность моей жизни. Но в тот момент, когда я подходил к дому и открывал тихонько двери своей комнаты, воскресала и точила прежняя глубокая тоска. Постоянные слезы матери, человеконенавистнические окрики и угрозы безнадежно больного брата жестоко угнетали и терзали меня.

Что делать? Как выйти из этого глухого тупика? Нервы мои не выдерживали, и я жестоко страдал. Однажды, закрывшись в комнате, я прислонился к окну и тупо смотрел на пыльную, избитую колесами дорогу, на листья, летевшие по ветру, на быстро меркнувшее небо. Стёкла внезапно заплакали первым осенним дождем. Что делать? Что делать? Эта мысль не оставляла меня. На улице послышался отдаленный скрип крестьянской телеги и тоскливый рев раздираемой с сердцем гармошки. Эти звуки быстро подкатились.

Я распахнул покрытое слезами окно. В телеге, запряженной парой шустрых лошадок, сидело человек пять-шесть молодых краснолицых парней-хуторян. А впереди, неистово размахивая длинным кнутом, стоял на ногах крепко клонувший старый солдат.

Его шинель, небрежно брошенная на телегу, одной полой волочилась по грязной, быстро намокающей дороге.

Вдруг гармошка снова злобно рванула и шесть безумно бесшабашных голосов хватили с досадой и злостью:

— Эх ты, милка моя, на войну везут меня!

Тебя сваты сватают, меня в солдаты прятают,

Ээх!...

Звуки гармошки и дикие выкрики песни быстро заглохли, где-то там далеко за углом, а по колеям, убегающим вслед за скрывшейся телегой, крадучись ползла дождевая вода.

Куда их везут? Кого из них дождутся обратно дома?

Ради чего, ради какой святой идеи или цели повезли их на смерть?

Эти мысли, не находящие ответа, заглушили во мне собственное горе. Сердце болезненно сжалось. И глядя вслед давно исчезнувшей

телеге, я невольно по-детски заплакал. И в этот миг где-то в глубине сознания сам по себе я увидел мой собственный приговор. Вопрос «Что делать?» решился как-то совсем легко и просто, но твердо и бесповоротно.

На следующий же день я подал заявление о вступлении в армию добровольцем. Кроме меня еще два моих товарища по оркестру, Андриюшка Рыков — скрипач и Яша Русанов — трубач, бог знает чем руководствуясь, совершили такой же поступок.

На третий день в городском соборе приняли мы присягу и получили, согласно нашему желанию, направление в артиллерийский полк в Смоленске.

В последний день, когда улеглись все волнения и возврат к старому был уже невозможен, у меня явилось страстное желание проститься с родными полями, взглянуть на безбрежное море созревших хлебов, на старые вербы у тихой дороги. И, вероятно, последний раз в жизни проводить заходящее солнышко над безмолвными липами старого кладбища.

Вскинув ружье на плечо и захватив несколько патронов, я незаметно выбрался в поле и пошел торопливо и быстро, сам не сознавая куда. Потом так же бессознательно повернул в направлении кладбища.

Разбросав руки и стараясь захватить в свои объятия побольше тяжелых колосьев, внезапно сквозь перепутанную сетку золотой соломы я увидел сидящую на зеленом откосе оврага у опушки знакомого кладбища Веру.

Низко склонившись над книгой, она была неподвижна, точно холодный надгробный памятник над последней могилой уснувшего кладбища.

В первый момент я чуть было не бросился к ней. Желания поделиться своими переживаниями перед роковой неизвестностью будущего были почти непреодолимы. Но страшным усилием воли я удержал себя. Зачем терзать себя и возбуждать сожаления и участие у других, не нужно.

Еще несколько минут любовался ею, мысленно держал ее прекрасные косы, нежно лаская ее маленькие теплые ручки, и так же мысленно поцеловал ее голову, хотя в действительности никогда не позволяя себе подобный поступок. Склонившись во ржи, чтобы быть незамеченным, я свернул на другую сторону и быстро спустился в лощину, где вдоль болотистого ручейка стеной стояли и тихо шептались сухие камыши. Иногда здесь взлетали дикие утки, или проворный бекас стремительным полетом взвивался в небо. Сам не сознавая зачем, я зарядил ружье и тихо побрел вдоль густых камышей. День клонился

к вечеру. Неподвижный воздух и глубокая, ничем не нарушаемая тишина царили вокруг. Камыши кончились, и перед моими глазами открылась бесконечная равнина заболоченных тучных лугов, уходивших в голубоватый ползущий туман. Где-то далеко-далеко в неподвижном пространстве как прерванный сон мягко прозвучали два выстрела: паф! паф!

Легкое эхо слегка затянулось за ними, и снова всё стихло. Я вскинул мгновенно ружье и таким же салютом ответил своему неизвестному брату.

Вернувшись домой с успокоенным чувством, я сообщил матери и брату о совершенном мною поступке. И тут только я понял, как жестоко поступил по отношению к матери: один сам умирал на глазах поневоле с страшною жадной жизнью, другой сам добровольно уходил тоже почти на верную неизбежную смерть.

Всю ночь просидела она в слезах надо мной, я, глаз не смыкая, глядел на нее, стараясь запомнить до конца своих дней ее дорогие черты.

Ласкал ее, утешал, стараясь внушить, что война скоро кончится и я снова вернусь к ней сюда же, в этот маленький, крытый соломой домик. Но материнское сердце трудно утешить холодной надеждой и заставить поверить его в почти невозможное.

Когда в окно заглянули лучи восходящего солнца, лицо матери я почти не узнал: оно постарело, осунулось и слабые искорки, зажигаемые надеждой, погасли в ее карих, когда-то веселых лучистых глазах.

Момент прощания с матерью и братом был настолько тяжел, что и сейчас при воспоминании о нем я не нахожу оправдания своему легкомысленному поступку. Но в то время мне казалось, что другого выхода из такого безнадежного положения нет и быть не могло.

Ясно сознавая неизбежность своей близкой смерти и прощаясь со мной в последний раз и навсегда, брат горько и безнадежно плакал.

Но хватит, слишком больно вспоминать даже сейчас об этом. От горя и внезапных переживаний мать настолько ослабела, что не в состоянии была проводить меня на вокзал. Туманный серый вечер, два протяжных звонка да заунывный гудок паровоза, вот и всё, что было свидетелем в минуты тяжелой разлуки с родными полями, с лесными тенистыми дебрями, с любимой рекой, со всем тем, что так мило и дорого юному сердцу, что на всю жизнь, навеки запечатлевается в памяти, никогда не забывается и вновь воскресает в воображении с величайшей точностью в минуты духовного одиночества.

На следующий день мы прибыли в Смоленск и отправились разыскивать артиллерийскую часть, куда имели направление. Но, к сожалению, эта часть выбыла из города неизвестно куда.

Местный воинский начальник дал нам направление в этапную часть, где должны были установить нахождение нашей воинской части. Не успели мы войти в этапный пункт, как обратный выход для нас был немедленно закрыт. Не считаясь с тем, что мы фактически были добровольцы, и не обращая никакого внимания на наши протесты, на несколько дней нас поместили в этапные казармы вместе с отставшими, дезертирами и так далее и бросили на растерзание миллиардам откормленных вшей и клопов.

Первую ночь я не спал совершенно и, сидя на покрытых соломенными матами нарах, безуспешно отражал непрерывные атаки разъяренных паразитов. К утру всё тело мое было покрыто множеством красных волдырей и синих пятен.

Этапная рота, в которую мы попали, на третий день под конвоем была погружена в теплушки и отправлена в Орёл в 203-й запасной полк. Здесь нам выдали вначале какое-то старое поношенное обмундирование, после чего началась обычная муштра с ночными перекличками, тревогами, стрельбами и т. д.

А самое главное это было «отдание чести», без умения и знания этой науки нас не выпускали ни на шаг за ворота казармы. Нашей так называемой маршевой ротой командовал некий подпоручик Ежаков, по происхождению казак.

Не знаю, чем объяснить его озлобленность и жестокость, — тем, что он попал в пехоту, или были какие либо другие причины, — но вел он себя по отношению к новобранцам первое время возмутительно. В его сознании это были не живые люди, а так, просто бесчувственные игрушки, вроде детских деревянных солдатиков. Его любимым, как казалось в то время, издевательством была команда «ложись» и обязательно где-либо в лужу или непроходимую грязь; и это повторялось в день по несколько раз: всякое замешательство неминуемо восстанавливалось неистойвой русской бранью.

К счастью, он не применял рукоприкладства, что наблюдалось в других ротах, и поэтому пользовался даже некоторым уважением в серой солдатской массе.

Любил он также бег под песню, бег до изнеможения, до потери сознания. Песни эти состояли, конечно, из набора самых пошлых и некультурных отрывистых фраз, зато имели четкий ритм, способствовали

легкости бега и, конечно, очень легко воспринимались вечно болтающей возле солдат детворой.

Когда наука отдания чести была нами усвоена в совершенстве и новые шинели перешиты по росту ротным портным, в ближайший воскресный день мы получили разрешение на прогулку по городу без команды.

Провожая нас за ворота, наш взводный Фуртаев напутствовал нас следующими словами:

— Ну, ребята, с богом, гуляй да слушай и смотри по сторонам, как зайцы; от генерала ныряй в первую подворотню, а то всё равно губы не миновать.

И вот эта прогулка была действительно похожа на свадьбу бездомных собак, которые обычно инстинктом чувствуют близость петли и бросаются во все стороны в любую подворотню.

Но солдат — это все-таки человек, а нормальный человек отличается свойством приспосабливаться к любым условиям жизни. Наше начальство, выражаясь солдатским языком, немного поотпустило вожжи. Чаще начали давать нам увольнительные и даже сами иногда принимали участие в наших прогулках и проказах.

Светлой личностью среди непосредственного начальства был у нас взводный командир — старший унтер-офицер Фуртаев. С первых дней войны он служил в каком-то гвардейском полку, был ранен и после выздоровления попал, так же как и мы, в 203-й запасной батальон.

Это был человек огромного роста, прекрасно сложенный, чрезвычайно красивый, обладающий зычным, чистым басистым голосом и добрым мягким характером. На груди его висели два серебряных креста.

Мое место на нарах было рядом с его постелью. По национальности он был русским, но прожив с детства всю жизнь на Кавказе, облик его получил легкий отпечаток горного жителя.

Часто перед сном, когда кончались неиссякаемые солдатские анекдоты, он любил помечтать и поделиться со мною воспоминаниями о детстве, о горах, об оставленной там возлюбленной, и когда неясная грусть всё же добиралась до его крепких нервов, начинал тихонько напевать свою излюбленную песенку:

— Ты склони свои черные кудри на мою исхудалую грудь...

И, обычно вздыхая, заканчивал словами:

— И над трупом моим, дорогая, будешь слезно и горько рыдать.

Иногда более сердечная публика начинала подтягивать поменьку, потом всё шире и шире и, наконец, превращалась в какой-то

надгробный, бессловесный, бархатный напев, похожий на торжественно-грустные звуки органа.

Кроме нас троих, то есть меня, Андрея и Якова, в роте было еще два вольноопределяющихся — братья Николай и Михаил Берлизовы.

Вскоре мы с ними подружились, и так как семья их находилась здесь же, в Орле, то мы часто с увольнительной и без оной после вечерней поверки, как бесплотные духи, исчезали из казармы, оставляя под одеялами свое сонное подобие, и проводили время до утра в семье наших новых друзей.

Уезжая на военную службу, Андрей захватил с собой свою неразлучную скрипку, а я флейту. И вот в семье Берлизовых под аккомпанемент на рояле младшей дочери, хорошенькой и прекрасно воспитанной 16-летней девушки мы устраивали импровизированные концерты и этим по возможности украшали свою солдатскую грубую жизнь, не думая совершенно о завтрашнем дне.

Пылкий Андрей быстро влюбился в Анечку и посвящал ей задушевные звуки своей рыдающей скрипки, но, к сожалению, ростом он был очень мал, и борода лопаточкой, которую он носил для солидности, не прибавляла ему успеха в сердечных делах.

Хотя прекрасно сложенная и чудная, как юная Венера, Аня мне тоже очень нравилась, но, не желая огорчить своего пылкого друга, я всячески уклонялся от голубых взоров нашей общей подруги, и когда, замечая необычное внимание ко мне юной красавицы, Андрей становился мрачным и молча вешал нос, я уходил к старенькой доброй бабушке наших друзей, которая напоминала и заменяла мне здесь мою мать.

Трудно сказать, за что она полюбила меня как родного, может быть, своим чутким материнским сердцем она поняла и почувствовала без слов мое горе, может, моя музыка под аккомпанемент Анечки раскрыла ей мою душу.

На почве ревности, в которой с моей стороны не было никакой вины, отношения мои с Андреем незаметно ухудшались. Он старался избегать наших встреч. К Берлизовым, ничего не говоря мне, уезжал один и возвращался оттуда мрачнее темной ночи.

Однажды, замечтавшись и прозевав команду «на плечо», стараясь исправить свою ошибку, он попал себе штыком американского винчестера в ноздрю и распорол ее. Тут было, конечно, много необдуманных насмешек и немало крови. И так как с перевязанным носом посещение объекта своих чувств и грез он считал неудобным, а я, не вдаваясь

в психологию этого вопроса, продолжал бывать у Берлизовых, то старая крепкая дружба наша быстро подвигалась к пропасти — к разрыву. Но внезапно возникшие события в нашей среде изменили наше до некоторой степени привилегированное положение и смягчили напряженность отношений между мной и Андреем.

203-й запасной пехотный батальон, в котором мы проходили ускоренную подготовку перед отправкой на фронт, представлял собой внушительную часть, в нем были, не помню точно, 12 или 14 рот основных, да в каждой роте по 12 маршевых рот. В общем, с утра и до ночи город был полон звуками самых разнообразных солдатских песен и выкриками всевозможных команд.

Солдатская наука нелегко давалась многим новобранцам и доводила некоторых до полного изнеможения и отчаяния. На городской огороженной со всех сторон площади было установлено множество различных препятствий и чучел для развития ловкости и обучения штыковому бою. Будучи еще в школе, мы состояли в так называемых «потешных», и всю эту нехитрую премудрость изучили почти в совершенстве под руководством старого опытного фельдфебеля. А поэтому для нас эта наука здесь не была особо тяжелой и утомительной. Да к тому же наш ротный командир Ермаков не особенно любил заниматься со своей ротой на глазах у командира батальона, старого капризного генерала, и старался под разными предлогами увести людей куда-либо за город на тактические занятия или стрельбу, где он сам фактически отдыхал, отдавая свою роту на растерзание ретивым фельдфебелям и взводным командирам. Но большинство офицеров относилось к своим обязанностям особо ревностно и превращало военную науку на городской площади в систему изощренных издевательств. Особой жестокостью отличался один из кадровых офицеров соседней с нами роты.

Целый день он стоял у чучела и без конца гонял одного за другим своих молодых и пожилых солдат из запаса в атаку на исколотое, избитое чучело, при этом он с особым злорадством унижал своей беспримерной руганью человеческое достоинство измученных солдат и незаметно бил кулаком в подбородок так, что головы их прыгали вверх, а шапки надвигались на глаза.

В одно из таких занятий доведенный до иступления пожилой солдат по приказу своего командира в сотый раз с криком «ура!» бросился на чучело, но штык его весь до отказа очутился в груди офицера.

Последний молча с искаженным лицом скорчился, присел на землю, потом повалился на бок и испустил дух¹.

Совершивший преступление солдат швырнул в сторону винтовку, упал лицом в пушистый снег и зарыдал как безумный.

Занятия на площади были немедленно прекращены, роты разведены по казармам. По пути домой солдаты и офицеры шли молча, без обычных песен, и никто не проронил ни одного слова. И если ранее между солдатами и офицерами иногда происходила до некоторой степени товарищеская беседа, то сейчас вдруг между ними выросла черная, непроницаемая невидимая стена. В это время наш взводный Фуртаев не возвратился в казарму. Некоторые тихо таинственно шептались по углам, большинство молчало, еще не представляя себе исхода неожиданных событий.

На следующий день полевой суд вынес убийце смертный приговор, который немедленно же был приведен в исполнение. Перед выстроенными частями батальона на городской площади было и сообщено о его исполнении. Несколько тысяч народа встретили это сообщение гробовым молчанием, некоторые, не сдержав команды «смирно», сняли шапки и перекрестились. Но команды разводить части по казармам не последовало. Офицерский состав стоял на своих местах, все чего-то ждали.

Где-то справа раздалась команда:

— Смирно! Равнение направо, господа офицеры!

И на середину площади старческой, но еще довольно бодрой походкой, задрвав голову, вышел сам генерал. Все устремили на него взоры, но он молчал и чего-то ждал.

Через одну-две минуты на другом конце площади показались три фигуры: по бокам две низеньких [...], а посередине шагал твердо и решительно стройный и спокойный, как дуб, богатырь — наш взводный! Глубокий вздох тихо прошел по рядам нашей роты.

— Замолчать! — свирепо заревел генерал.

Стража ушла, посередине площади остался один Фуртаев. Гордый взгляд его был обращен куда-то в пространство над массой притаившихся человеческих голов. Вдруг снова раздался отвратительный голос генерала:

¹ Стоит отметить, что тема взаимоотношений офицеров и нижних чинов, особенно в запасных батальонах, была одной из центральных в воспоминаниях участников Первой мировой войны, опубликованных в советское время.

— Этот мерзавец нарушил дисциплину нашей армии и нанес оскорбление офицеру. Таким нет места в наших рядах.

Он подошел к Фуртаеву и со злостью сорвал с него погоны и с груди блестящие Георгиевские кресты (что по уставу не имел права делать), потом, ударив погонами по лицу, велел убрать арестованного.

В тот вечер казарма молчала, как затаившийся зверь, ни звука слов, ни песен нигде не возникало. Гробовое молчание мрачной тучей нависло над городом.

Еще через день нашу роту спешно грузили в эшелон. На станции стояло оцепление из военной полиции.

Паровоз пронзительно свистнул. Вагоны плавно колыхнулись, и мы неожиданно уехали из города, не успев даже проститься с нашими новыми друзьями. Отношения между мною и Андреем быстро восстановились, его пылкая ревность так же быстро утасла. Моя флейта и скрипка Андрея были забыты у Берлизовых. Дальнейшая судьба Фуртаева осталась для нас неразгаданной тайной.

Куда направлялась наша часть, никто из нас, конечно, не знал, но часы и дни бежали. Смутная неясная тревога начинала понемногу заглядывать в пробужденное сознание. Кто-то в углу на верхних нарах затынул:

Быстры, как волны, все дни нашей жизни,

Что час, то короче к могиле наш путь.

Но сидевший у чугунной печки наш новый взводный, тоже бывалый уже в боях солдат, громко перебил:

— Давайте-ка лучше споем фуртаевскую любимую.

И все вдруг как по команде затынули:

Ты склони свои черные кудри на мою исхудалую грудь...

Эта песня после долгого перерыва вновь вошла в наш репертуар.

День был солнечный и слегка морозный, раскаленная докрасна печка создавала в вагоне атмосферу, подобную парной в деревенской бане. Один из солдат, насколько припоминаю, Козлов, сегодня почему-то нервничал, толкался без нужды по вагону, наступая людям на ноги и поглядывая часто на часы.

— Эх, ребята, натопили — дышать нечем, открою-ка я дверь.

Никто не возражал ему. Дверь завизжала, широко распахнулась, Козлов покачнулся, вскрикнул и исчез. Все в вагоне зашумели, заволновались. Взводный выглянул и закричал:

— Бежит, догоняет, — но кто-то наверху с усмешкой покойно произнес:

— Догоняет, да никогда не догонит, дело известное.

Падение Козлова заметили и из других вагонов. Поезд остановился, из вагонов повыскакивали офицеры, но фигура Козлова мелькнула раз-другой на опушке леса и бесследно исчезла в густой темной чаще. Несколько револьверных выстрелов прозвучало ему в спину, но было уже поздно. Опытный дезертир скрылся². Никто, конечно, за ним не погнался, и поезд снова набрал свой обычный монотонный ритм, неумолимо тянул многих из нас к роковому концу.

— К Киеву подъезжаем, — шумели и волновались хохлы.

— Побриться бы надо, — глядя в осколок зеркала, промолвил Мороз — огромный широкоплечий украинец, бывший солдат гвардейского Волынского полка³.

— Возьми зеркало потолще, — смеясь, заметил Непейвода, — а то это твоей морды, ей-богу, не выдержит.

Все дружно расхохотались.

Сам киевлянин-кузнец по фамилии Пятак, слащаво улыбаясь, глотая слюни и щуря маленькие глазки, хитро и радостно воскликнул:

— Ну, не був я Пятак, и винца я вам, братцы, у Кииви достану доброго и дешевого, вырваться бы только до дому.

Все одобрительно загудели, а взводный, по-видимому, большой любитель нескромных напитков, невероятно оживился, глаза его загорелись:

— Неужели достанешь, Пятак?

— Вот провались на этом месте, достану! — воскликнул киевлянин.

² По подсчетам А.Б. Астахова, за годы войны (до Февральской революции) военными и жандармами было задержано на фронте и в тылу около 350 000 дезертиров (сама Ставка Верховного Главнокомандующего оценивала число дезертиров за этот период в 195 000 человек). Непосредственно на Юго-Западном фронте были задержаны 64 582 человека, пытавшихся бежать во время движения на театр военных действий. Важно подчеркнуть, что оценка размаха дезертирства осложняется и таким явлением, как «бродяжничество», когда нижние чины намеренно задерживались в тылах, тем самым затягивая свое отбытие на фронт. См. подробнее: *Астахов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность*. М., 2014. С. 466–495.

³ Лейб-гвардии Волынский полк, сформирован в 1817 г. В годы Первой мировой сражался в Восточной Пруссии, под Лодзью (1914) и под Сморгонью (1915). В феврале 1917 г. унтер-офицер запасного батальона этого полка Т.И. Кирпичников сыграл видную роль в начавшейся Февральской революции.

— Добре, — принимая какое-то решение, сказал взводный, многозначительно подмигнув Пятаку. На этом порешили и смолкли.

Наконец перед вечером поезд прибыл в Киев и остановился на каком-то бесконечно далеком от вокзала пути. Быстро, без особого шума собрали у желающих попробовать киевского винца гроши, и Пятак, захватив с собой еще одного шустрого парня, бывшего балаганного актера, быстро прошмыгнул в полумраке, незамеченный охраной эшелона.

Поезд в Киеве должен был стоять около 3 часов. О бомбежках в таком сравнительно глубоком тылу в то время понятия у людей еще не было, и потому настроение у всех было приподнятое. Как из-под земли появились торговки с пирогами, фруктами, яйцами и т. п. Началась торговля, шутки, смех, и войны как будто не бывало.

Не более как за полчаса до отхода поезда показался раздутый со всех сторон Пятак со своим напарником. Их осторожно втащили в вагон и окружили со всех сторон плотным кольцом. Пятак и актер торжественно вынимали из всех возможных карманов и тайников своего солдатского обмундирования самые разнообразные бутылки с многообещающими разноцветными этикетками и ставили вокруг себя на пол. Тут была мадера, церковное, малага и многие другие. Все головки бутылок были под фирменными сургучными печатями. В общем, Пятак сделал свое дело и торжествовал, обводя гордым взглядом окружающих⁴.

— Убрать под нары и до отхода поезда ни-ни, — скомандовал взводный.

Команда всеми была выполнена, и последний, присев на нары, закрыл ногами цветную батарею бутылок.

Трудно сказать, пронюхал ли кто-либо или подсказал о нашем приобретении, но перед самым отходом поезда к нам в вагон весело вскочил молодой взводный офицер, которого, кстати сказать, ребята уважали за его человеческое и даже товарищеское отношение. И хлопнув взводного по плечу, присел на нары рядом с ним.

— Ну, вояка, ты ведь уже старый солдат, расскажи-ка нам, где воевал, много ли австрийцев посадил на штык? — смеясь задавал вопросы он взводному, но тот смущенно улыбался и не находил слов, мысли его были, вероятно, далеко, в одной из соблазнительных бутылок. Ребята многозначительно и вопросительно поглядывали на него

⁴ Хотя с началом войны в России был введен «сухой закон», на деле он постоянно нарушался, в том числе и на фронте.

со всех сторон, взводный смущенно двигал плечами и виновато косился по сторонам.

— Да что это с вами, ребята, ужели недовольны моему приходу? — промолвил офицер, снимая с головы папаху. Потом он, круто поворачиваясь к взводному, вероятно, каблуком задел одну из бутылок; та, издав приятный звон, покачнулась, упала на соседнюю, и вдруг под ногами пошла такая музыка, которую так любовно и легко воспринимают опытные ресторанные и подвальные гуляки. По вагону пробежал невольный вздох.

Не успел взводный придумать какую-либо хитрость, как прапорщик быстро наклонился и заглянул под нары. Но какую грешную душу не смутит такая малиновая музыка небрежно развалившихся и нежно булькающих на ходу поезда стеклянных красавиц?

Прапорщик даже ахнул от удивления, и, не скрывая восторга, его ранее смущенное и строгое лицо начало постепенно расплываться в сладкую улыбку. Оглядевшись вокруг и убедившись, что люди здесь все свои, никто не выдаст, он хлопнул в ладоши:

— А ну-ка, взводный, доставай!

Но последний, еще не сознавая, как понимать восклицание командира, виновато, точно боясь, чтобы его сверху не прихлопнули по шее медленно, доставал из-под нар одну за другой бутылки, не спуская глаз с прапорщика.

— Ребята, доставай кружки, взводный, вероятно, не хочет, — бойко выкрикнул прапорщик, шутя отстраняя растерявшегося взводного. И тут только на старого солдата нашло просветление.

— А ну, открывай, ребята, — заревел он.

Бутылки зазвенели, зашипели, загремели кружки и стаканы.

— Ваше благородие, какого вам желательно, малажки или мадерцы? — подобострастно обратился взводный к прапорщику.

— Сперва мадеры, а потом посмотрим, — не задумываясь, объявил молодой прапорщик, вышедший, вероятно, из такой же солдатской голи, которая его сейчас окружала.

Пятак блаженствовал. Его красная, слащавая морда, освещаемая пылающими в печке дровами, сияла, как восходящая в тумане луна.

— Ваше благородие! Это я уважил ребят.

— Верно, это Пятак, это он, молодец Пятак, — загудели со всех сторон весело голоса.

Взводный налил прапорщику и себе «мадерцы», а остальная братва — кто во что горазд. Вино забулькало, запело на все лады.

Прапорщик торжественно поднял кверху расписную, довольно вместительную кружку и провозгласил короткий тост.

— Выпьем, братцы, первую за нашу матушку Россию, за наш честной народ.

— Выпьем, будем здоровы, за Ваше благородие, — загудел дружно народ.

Потом офицер по-рыцарски поднес кружку к губам и стал жадно пить большими глотками. Но вдруг остановился, лицо его обратилось в образец недоумения. Он заглянул снова в кружку, понюхал, потом обвел глазами публику и, остановившись вопросительным взглядом на взводном, который еще не успел пригубить свою «чару», выплеснул остаток содержимого своей кружки прямо в его глупую физиономию.

— Пей свою мадерцу, хрен голландский, — с досадой проговорил он и присел на нары.

— А у вас что, ребята? — добавил он, оглядывая смущенных солдат.

С минуту, как у гоголевского ревизора, продолжалась немая сцена.

— Лимонад який, — вдруг заревел своим звериным басом, похожий на медведя Мороз и, взявшись за живот, так захохотал, что стены вагона задрожали.

— Ну и уважив Пятак, трясца твоей матэри, — гремел, захлебываясь от кашля и смеха, веселый хохол.

Взводный подскочил к сгорбившемуся и глядящему исподлобья, как провинившаяся собака, Пятаку. Раздался треск звонкой пощечины. Пятак, как тяжелый мешок, кувыркнулся с верхних нар на пол и, желая спрятаться под нижними нарами, застрял, оставив открытой всю свою по-бабьи широкую заднюю часть. Колени его усердно скользили по полу, но всё остальное не двигалось ни туда, ни сюда.

— От так и сиды, бисов сын, — слегка успокоившись, прохрипел Мороз и своим огромным сапогом так пнул под зад бедного Пятака, что тот завертелся и завыл не своим голосом.

Все вдруг захохотали и сразу же успокоились.

— Ну что, ребята, давайте допьем хотя уж эту пакость, — с досадой вымолвил прапорщик. Молча разлили по кружкам остаток «вина», а жалкому в этот момент актеру сунули в руки самую грязную, без всяких наклеек и сургуча бутылку. Начали пить без тостов и без обычных улыбок.

— Вино! Будь я проклят, вино! — вдруг зашипел своим вечно охрипшим голосом актер, с жадностью допивая содержимое своей маленькой

стопки и артистически протянув в пространство свою левую руку, пальцы которой судорожно и быстро шевелились.

В один миг на него набросились со всех сторон; бутылка была отнята, и честь взвода перед самодовольно улыбающимся прапором была восстановлена.

После неудачной пьянки в Киеве мы почти без остановок доехали до Каменец-Подольска⁵. Здесь эшелон разгрузился, нас группами разместили в оставленных жителями домах. В этом городе уже чувствовалась близость войны: магазины почти все были закрыты. На крышах установлены антенны редких в то время радиостанций. Гражданское население на улицах почти не появлялось.

Солдаты и солдатские песни — вот что наполняло и оживляло замерший город. А по ночам то и дело доносилась далекая пулеметная дробь и грохот орудий.

В Каменец-Подольске должно было закончиться формирование роты. Несколько раз нас водили еще на стрельбу для завершения боевой подготовки. Нужно напомнить, что братья Берлизовы какими-то судьбами остались в Орле, и из вольноопределяющихся в Каменец-Подольск прибыли только мы троим: Андрей, Яшка да я.

Еще перед отъездом из Орла меня предупредили, что документы на права вольноопределяющихся Андрея и Якова прибыли, а мои где-то затерялись, и их необходимо разыскивать. Я написал об этом домой и успокоился.

Мне хочется сказать еще несколько слов о втором моем товарище Яше Русанове.

Еще в училище он был весьма жизнерадостным и предприимчивым человеком, хорошо играл на корнете и был правой рукой у директора. Но на военной службе он постепенно становился грустнее и грустнее, особенно после того, как в Орле навещала его мать.

Сразу разочаровавшись, по-видимому, в солдатской службе, он стал молчаливым и в свободное время обычно спал в любом положении — сидя, стоя, как угодно, причем рот его во время сна был широко открыт, и оттуда вылетали трубные звуки его могучего храпа.

Когда эта музыка надоедала или даже выводила из терпения, я совал ему в рот корку хлеба, он в тот же миг зажимал ее крепко зубами,

⁵ Город Каменец-Подольский, ныне в составе Украины. В годы Первой мировой войны находился в прифронтовой полосе. 17 (4) августа 1914 г. был занят австрийцами, однако в ночь на 21 (8) августа его очистили.

широко раскрывал глаза и просыпался. Во время этой безобидной шутки вокруг обычно раздавался взрыв смеха. Яшке это не нравилось, и он в конце концов рассердился на меня.

В один из пасмурных зимних дней нашу роту при полном снаряжении выстроили во дворе особняка, где мы размещались, и так мы с полчаса стояли, не понимая, что будет дальше. Наконец появился Ежаков и ротный писарь со списком в руках. Взводный скомандовал смирно. Ежаков поздоровался и начал напутственную речь; она была коротка, проста и переплетена его обычными нецензурными оборотами речи.

Потом писарь пофамильно прочитал состав роты, в числе которой не было Андрея и Яшки. В дополнение всего Ежаков разъяснил, что мои документы до настоящего времени не найдены и поэтому я направляюсь с ротой в действующую часть, а Рыков и Русанов остаются в городе с целью последующей отправки в военное училище.

С этой минуты я оставался один среди чужих мне людей, и поэтому не мог сказать, что эту внезапную разлуку я перенес так легко и просто, хотя внешне я оставался прежним неисправимым мастером любых выдумок и каверз. В последний раз простился с моими друзьями, Яшка не выдержал, и из его больших выпуклых глаз быстро закапали крупные слезы. Я же тихо шепнул ему на ухо: «Яша, ради бога, успокойся и не расстраивай меня — мне сейчас плакать стыдно и нельзя».

Ежаков подошел и, тоже прощаясь, сказал:

— Не падай духом, солдат, пока твоим приятелям повесят на плечи золотые погоны, ты будешь уже защищать свою Родину и станешь героем.

— Становись! — раздалась команда. — Смирно! Правое плечо вперед, шагом марш!

Мокрый грязный снег полетел во все стороны от поступи тяжелых русских сапог. Сгорбившись под грузом полной выкладки и под тяжестью гнетущего сознания роковой неизбежности, люди молча, раскачиваясь в такт подаваемой команды, двинулись в свой, для огромного большинства последний, жизненный путь.

К исходу дня рота втянулась в какую-то опустевшую деревушку. Тут должен был состояться отдых и ночлег. Мокрые и измученные солдаты разбрелись по избам. Многие повалились на холодный глиняный пол и уснули глубоким мертвым сном. Взводный выбрал избу получше и позвал меня с собой. В пустой, но чистенькой комнатке было холодно и сыро — землистый запах мокрой глины вызывал удушливый кашель. Не глядя на страшную усталость, мы нарубили дров из сухой изгороди

и затопили русскую печь. Пламя, шипя и волнуясь, лизало кирпичный свод огромной остывшей печи. Достали воды, согрели чай, и сразу стало как-то легко и уютно. В избу пришли еще двое ребят. Чтобы было веселее и отраднее, за разговором и чаем всё время подбрасывали в печь дрова.

Потом, разомлев от тепла и усталости, забрались на печь, разостлали палатки и уснули богатырским сном. Дневальные у командирской избы без привычки тоже, по-видимому, уснули, и в деревне воцарилась мертвая тишина. Какой-то кошмарный сон внезапно разбудил меня. Я приподнялся. В избе кружился едкий отвратительный дым, смешанный с испарением от мокрых стен и грязных портянок. Удушливый дым перехватил дыхание, из глаз ручьем текли слезы. С большим трудом я растолкал спящего взводного. В момент, когда он протирает глаза и ругался, в углу на печке рядом с нами вспыхнула палатка. Подхватив снаряжение и винтовки, мы, приседая к полу, бросились к двери.

В этот момент красное зловещее зарево ярко осветило лежащий у избы нетоптанный снег. Это соломенная крыша нашей избы вспыхнула ярким факелом, потом затрещали жерди. Огонь шумел и разгорался. Кое-где на порогах соседних изб показались кроваво-красные, освещенные огнем лица проснувшихся солдат. Не успели мы еще прийти в себя и заняться тушением пожара, как вдруг над головами что-то взвизгнуло. Раздался резкий пронзительный взрыв, за ним второй, третий и т. д. Народ начал метаться во все стороны, усталость была забыта. После каждого выстрела падали в снег на землю, вновь подхватывались и бежали, сами не понимая куда.

К счастью, сонные австрийские артиллеристы не могли ночью определить точно расстояние до пожара и стреляли наобум святых. Когда стрельба прекратилась, народ постепенно собрался — все оказались налицо. На следующее утро временный командир, выстроив роту, долго вычитывал мораль о постыдной трусости и страхе. Когда же во время этих нотаций над деревней снова просвистело и разорвалось несколько шрапнельных снарядов, ни одна душа, кроме храброго командира, не тронулась с места. Причина же ночного пожара так и осталась никем не разгаданной.

Вечером того же дня нашу роту под прикрытием маскировки местности подвели к глубокому ходу сообщения, и мы наконец влились в состав 326-го, впоследствии первого большевистского, пехотного полка. Упомянутый 326-й пехотный полк, входивший в состав 82-й дивизии, занимал

рубеж вдоль заболоченной широкой низменной равнины, по другую сторону которой в расстоянии не менее полукилометра располагались австрийские окопы.

Здесь было покойно и тихо, часто за обедом или чаем мы в одиночку бегали прямо по открытой местности. Иногда взвизгивавшие и падавшие на землю пули не приносили вреда и не вызывали никакого страха. Днем большинство людей обычно спали, а ночью дежурили у бойниц или, пробравшись под собственным проволочным заграждением, сидели по сменам до утра в секрете.

Я подружился с пожилым солдатом — артиллерийским наблюдателем, который сидел всегда в наших окопах и сообщал на батарею о замеченных передвижениях групп неприятеля.

Это был мужчина средних лет, уроженец Саратовской губернии. Круглое рябоватое лицо его было украшено густой окладистой рыжей бородой. Роста он был среднего, широкоплечий, крепкий, как дуб. Говорил он очень мало, сидел больше на скамейке и наблюдал в бинокль за территорией противника.

Ранее я неоднократно слышал о блестящих способностях наших артиллеристов, но впоследствии мне пришлось убедиться воочию. Однажды Иван Терентьевич — так звали артиллериста — опустил бинокль и, взяв в руку телефонную трубку, покойно и медленно заговорил:

— Николай Андреевич, слушай: мне думается, что на трубе у завода, чуть правее точки цель № X, сидит австрийский наблюдатель. Надо бы сковырнуть его оттуда.

Потом он снова взял бинокль и назвал еще какие-то условные приметы.

Километрах в трех за окопами противника действительно стояла высокая заводская труба. Через несколько минут в нашем тылу грохнула трехдюймовка, и вслед за выстрелом разорвался снаряд в направлении стоявшей трубы.

— Правей маленько, чуть-чуть, на полспички, — покойно сообщил в телефонную трубку Иван Терентьевич.

Раздался второй выстрел, и перебитая посередине труба стала падать как-то очень медленно, потом быстрее и быстрее, разрушаясь на лету, и затем, грохнувшись на землю.

— Всё в порядке, — сказал наблюдатель и, повесив трубку, обратился тихо ко мне, — попьем чайку што ли?

Я постепенно подружился с артиллеристом и перебрался из сырой, лишенной света землянки в маленькую клетушку нового приятеля,

которая для удобства наблюдения была расположена на холмике, вернее, на самом высоком месте в пределах расположения нашей роты.

В дневное время от безделья и скуки я писал домой письма или развлекался стрельбой по далеким подвижным целям. Иногда далеко за окопами противника появлялась среди низкого кустарника какая-нибудь фигура верхом на лошади или пеший солдат-одиночка. Тут Терентьевич давал мне расстояние, я ставил прицел и начинал гонять зеваку по кустам. Конный старался не обращать внимания на мою стрельбу, но когда мои пули одна за другой всё ближе и ближе начинали посвистывать вокруг него, то последний соскакивал на ходу с лошади и метался по кустам, безуспешно разыскивая убежище на совершенно открытом незащищенном месте.

Эти мои развлечения, по-видимому, изрядно беспокоили моих противников, и вот однажды я чуть не поплатился за них собственной жизнью.

После бессонной ночи, постреляв немного, я забрался в нашу крохотную землянку, прилег на примитивную койку, состоявшую из двух досок, и уснул крепким здоровым сном. В это время австрийский наблюдатель, заметив, вероятно, на нашем холмике своего коллегу, решил отомстить и за сбитую трубу, и за мою назойливую стрельбу. Шестидюймовые снаряды с равными промежутками начали ложиться в районе нашего холмика. Иван Терентьевич куда-то отлучился по своим делам и ничего не слышал.

Помню только момент, как на меня навалилось что-то тяжелое и стало душить упорно и безжалостно. Я хотел повернуться, закричать, но все мои усилия оказались напрасными. Во рту, в глазах было полно земли, дышать было нечем. Потом я как будто поехал куда-то плавно и мягко по наклонной плоскости. Завертелись какие-то красные шары.

— Неужели конец? — мелькнула на один миг страшная мысль, и всё внезапно прервалось. Когда солдаты раскопали мою могилу и привели лошадиными дозами нашатырного спирта в чувство, никаких особых повреждений на себе я не обнаружил. За исключением весьма солидной шишки на лбу, которую соорудила мне висевшая над моей головой тяжелая икона моего религиозного сожителя.

После месячного пребывания в окопах переднего края рота наша вышла в резерв на отдых километров на 4 или 5 в тыл. Разместили нас в сухих уютных землянках на песчаных холмах, заросших молодым сосновым бором. Наиболее важным событием в резерве было долгожданное мытье в бане. Сооружение это было весьма примитивное, для

оборудования его использовалась широкая просторная землянка, в ней стояла огромная каменная печь с котлами. Здесь же у бани коптилось белье и обрабатывалось верхнее платье.

Потом началась обычная военная учеба, в основном метание боевых гранат — наших бутылочных и круглых французских бризантных. На питание нельзя было жаловаться: обед всегда состоял из двух блюд — хороший мясной суп с большим куском мяса и какая-либо каша, очень жирная и вкусная. Сахара и белого хлеба к чаю также было вполне достаточно.

Однажды в сырой дождливый день роту вывели на высокое открытое место для рытья окопов второй линии обороны. Людей расставили вдоль холма и проинструктировали. В самом начале работы внезапно начался жестокий артиллерийский обстрел холма шрапнельными снарядами по всей его площади. Укрытия никакого не было. Народ в страхе начал бросаться во все стороны, некоторые падали и вновь вскакивали на ноги, другие оставались лежать неподвижно; слышались стоны и мольбы о помощи.

Я с Михеем Приваловым побежал в обратную сторону. Сзади раздался взрыв снаряда, я инстинктивно оглянулся. Прямо в моем направлении от белого дымка летел с шипящим свистом осколок металла. В этот миг Михей с такой силой рванул меня за руку, что я тут же свалился на бок. Осколок, взвизгнув, вырвал клоч полы моей шинели и врезался в землю. Я вновь вскочил на ноги, мы спустились в крутой овраг и залегли под нависшими корнями старых деревьев.

Михей взглянул на оборванную полу моей шинели и, улыбаясь, добродушно сказал:

— Быть бы тебе без ноги, да вот везет тебе, приятель.

Михей Привалов был добрый тихий человек. Любил он часто рассказывать о своей Белоруссии, где в мирное время пас коров на сочных лугах у берегов р. Сож; в летнюю жару косил сено, ловил рыбку и гонялся по заводям за молодыми утятами.

До определенного момента я слушал его, но когда рассказ незаметно клонился к воспоминаниям о молодой жене, я старался чем-нибудь прервать его и отвлечь от тяжелой тоски, которая при этих воспоминаниях надолго омрачала его душу.

Сидя по вечерам после работы или занятий в своей землянке, Михей часто говорил мне:

— Вот поедешь скоро в военное училище, станешь офицером, а меня в денщики к себе возьмешь, и заживем мы на славу.

— Михеюшка, дорогой! Ни в какое училище я не поеду, не хочу больше землю топтать — никуда и ни за что, кроме летной школы, меня не заставят ехать.

Целью моей жизни в то время был самолет и воздух. Я рассказывал ему, как в детстве полетел на крыльях с крыши и разбился, и Михай от души хохотал.

В небе часто по вечерам появлялись самолеты, но мы в то время не боялись их. От скуки стреляли по ним из винтовок или любовались, как артиллеристы сажали трехдюймовое полевое орудие на колесо от телеги, вращающееся на забитом в землю колу, и, орудуя этим до смешного примитивным механизмом, довольно удачно вели огонь от обнаглевшим самолетам.

Двухнедельный срок отдыха в резерве пролетел быстро, мы снова вернулись в окопы и разместились немного правее злополучного холма с наблюдательным пунктом. Расстояние между окопами здесь было немного поменьше, и вылезать на бруствер было рискованно. Наши окопы часто обстреливали артиллерийским и минометным огнем.

Наступила теплая южная весна. Жаворонки трепетали неподвижно в горячем воздухе и заливали грешную землю своим радостным беззаботным пением. Потом с высоты небесной они падали в молодую ярко-зеленую травку, которая страстно тянулась к солнцу сквозь густую сеть проволочных заграждений.

Михеюшка стоял на посту у бойницы. Чистый весенний воздух и бойкое щебетание птиц, по-видимому, пробуждали в душе его дорогие воспоминания о своей деревне, о берегах родной реки, и тихие, невидимые миру слезы робко ползли по его обветренным щекам.

Приближался день Пасхи 1916 г. И несмотря на медвежьи условия жизни настроение у солдат было приподнятое. Стрельба как с той, так и с другой стороны почти прекратилась. Начальство стало внимательнее и более вежливо обращаться с солдатами.

И вот наступил день Пасхи. Погода стояла тихая, на голубом небе ни облачка. Солнце едва поднималось, и птицы уже начали свой обычный утренний концерт над мертвой полосой заграждений.

Часов в девять утра на австрийской стороне вспыхнуло красное пламя, и огромный столб фиолетового густого дыма извилистой спиральной колонной поднялся к небу. Это был своего рода праздничный фейерверк. Над австрийскими окопами начали появляться невооруженные солдаты и постепенно закрыли своими серыми мундирами мрачную полосу окопов.

По-видимому, это были солдаты гуцульского происхождения из Закарпатской Украины, которые праздновали Пасху одновременно с нами.

Хотя со стороны командования никакого указания не было, но наши люди почти все тоже выбрались из окопов и, подбрасывая шапки, радостно приветствовали своих братьев — ныне невольных врагов.

Ни единого выстрела нигде не было слышно. И, кажется, если бы эти обреченные люди по всему бесконечному фронту вышли бы друг другу навстречу, взялись бы дружески за руки и дали клятву не уничтожать бесцельно друг друга, то никакая другая сила не могла изменить их решения. И всё остальное превратилось бы в прах перед непобедимой волей народов, но зло, к сожалению, в своем презренном неистовстве окрыленное лукавой хитростью, предательством, безмерной трусостью и ложью, в самом зачатии старается пресечь святыя стремления народных масс.

Офицеры в одиночестве стояли в окопах и о чем-то тревожно шептались вполголоса. По окопам с злобным шипением и безотносительными угрозами пробежал капитан Гречкин⁶ — мерзкая, отвратительная личность. Он был чрезвычайно высок и тощ как жердь. Глупая гордость сходства по внешности с великим князем Николаем Николаевичем⁷ усугубляла его глупость. Обычно в окопах он никогда не показывался, но события этого дня заставили его снизойти до такого решительного поступка. Со стороны австрийских окопов отделилась небольшая группа и, размахивая какими-то предметами, похожими на бутылки, двинулась в нашем направлении.

— Ребята, вино несут, — выкрикнул кто-то в толпе наших солдат. — Айда навстречу!

Доброволец мальчуган Рудницкий⁸ вынес из землянки буханку белого пасхального хлеба, и мы группой в 5 человек, как говорится, с хлебом и солью двинулись навстречу австрийцам.

Не видевшим этой сцены и не бывшим в таких условиях в солдатской шкуре трудно представить себе картину общего восторга

⁶ Командир 2-го батальона.

⁷ Речь идет о Верховном Главнокомандующем вел. кн. Николае Николаевиче (1914–1915 гг.), который был весьма популярен в войсках.

⁸ В годы Первой мировой немало подростков под влиянием патриотических чувств и юношеского азарта сбегало на фронт и участвовало в боях. Среди известных можно выделить поэта Вс. Вишневского, который сбежал из дому в возрасте 14 лет.

и ликования как тех, кто шел на сближение, так и наблюдавших за последними в этот редкий весенний день.

Австрийцы уже не шли, а бежали нам навстречу, в их руках действительно были бутылки с вином. Лица их пылали, глаза сияли. Мягкая украинская речь звучала страстно и восторженно. Руки уже готовы были скреститься в братских объятиях. Но в этот прекрасный, незабываемый миг зашипели как змеи снаряды — над головами со свистом и воем рвалась наша шрапнель.

Всё сразу изменилось: бросая бутылки и пасхальные булки, ребята бросились во все стороны.

Подбегая к своим окопам, заметили мы, что среди нас одного не хватает.

— Поздравили с праздничком, нечего сказать, — свирепо ругаясь и грозя кулаком в пространство, кричал какой-то старый бородатый солдат.

— Это Гречкин, сукин сын, позвонил на батарею и вызвал огонь, я сам слышал, — вполголоса говорил ротный фельдшер.

Вот так печально кончилась наша встреча с «врагами». Тут же всех четверых нас арестовали и поодиночке посадили под строгий арест в отдельные землянки⁹.

Наша вина усугублялась отсутствием пятого товарища. «Что будет дальше», — невольно возникал тяжелый, гнетущий вопрос.

Какая кара угрожает нам, не имели мы никакого понятия. В этот же день вместо пасхального обеда нам прислали только хлеб и холодную воду. Вечером, согнувшись в три погибели, в мою землянку ввалился пьяный капитан Гречкин. Еще никогда и никто в жизни не вызывал во мне такого отвращения и злобы, какое закипело в душе в этот жестокий момент. Мне тут же хотелось вцепиться ему в горло и задавить, как собаку.

По-видимому, мои переживания отражались в тот миг на моем лице, так как Гречкин, выпрямившись и пошатываясь, занес свой хлыст над моей головой, но внезапно попятился и опустил руку.

⁹ «Братания», особенно во время религиозных праздников — под Рождество и на Пасху, — характерны как для западного (французского), так и восточного (русского) фронтов. Один из первых зафиксированных случаев братания произошел в декабре 1914 г. в Восточной Пруссии (см.: *Литтауэр В.* Русские гусары. М., 2006). Широкий размах братания приняли на Пасху 1916 г., которая совпала с праздником противника (10 апреля). См.: *Астахов А.Б.* Указ. соч. С. 214.

Поток низких ругательств и оскорблений, как из рога изобилия, вместе со слюной вылетал из поганых уст этого человека.

— Офицером думаешь быть... — визгливо кричал он. — Я покажу тебе...

Я стоял молча и глядел ему прямо в глаза. Руки у него чесались, несколько раз поднимал он свой хлыст и снова нехотя опускал.

Потом, изменив внезапно тон, сдержанно спросил:

— Кто первый из вас решился на измену?

— Какую измену? — невольно вырвалось у меня.

— А вот когда расстреляют, узнаешь, — снова взбесившись, заревел он¹⁰.

В это время в проходе появился вестовой командира полка, он пошел к Гречкину и что-то шепнул ему на ухо. Последний повернулся к выходу и торопливо с помощью солдата вышел наружу.

Вход в мою землянку снова загородила спина часового. На следующий день я узнал от часового, что наш пятый товарищ возвратился от австрийцев обратно, и у меня сразу стало легче на душе.

Оказывается, он в испуге побежал по ошибке не в ту сторону и попал в окопы австрийцев. Там ему (по его рассказам) завязали глаза и повели в штаб какой-то части, усадили за общий для солдат и офицеров стол, накормили и напоили вином настолько, что в тот же день он не в состоянии был возвратиться обратно.

Через несколько дней меня привели в штаб полка, поставили в углу и велели ждать.

Молодой стройный адъютант заканчивал диктовать писарю какую-то телеграмму и искоса поглядывал на меня.

— Ну а теперь повтори, что написал, — сказал он старшему писарю с тремя лычками на погонах. Тот привстал с места и рабски наклоняясь, стал читать:

— Командиру четвертого батальона, подполковнику Р.¹¹ По каким естественным надобностям отправлен поручик М. в г. Черновцы?

Звонкий веселый хохот оборвал его чтение. На пороге показался смеющийся командир полка полковник Чижевский.

¹⁰ «Сношения с неприятелем» без злого умысла карались разжалованием в рядовые или отправкой в исправительные арестантские отделения на срок от трех до шести лет.

¹¹ Командиром 4-го батальона был подполковник Распопов.

— Дурак ты, — закричал адъютант на писаря, — что ты написал? Не по естественным, а по хозяйственным надобностям, чурбан ты этакий!

Солдат виновато согнулся в дугу, а полковник, держась за толстый живот, добродушно и заразительно хохотал. Захохотал и адъютант, и даже сам грамотей-писарь...

Когда полковник немного успокоился, к нему подошел адъютант и что-то шепнул на ухо. Старый седой полковник, продолжая как-то приветливо улыбаться, внезапно задал мне вопрос:

— Ну-ка, скажи-ка мне, вояка, по каким естественным надобностям ты ходил к австрийцам?

Он снова захохотал, не выдержав, засмеялся и я. Полковник подошел ко мне, положил руку на плечо и, глядя в мои почти детские глаза шестнадцатилетнего мальчугана, как-то по-отцовски тихо и внятно сказал:

— Постарайся проявить себя в чем-нибудь более серьезном — забудь свое детство, и теперь иди себе с богом в свою роту.

Я что-то пролетел ему вслед и выскочил на свободу, как ранней весной вылетают из клеток птицы.

Через несколько дней после моего возвращения в окопы нашу роту, а может быть и весь полк, было приказано перевести на новый участок. Это был период позиционной войны, и поэтому части всё время передвигали по фронту. По длинным и замаскированным ходам сообщения выбрались мы наконец из грязных окопов, на дне которых почти всё время текла грунтовая вода, отчего ноги у нас были вечно мокрые.

Горячий весенний воздух легким ласкающим ветерком приветливо встретил вытянувшуюся в длинную извилистую цепочку группу уставших подземных жильцов.

Пыльные шинели, ремни заплечных мешков и винтовки на плечах отягчали движения людей. К полудню знойный воздух быстро вызвал испарину и нестерпимую жажду. К тому же утром перед походом народ был накормлен соленым селедочным супом. Солдаты шли молча, наклонившись вперед, и тяжело дышали, как рыба, выброшенная волной на сухой берег. Пот, смешанный с черной пылью, грязными потеками струился по медно-красным измученным лицам. У каждого в голове была только одна мысль: «Пить, пить, пить...»

Мы с Рудницким, заметив медленно вырастающую за холмом группу деревьев, прибавили шагу и оторвались от группы.

Вскоре показался скрипучий журавль, за ним соломенные крыши, затем сверкающие на солнце своей белизной стены приземистых хат и, наконец, давно жданный колодец.

Не глядя на тяжелое снаряжение и усталость, мы бросились бегом к колодцу. В это время молодая девушка-молдаванка в белой с особым вкусом вышитой сорочке, с ярко-синими цветами в черных волосах и сама как прекрасный сочный цветок, с напряжением поднимала из колодца тяжелое ведро с водой. Мы, как жадные волки, даже не успев попросить разрешения, с жадностью припали с двух сторон к широкому ведру, долго пили, потом на секунду оторвались, чтобы перевести дух, и снова начинали поглощать холодную чистую воду.

— Ой, бедные, бедные, — прошептала она, с глубоким участием глядя на нас грустными выразительными глазами.

Утолив жажду, тяжело дыша и счастливо улыбаясь, я тоже посмотрел на нее и, пораженный ее свежестью и исключительной красотой, не смог оторвать взгляда.

Рудницкий тащил из колодца второе ведро, а я всё смотрел и смотрел на нее. Девушка немножко смутилась, дыхание ее стало глубже и чаще, отчего яркие цветы на груди ее белоснежной сорочки заколыхались и вздулись, как волны.

— Не смотри так, не надо, — лукаво улыбаясь, сказала она и порывисто закрыла глаза мне своею рукою. В этот миг горячее пламя ее дыхания, как огнем, обожгло мне лицо. Потом молодая проказница быстро наклонилась, схватила ведра и чуть ли не бегом, круто изгибая свой стройный стан, исчезла в густой зелени сливового сада.

В это время подтянулась к колодцу основная масса народа. Загрели котелки, ведра, баклажки. Колодец окружили плотным живым кольцом. Журавль почти непрерывно скрипел и визжал монотонно и противно, разжигая еще больше жажду у тех, кто никак еще не мог пробиться к колодцу.

— Привал! — раздался протяжный голос фельдфебеля.

У первой избы я перешагнул через изгородь в сад, сбросил с себя все свои доспехи и растянулся на мягкой траве в тенистой прохладе развесистых сливовых деревьев.

Поодаль улегся Рудницкий и еще другие ребята, но я уже не видел никого. Легкое поскрипывание колес походной кухни не пробудило во мне чувства голода. Я засыпал крепким глубоким сном. На один только миг в фиолетовом мраке легкой тенью проскользнул воображаемый образ юной красавицы и тихо исчез вместе со звуками окружающей жизни.

Снова в окопы

День угасал. Багряное солнце тихо спускалось в прохладу вечерних туманов. Синие тени от изб и садов росли и сгущались. От заплывшей туманом лощины освежающий ветер привлек за собою сырую прохладу земли. Во время дневного привала народ отдохнул и окреп. Тихо брэнча котелками и флягами, рота построилась и ждала команды.

К строю приблизился молодой черноусый прапорщик Семенов и без особых церемоний объявил, что рота наша сегодня заступит на самый тяжелый участок фронта — между окопами противника и нашими всего лишь сорок шагов. В окопах говорить тихо, зря не соваться в бойницы. Быть елико возможно осторожными и беречь свою жизнь.

— А теперь с богом, ребята, на ходу не шуметь, не курить.

Полная рота снова превратилась в цепочку и потянулась к широкой лощине, залитой тягучим вечерним туманом.

Сознательно медля шаги, смотрел я по всем сторонам, чтобы еще хоть раз взглянуть на ту самую девушку, что была у колодца. Но ни одна душа не провожала нас, только пустой безразличный лай какой-то охрипшей собачки напоминал о не совсем еще угасшей жизни в этой глухой деревушке. Когда мы отошли уже шагов на сто от последней избы, я оглянулся на счастье последний разок. На огненном фоне залитой вечерней зорью стены, вся как яркое пламя, заслоняя рукой глаза от низко скользящих лучей, с кувшином в руке смотрела нам вслед та самая девушка. Но головные бойцы уже погружались в густую молочно-белую массу тумана, сначала по пояс, потом всё глубже и глубже, постепенно исчезли, качаясь, их головы, и так вся живая цепочка людей, как сказочных рыцарей, скрылась в тяжелой прохладе дневных испарений.

Молча мы заняли места свои в новых могилах, и так же молча исчезла сменяемая нами усталая рота.

Последний бледно-розовый луч робко скользнул сквозь туман по струнам немых заграждений, быстро угас. И как бы на смену ему, описывая пологие дуги, ввысь полетели одна за другой ракеты, ярко освещая своим холодным светом мир, разделенный железным кольцом.

Ночью никто почти не спал: распределяли блиндажи, устанавливали пулеметы, с неприятельской стороны иногда раздавались одиночные выстрелы. У нас же была мертвая тишина. Этот жуткий покой своей таинственностью возбуждал у бойцов гнетущую тревогу.

Утренний рассвет и первые лучи солнца ободрили усталых людей. Большинство разбрелось по блиндажам на отдых. Часть осталась на постах у бойниц.

Наш старый взводный расхаживал по окопам и по-хозяйски во исполнение приказов начальства давал разные указания бойцам. Между двумя линиями окопов была сплошная сеть проволочных заграждений. Высокие буйные травы густо заслоняли бойницы и нарушали видимость неприятельских окопов. Взводный заглядывал то в одну, то в другую из них, смущенно пожимал плечами и тихонько про себя ворчал.

— Придется взглянуть через верх, — с досадой прошептал он и, поднявшись на выступе, осторожно приподнял голову над окопом. Почти в этот же миг взвизгнула пуля и щелкнула, точно что-то задела на своем пути. Широкоплечая фигура взводного скользнула вниз и мешком упала на дно окопа. Пуля пронзила верхушку черепа. Смерть наступила мгновенно. Прибежал ротный фельдшер. Убитого солдата положили на носилки. По-видимому, в отместку за него один из бойцов сделал два выстрела из соседней бойницы и, перезарядив винтовку, приложился снова, но винтовка дрогнула в его руках, и он, подобно взводному, уже лежал на дне окопа.

И так как стереотруб у нас еще не было, то за день на этом участке наш батальон потерял таким образом около пятидесяти человек.

Как мы узнали потом, против нас стояла в то время какая-то немецкая воинская часть; винтовки у них были установлены на станках и точно пристреляны по нашим бойницам, с утра солнце светило со стороны противника и освещало заднюю стенку наших окопов, благодаря чему наши пустые бойницы всегда были светлые, и стоило только в одной из них появиться тени, как в тот же момент раздавался выстрел — новая жертва падала, сраженная наповал.

Взбешенный капитан Гречкин, замещавший командира нашего батальона, приказал бомбометчикам открыть огонь по немецким окопам. Но это была лишь медвежья услуга, так как в ответ на огонь нашего единственного бомбомета немцы буквально засыпали нас бомбами; они рвались всюду у бойниц, в окопах, залетали под блиндажи и навели страшную панику на не привыкших еще к такой барабанной музыке наших миролюбивых ребят.

Лишь только вмешательство нашей артиллерии прекратило эту неравную дуэль.

Тут я еще раз убедился в изумительно точной ее стрельбе. После первых же залпов батареи бревна блиндажей противника, как спички,

летели кверху, и ни один снаряд не падал мимо. Когда в немецких окопах началась суета и паника, артиллерия покрыла их еще несколькими залпами шрапнели.

Такие дуэли и перестрелки впоследствии проходили почти каждый день, но австрийская артиллерия никогда не вступала в эту борьбу, так как ее снаряды большей частью ложились в собственные окопы или делали большой перелет.

Вот в этих условиях позиционной войны и беспечности нашего командования ежедневно выбывало из строя два-три десятка солдат батальона¹².

Знакомый вам уже киевлянин-кузнец Пятак был веселый и беспечный солдат. Никогда его, казалось, ничего не смущало, и ничего он не боялся. Улыбаясь и шуря свои маленькие, красные от недостатка сна глазки, он всегда развлекал солдат разными рассказами, и особенно он любил вспоминать о неудавшейся пьянке в эшелоне добытым в Киеве «вином».

Как-то, проходя по окопу, я увидел Пятака, сосредоточенно ковырявшего булавкой внутри какой-то блестящей трубки. Убедившись, что это капсуль от гранаты, я выхватил его у Пятака из рук и швырнул за окоп.

— Та я ж наплював туды, — с досадой просопел Пятак и, по видимому, рассердился на меня.

— Добрый мунштучок бы вышел, — бурчал он себе под нос.

Возвращаясь обратно, я заметил, что он снова ковыряет такой же капсуль. В момент, когда я поравнялся с ним, раздался сухой треск, бедный Пятак в обмороке присел на дно окопа, а обрывки мяса и кости пальцев его левой руки прилипли к его и частично к моей гимнастерке. Этим он и кончил свою нелегкую военную службу, да и кузнецом ему больше не бывать.

Через некоторое время стоявшую против нас часть сменили, на ее место заступила другая, более покойная и бесшумная, вероятно, какая-то кадровая немецкая группа.

На нашем так называемом минном участке наступило успокоение. Немцы почти совершенно перестали стрелять, к чему постепенно приучили и нашу часть.

Иногда их солдаты сознательно выглядывали из окопов и, убедившись, что мы не охотимся на них, стали вести себя гораздо смелее.

¹² Так, за период с 14 (1) по 18 (5) мая полк потерял 54 нижних чина ранеными и убитыми, с 19 (6) по 25 (12) мая — 57 человек, с 27 (14) по 3 июня (21 мая) — 45 человек. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 155. Л. 1–2.

Как мы, так и немцы начали ходить на кухню часто не по ходам сообщений, а просто вылезали из окопов и группами двигались по открытому полю. Иногда мы взаимно с противником развлекались стрельбой по мишеням. Немцы выставляли на палке кусок фанеры или что-либо другое с нарисованной мелом или углем целью, мы стреляли по ней, а они потом штыком показывали точку попадания. Мы выставляли им цинк от патронов и таким образом соревновались в стрельбе.

Не знаю, сколько бы времени продолжалось это содружество, но вот в одно прекрасное утро прошел слух, что после болезни в нашу роту возвратился действительный ротный командир — прапорщик С.

Последующее появление его в окопах сразу же ознаменовалось резкими поступками, ничем не отличающимися от обычного хулиганства. Во-первых, он всегда был пьян. Его стеклянные зеленые глаза не выражали никаких человеческих чувств. Создавалось такое впечатление, что они были совершенно неподвижны, так как людям в глаза он никогда не смотрел и, проходя, не обращал никакого внимания на обычные приветствия. Физиономия у него была рябоватая. Рыжая борода, подстриженная наподобие Николая Второго.

— Хорош, кажется, гусь появился у нас, — шептались между собой ребята, стараясь не попадаться ему на глаза.

— Да к нашему берегу ничего хорошего не приплывает — то щепка, то дерьмо, — угрюмо добавлял обычно старый солдат Золотуцкий, pokruchивая свои реденькие, но длинные усы.

Неразлучным другом прапорщика С. была тяжелая нагайка, для которой он, проходя по окопам, подыскивал работу.

Однажды здорово, по-видимому, клюнувши, ротный, спотыкаясь на ровном месте, шествовал в одиночестве по окопу, размахивая своей плетью. Золотуцкий стоял на посту у бойницы и, по уставу, не обернулся и не приветствовал прапорщика С.

— Честь! — заревел последний и сколько есть мочи огрел пожилого солдата нагайкою по спине. От внезапности удара солдат схватился за голову и присел возле бойницы.

— На пост! — снова завыл ошалелый командир и еще два раза ударил нагайкой солдата. И не обращая более внимания на пострадавшего, зашагал дальше.

Таким образом в этот день он переколотил большую половину роты. Его возмущению и бешенству не было границ, когда он узнал о наших гуманных отношениях с противником.

И вот однажды немецкие солдаты, выбравшись из окопов, шли покойно на кухню, прапорщик С. заревел:

— Изменники! — и, схватив винтовку, сам начал стрелять по ним. В тот вечер и ночь бомбы и мины противника градом сыпались в наши окопы. Снова появились ненужные жертвы. Атмосфера в окопах стала тяжелой, гнетущей и накаленной.

Как-то сидели мы втроем в блиндаже и делились впечатлениями о нашем звероподобном командире. Золотуцкий не мог вынести обиды, и на его глазах появились слезы.

— погоди, голубчик, в первом бою мы как-нибудь с тобою рассчитаемся, — украдкой утирая горячую слезу, прошептал оскорбленный солдат. Обиду нашего ни в чем не повинного товарища мы воспринимали как свою собственную и тут же вынесли свой приговор.

Минные галереи

Раннее тихое утро, синий безоблачный купол небес предвещал дневной зной. Над окопами, назойливо треща, кружил немецкий самолет-разведчик. От скуки солдаты стреляли по нему, но безрезультатно. В воздухе то там, то здесь вспыхивали белые клубки шрапнельных разрывов.

Из офицерской землянки вышел ротный писарь с бумагой в руках и, подходя к бойцам, задавал вопросы:

— Нет ли кого среди вас шахтеров?

Список его начал быстро расти. Знающих шахтерское дело оказалось немало. Было это правдой, или многие, соображая, что таким образом можно вырваться из окопов, записывались, не имея не малейшего понятия в шахтерском деле, но всё же довольный писарь быстро возвратился в землянку с большим списком шахтеров.

К вечеру в окопы принесли лопаты, кирки, ломы, построили новопеченных шахтеров и объявили, что с этой ночи начнется сооружение галерей под окопы противника.

Бедные ребята повесили носы, но делать было нечего, пришлось приступить к работе. Галерея сначала спускалась вниз метра на полтора-два, потом переходила в горизонтальное направление. Вскоре появились грунтовые воды, борьба с которыми в данных условиях была очень тяжелая, так как никаких насосов из-за создаваемого ими шума применить было невозможно.

Цель этих траншей-подкопов заключалась в организации мощного взрыва непосредственно под окопами противника, после чего

в созданную таким образом воронку должна была врваться пехота и вклиниться в линию расположения врага¹³.

Не скажу, что это мероприятие особенно привлекало нас, так как результат этого броска, хотя и смутно, мы представляли себе.

В ближайшие дни в результате наблюдения за противником выяснилось, что и под наши окопы уже давно ведутся такие же подкопы.

Мысль о столь приятной возможности — в один прекрасный момент взлететь поближе к небесам и оттуда разбросать свои бранные кости на грешную землю — тоже была не из особо утешительных. Солдаты прислушивались к всевозможным шумам и стукам в земле, нервничали и почти не спали ни днем, ни ночью.

Бедные шахтеры, грязные, измученные, по колено в воде, копались, как кроты в темных сырых подземельях. Работа подходила к концу, вскоре привезли взрывчатку и начали закладывать мины. Все солдаты и офицеры болезненно переживали и духовно страдали. «Кто раньше взорвет?» — вот мысль, которая день и ночь мучила всех и не давала покоя.

Преимущество нашего первого взрыва, как из двух зол лучшее, вселяло некоторую надежду на сохранение жизни, ибо нет и не было на земле героев, даже сознательно идущих на верную смерть, в тайниках души которых не теплилась бы самая ничтожная искра надежды на жизнь. Суровая же действительность или, может быть, так называемая судьба готовила совсем другое: минные галереи остались невзорванными и быстро были забыты в результате нарастания новых, более грозных событий.

В период этих бесконечных тревог, физических и духовных переживаний я получил извещение от матери о смерти старшего брата, и, как ни странно, сообщение это не вызвало жалости. Письмо мне передал прапорщик Семенов, который тут же присутствовал при чтении последнего.

Я прочел, свернул и положил в карман. В то время цензура проверяла каждое письмо, а поэтому Семенов знал его содержание.

¹³ Развитие тактики подземно-минной войны стало одним из следствий установления позиционного фронта, когда каждая сторона искала новые способы преодоления инженерных заграждений противника. На русском фронте (позиционная война установилась лишь осенью 1915 г.) известно до 50 случаев осуществления подобных минных работ, на западном фронте подобная тактика получила большее распространение. См.: *Ардашев А.* Великая окопная война. М., 2009. С. 382–416. Вместе с тем вполне возможно, что в данном случае автор путает и речь идет о создании инженерного плацдарма, который позволял в случае наступления незаметно приблизиться к окопам противника.

- Ты всё прочел? — недоумевая, задал он мне вопрос.
- Да, всё, — ответил я.
- У тебя, кажется, умер брат?
- Да, умер.
- И тебе не жаль?
- Не знаю, — ответил я. — Сам не понимаю, почему не жаль.

Вероятно, за это время очерствели и притупились чувства. Прапорщик покачал головой и отошел. И лишь только ночью, когда я остался один на посту у бойницы, в сознании так болезненно и ярко воскресли последние минуты прощания с братом и матерью. В обостренном сознании прозвучала песня пьяных новобранцев, предсказавшая роковой исход моей собственной жизни. И последний унылый протяжный свисток паровоза.

Брусиловский прорыв

В последние дни, когда заканчивалась постройка минных галерей, во время прогулок по бесконечно длинным ходам сообщений на кухню за обедом и ужином, в тылу наших окопов за холмом чувствовалось какое-то необычное движение.

В садах появились повозки с лошадьми. Избы заполнились артиллеристами, их всегда можно было легко узнать по возрасту, по мощным фигурам и по сосредоточенным бородатым лицам. Пулеметные тачанки, зарядные ящики, горы свободно лежащих снарядов и другие военные средства заполняли сады и овраги наших тылов.

В разных местах участка артиллерия отдельными выстрелами вела пристрелку по окопам и тылам противника, на что последний отвечал массированным непрерывным огнем. Но наша артиллерия не поддавалась на вызов и не изменяла темпа.

В один памятный вечер солдатам пополнили запас патронов, а гренадерскому взводу, в котором состоял и я, выдали по 6 штук круглых чугунных бризантных гранат с капсулями и велели проверить ножицы. По окопам осторожно и бесшумно проносили дополнительные пулеметы и бесконечное количество ящиков с пулеметными лентами. Появились какие-то новые, незнакомые нам минометы с похожими на огромную свеклу минами.

Хотя мы еще не понимали и не знали причины этих непонятных и таинственных перемещений, но инстинкт, по-видимому, бессознательно подсказывал: о сне не было и мысли, по телу пробежала дрожь. Всю ночь в наших окопах стояла мертвая тишина — ни одна

ракета, ни один выстрел не нарушали этот таинственный грозный покой. Но мертвое пространство между окопами было залито непрерывающимся светом множества ракет противника и летающими стрелами его прожекторов. Сколько можно было охватить бессонным взглядом в обе стороны вдоль окопов, всюду холодный свет ракет и огни прожекторов насыщали мрак встревоженной ночи и терзали тяжелыми предчувствиями возбужденное сознание «царицы полей». Ночь приближалась к концу. Зеленый луч еще невидимого солнца уже проник сквозь уходящие волны тумана, с его появлением слегка улеглась и ночная тревога людей.

Вдвоем с Золотницким в углу блиндажа вскрыли мы неразорвавшуюся австрийскую бомбу, зажгли тротил и, как обычно, повесили котелок с водой, чтобы согреть чайку, в обществе которого всегда приходит успокоение возбужденных нервов, а его горячая влага выгоняет из организма озноб от сырого ночного тумана.

И вдруг в этот короткий миг ничтожного блаженства, в затаенной тишине небесного свода раздался страшный свист, рев и грохот, как будто небо разорвалось на две части и все предшествующие летние громы обрушились на грешную землю.

Рев нарастал с невероятной силой и скоростью, блиндаж задрожал, земля посыпалась в котелок и чашки. Мы выскочили на воздух. К грохоту орудий присоединилась нестерпимая трескотня пулеметов. Шестидюймовые снаряды безжалостно разрушали первую и вторую линию обороны противника. Вместе с огнем и столбами черной земли кверху летели бревна, кровати, шинели, трупы людей. Трудно описать и еще труднее представить не выдавшему эту ужасную работу нашей прекрасной артиллерии. К ее бешеному урагану примкнули отдельные потрясающие взрывы огромных мин.

Австрийская артиллерия пыталась беспорядочно отвечать, но никакого влияния на темп нашей артиллерийской атаки не могла оказать, быстро была подавлена и уничтожена. Линия австрийских укреплений постепенно превращалась в подобие свежевспаханной пашни, поднятой невидимым колоссальным плугом.

Пулеметы не ослабляли своего треска, резали и рвали в клочья сплошную сеть проволочных заграждений. Разрушив передние укрепления, артиллерия переместила огонь на более глубокие тылы. Шрапнель осыпала свинцовым дождем ходы сообщений и районы командных пунктов. Солдаты в боевой готовности воспаленными болезненными глазами, полными неясной тревоги, молча наблюдали за работой

свистящего металла и ждали атаки. Сейчас уже всем была ясна цель артиллерийской подготовки. По всем признакам можно было начинать атаку, но командование почему-то медлило — по-видимому, не были еще готовы соседние участки.

Лишь только во второй половине дня, когда в окопы вошли новые, незнакомые солдаты, нашему гренадерскому взводу велено было по заранее подготовленным норам выползти в мертвую зону и приступить к уничтожению проволочных заграждений.

Трудно вспомнить и невозможно описать то притупление чувств, во власти которого я находился с момента выхода в мертвое пространство железного кольца. Вытянув перед собою ножницы, мы ползли, как змеи, к колючей проволоке сплошных заграждений. Густая трава, постриженная сверху пулеметным огнем, который всё еще не прекращался, служила прекрасной маскировкой для нашей работы.

Когда же мы подползли вплотную к заграждениям, то оказалось, что их уже не существует — всё было иссечено на куски пулеметным огнем, и лишь кое-где на подрезанных кольях и рогатках висели отдельные куски колючей проволоки, которая не могла служить препятствием для атаки. Обследовав пространство перед расположением своего батальона, хорошо натренированные гренандеры теми же путями возвратились в свои окопы под массивным прикрытием всех видов огня.

И вот только после этого была произведена короткая подготовка к атаке. Уплотненным строем люди были выстроены у бруствера. Бойцы вновь зарядили и проверили винтовки. Гренандеры вставили в бомбы капсуля и теми же тайными тропами выбрались из окопов. Пулеметный огонь прекратился. Артиллерия крошила тылы.

По условному сигналу мы вскочили на ноги, с криками «Ура!» и с бомбами в руках бросились на австрийские окопы. В этот же момент позади нас сплошной стеной поднялась наша пехота. Могучее «Ура!» грозным ревом прокатилось по фронту.

На месте австрийских окопов беспорядочно затрещали отдельные винтовочные выстрелы, которые были сразу заглушены и подавлены гранатами.

В несколько секунд была занята первая линия окопов противника. Какой-то обезумевший от страха австриец, бледный как полотно, стоял неподвижно с поднятыми руками. Прапорщик С. ударил его по голове наганом и тот медленно сел и опрокинулся на бок. Артиллерия снова перенесла свой огонь в более далекие тылы. Таким же образом,

но с большим азартом была занята и вторая линия обороны. Вдруг в нескольких километрах впереди к небу взвился сначала беззвучный огненный столб. Через две-три секунды земля вздрогнула, и мощный ревущий звук взрыва докатился до нас.

— Ну, всё в порядке, склады взрывает! — почти восторженно закричал какой-то старый солдат.

— Теперь можно спокойно двигаться вперед, — добавил он.

Форсированным маршем продвинулись мы еще вперед на два-три километра и остановились у какого-то полуразрушенного завода. Здесь было приказано окопаться.

Трудно сказать, какую цель или какой тактический смысл имели эти остановки, так как впереди еще пылало зарево горящего склада боеприпасов, и ясно было, что противник уходит на более отдаленные позиции. В густых цепях солдат кто окапывался, кто после дневных тревог уснул тут же глубоким беспробудным сном. Но есть люди, которые всегда чего-то ищут, что-то им нужно, точно что-то где-то забыли.

Полуразрушенное сооружение, у которого мы окапывались с вечера, оказалось винокуренным заводом. Разведка и боевое охранение еще с вечера были двинуты вперед, и народ всю ночь мог отдыхать.

На рассвете после подъема кой-кого в строю не оказалось, а некоторые солдаты были очень развязны и нетвердо стояли на собственных ногах. Начались поиски в окрестностях завода, где и нашли трех солдат, в том числе и одного нашего гренадера-украинца, по профессии борца, мертвецки пьяными в канаве под кустом. У него не оказалось даже при себе винтовки.

Ротным командиром прапорщиком С. тут же было организовано наказание, причем досталось больше всех злополучному борцу. Его били по голой спине шомполами. Больше всех, конечно, злорадствовал и даже сам с нагайкой в руке принимал участие в наказании ротный командир. Могучий мужик перенес побои молча, но когда он встал с искаженным от боли лицом и, шатаясь, взглянул на прапорщика, тот вздрогнул и, съезжившись, ускользнул сквозь недобрый шепот солдатской глядящей исподлобья массы.

Пострадавшему борцу хотели надеть гимнастерку, но она не влезла на распухшую, покрытую потоками крови спину. Так его и увели полуголого с арены импровизированного Колизея на берег заросшего кустами пруда.

На пути нашего движения стоял город Черновцы. Австрийцы укрепились вдоль правого берега Прута и считали, как выяснилось потом, при опросе пленных, свои позиции совершенно неприступными.

На левом берегу реки, куда подтягивались наши ударные силы, раскинулся густой старинный лиственный лес, что весьма благоприятно способствовало тактической подготовке очередного удара.

Пятого июня на рассвете вновь загрела наша тяжелая шестидюймовая артиллерия. Крутой обрывистый берег Прута, на котором в непосредственной близости от реки находилась первая линия обороны противника, быстро из ярко-зеленого начал краснеть, точно его кто-то красил невидимой кистью. Несколько цепей русской пехоты, как накалившая лава, незаметно двигались в условиях прекрасной лесной маскировки к исходным рубежам.

Пулеметный и артиллерийский огонь огненным валом бушевал над австрийскими позициями, снова сметая на своем пути заграждения и живую силу противника. Огненный рев не утихал ни на секунду. Артиллерия противника, не имея точных сведений о расположении готовых к атаке русских войск, хотя и много, но беспорядочно обстреливала лес и левый берег реки. К исходу дня пулеметные роты вышли на рубеж и открыли жестокий огонь по переднему краю обороны врага. Под их прикрытием саперы бросились в воду и стали наводить узенькие, без перил пешеходные мостики, и хотя переправы еще не были закончены, пехота непреодолимым потоком бросилась в атаку. Мощное «Ура!» грозными волнами, не умолкая, колыхалось над почерневшим Прутом.

Длинными извилистыми цепочками бойцы устремились на незаконченные еще переправы. Перебегали, прыгали в воду, карабкались по откосам, разрушали заграждения. Многие падали с мостков в быстро бегущие воды реки и беззвучно исчезали, уносимые мутными кипящими волнами.

И когда под прикрытием крутого берега реки накопилось достаточно сил, атака возобновилась. За откосом загрели взрывы ручных гранат. Штыки судорожно склонились вперед, и снова загрело и покатило по полям Галиции и Буковины русское могучее и неотразимое «Ура!»

Город пал¹⁴.

¹⁴ Изложение хода этих боев мемуаристом несколько отличается от журнала военных действий 326-го пехотного полка и описания боев в научной

Утром на чистеньких улицах древнего украинского городка ничем не нарушался обычный покой и тишина. Усталые поредевшие части этот день отдыхали. Но по хлебным полям и пыльным дорогам Галиции непреодолимым валом продолжали двигаться новые, свежие части русских брусилловских армий.

Знойный безветренный день, накаленный воздух, насыщенный желтой пылью, клубящимися волнами тянулся по дороге вслед за густыми колоннами войск. Пыль проникала всюду, хрустела на зубах, раздражала глаза, проникала под одежду и, смешанная с обильным потом, вызывала нестерпимое желание броситься в первый попавшийся на пути ручей. Усталая пехота двигалась молча, тяжелая выкладка вместе с запасом патронов и гранат отягчала ее грузные движения. Кое-где побрякивали закопченные котелки да пустые стеклянные фляги. Медленно ползли походные кухни, выпуская в мутно-желтый воздух голубоватые струйки едкого дыма. Сквозь густую завесу легкой горячей пыли слабо обрисовывался медно-красный солнечный диск.

В глубоком овраге с остатками разрушенного моста застряла артиллерия. Широкоплечие бородатые мужики — солдаты запаса, напрягаясь, как буйволы, помогали выбившимся из сил лошадям. В воздушном

литературе. В самом начале Брусилловского прорыва 4–5 июня (22–23 мая) полк выполнял пассивные задачи. Только 6 июня (24 мая) он безуспешно пытался перейти в наступление. Затем 10–11 июня (28–29 мая) он участвовал в общем преследовании австрийцев, выйдя к р. Прут. С 12 июня (30 мая) по 18 (5) июня 325-й полк вместе с 326-м (оба входили в состав 1-й бригады 82-й дивизии) находился в резерве. 16 (3) июня 82-я пехотная дивизия была включена в состав 11-го корпуса. Вечером того же дня 326-й полк был выдвинут в м. Садогуры. 17 (4) июня противник занимал предмостную позицию у ст. Зучка, овладеть которой было приказано частям 32-й пехотной дивизии. Артиллерийская подготовка (в ней участвовало более 60 орудий) велась с 11:00 до 16:00. После чего 125-й Курский пехотный полк бросился в атаку, захватив позицию и пленив 1500 австрийцев. На 18 (5) июня по армии был отдан приказ форсировать р. Прут. В 3 часа утра 328-й Новоузенский полк (из состава 2-й бригады 82-й дивизии) бросился в атаку и после тяжелого боя занял г. Черновцы, взяв 1000 пленных и 10 орудий. Поскольку переправа через Прут происходила в тяжелых условиях, из резерва была выдвинута 1-я бригада 82-й дивизии. 326-й полк двинулся в захваченные Черновцы, где командиру полка полковнику Н. К. Чижевскому горожане поднесли ключи от города. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–2; *Базаревский А.* Указ. соч. С. 127–128.

пространстве над ними витала самая отборная русская брань, ибо никто во всем мире не владеет такой изощренной и крепкой руганью, как русская конная артиллерия. То, что подчас не могли сделать крепкие, выносливые кони, с успехом выполняли сами артиллеристы, вынося на руках свои тяжелые орудия.

Тут же, в хвосте, двигалась в пестрых расшитых кафтанах с кривыми, чеканенными серебром и золотом саблями кавалерия из так называемой туземной дивизии, которая никогда не принимала участия в боях. Болтаясь по дорогам и селениям, наводила она животный страх на и без того напуганное население.

Армия двигалась в направлении Карпат. 12 июня на рассвете, растянувшись снова цепями, вышли мы к берегам реки Серет. Под слабым артиллерийским огнем с незначительными потерями были быстро форсированы три отдельные рукава реки, и наш полк вступил в небольшой городок Куты, расположенный у подножия карпатских гор¹⁵. После двухдневного отдыха подразделения 326-го пехотного Белгорайского полка заняли рубеж на опушке молодого букового леса.

Перед нашей ротой раскинулись обширное хлебное поле, на котором уже созревала высокая густая пшеница. За этой золотистой, волнующейся под горячим южным ветром полосой снова начинался стройный буковый лес. На опушке этого зеленого шатра закрепились австрийские, мадьярские и немецкие части.

С вечера у бойцов, как обычно, был полный запас патронов, гранат и сухарей. Ранний ужин состоял из хороших мясных щей и жирной рисовой каши, после которого было приказано окопаться в отдельных одиночных окопах. Офицерский состав был чем-то озабочен. Молодые прапорщики — взводные офицеры — о чем-то шептались, их встревоженные лица выражали необычное волнение. Но что нас ожидало завтра, никто из солдат не знал и не предполагал. Противник не производил никаких признаков жизни — ни один звук, ни один выстрел не нарушал ложного покоя молодого дремлющего леса.

Короткая ночь быстро пролетела. Но утро, пробужденное радостным пением птиц и теплым ласкающим ветром, при всей своей внешней

¹⁵ С 19 (6) по 25 (12) июня полк находился все время в движении. 25 (12) июня пришел приказ сменить 1-ю Донскую дивизию на позиции у г. Куты. Был совершен переход из д. Луковец в д. Черногузы, где находился штаб дивизии. В ночь на 26 (13) июня полк занял позицию у г. Куты, встав у р. Глиница. РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 3 об.

красоте таило в себе страшную тайну предстоящей гибели десятков тысяч людских жизней как с одной, так и с другой из враждующих сторон¹⁶.

Гренадерский взвод, состоящий из шестидесяти человек отборных, вооруженных кроме всего основного гранатами и ножницами солдат, был расположен в средней, более выдвинутой части окопов. На его долю выпала горькая честь начинать этот грандиозный прорыв в Карпаты, на осуществление которого в течение одного дня были брошены сотни тысяч людей.

В страшной томительной тишине лежала молча первая цепь в своих маленьких окопах. За густой высокой пшеницей противнику совершенно не было видно, что происходит у нас.

Наклонившись ко мне, прапорщик Семенов, простой добродушный парень, тихо сказал:

— Ротный командир приказал выделить ему после прорыва для охраны двух надежных солдат. Я назначил тебя и Бурова, не забудь, если останешься цел.

Семенов ушел. Ко мне подполз Буров и наш борец, пострадавший под Черновцами за пьянку. Здесь на обломках спичек и был решен вопрос, давно терзавший оскорбленные и униженные чувства солдат нашей злосчастной роты. Момент настал.

По беззвучному сигналу бесшумно поднялся гренадерский взвод и двинулся на свое тяжкое дело. Слегка шелестя, под ноги ложилась высокая пшеница. Таинственная жуткая тишина продолжалась еще несколько секунд. Ее нарушал только отрывистый звук биения собственного сердца. Мысли пылали. Мутное предчувствие почти неминуемой смерти еще пока не покидало разум. Нервная дрожь пробежала по всему существу. Граната дрожала в руке. Но отдельные первые выстрелы заметившего наше движение врага сразу спутали всё.

Граната в правой, а ножницы в левой — вот и всё, что осталось в помутневшем сознании. Взвод прилип к земле и пополз. И вдруг всё сразу затрещало, заревело. Скошенные пулеметным огнем колосья сыпались на голову, на спину. Эхо от бешеной стрельбы и разрывов и бомб в буковом лесу было похоже на раскатистый, непрекращающийся небесный грохот и гром. Когда сквозь стебли пшеницы обнаружили горизонтальные нити колючей проволоки, я бросил в окоп одну за другой

¹⁶ Ниже идет описание боя 27 (14) июня, который был подробно изложен в предисловии к этим воспоминаниям.

три бризантных гранаты. Резкий звук взрывов таких же гранат прокатился по всему атакованному нами участку. Ружейный огонь на несколько секунд почти прекратился.

Мгновенным прыжком я упал к заграждениям и, лежа на спине, с лихорадочной скоростью начал резать колючую проволоку. Обычная уверенность и разум снова вернулись ко мне. Для обеспечения дальнейшей работы я снова бросил через голову еще одну гранату, и она со страшной силой разорвалась на грани окопа, образовав густые клубы пыли. «А что же дальше?» — мелькнула страшная мысль. Но в момент массивного взрыва наших гранат встала на ноги дотоле молчавшая готовая к бою пехота. Мощным неумолкающим взрывом «Ура!» отозвалась она на призывный грохот гранат. Еще миг, и синеватая сталь вперед наклоненных штыков зловеще сверкнула по фронту и заменила собой остатки золотистой измятой пшеницы.

Снова зазвучал страшным громовым голосом молодой буквый лес. Зашипели в воздухе бомбы, их взрывы создавали столбы клубящейся пыли. Треск пулеметов сгущался. Но миг был упущен противником, и наша пехота стремительно ворвалась в первую линию окопов.

Вместе со своими ребятами я спрыгнул в окоп и, несмотря на озлобление, был поражен жестокостью работы русских штыков. Но это были всего лишь секунды. Снова загремело «Ура!», и живая волнующаяся людская стена двинулась дальше.

Опьяненный первым успехом и кровью, я тоже бежал, кричал, стрелял на ходу, сам не соображая куда.

Вдруг впереди в 20–30 шагах отрывисто затрещал австрийский пулемет, но я продолжал бежать уже бессознательно. Кто-то над ухом крикнул «Ложись!» и толкнул меня в шею. Я упал и увидел рядом с собой искаженное злобой и страхом лицо Михаила Привалова. Пули, как озлобленные пчелы, засвистели над головой, и я чувствовал, как они резали на моей спине скатку шинели. Когда поток пуль отклонился в сторону, я вспомнил о последней гранате и с силой бросил ее прямо в пулемет, а сам снова припал к земле. Граната грохнула, и пулемет умолк. Мы вскочили на ноги и снова бросились вперед. В десяти шагах от пулемета, лежала, уткнувшись лицом в землю, могучая, широкоплечая фигура — это был наш борец. Он был почти перерезан по груди пополам пулеметной очередью.

Сопrotивление противника здесь было сломлено, серые, мышино-го цвета мундиры метались по лесу. Одни бежали, другие падали, как дрова, некоторые группами стояли у деревьев и тянули руки кверху.

Но живая ревушая и гремящая волна остановиться уже не могла и катилась без удержу, оставляя за собой на ярко-зеленой траве серые неподвижные трупы. Неудержимая атака продолжалась. Левый фланг наш оторвался от соседей и двигался вдоль отрогов гор, всё шире и шире открывая свой тыл.

Буковый лес внезапно кончился. Перед нами открылась узкая лента просвета, за которым сплошной стеной растянулся невысокий густой кустарник.

Не знаю, какими судьбами я раньше других оказался на поляне и совершенно бессознательно устремился к кустам. Но в этот момент кусты зашевелились, и оттуда двинулась с винтовками наперевес густая мадьярская цепь контратакующих. Они поднимались в трех-четыре метра передо мной, их суровые и на вид покойные лица я помню до настоящего момента.

В это же время на левом фланге в тыл нашей части с гор спустилась другая группа противника.

Наша передняя цепь не приняла штыковой бой, в один миг залегла на опушке и открыла бешеный ружейный огонь по атакующим мадьярам. Последние, не выдержав огня, тоже залегли и открыли ответный огонь.

И вот здесь произошло что-то совершенно непонятное. Ко мне навстречу бросился с винтовкой наперевес молодой австрийский солдат. Не сознавая, что ему нужно, я растерянно смотрел на него, но в расстоянии всего лишь полуметра от меня винтовка выпала из его рук, плечо потемнело, и по правой руке побежали красные струйки. Он начал извиваться, по-видимому, от страха и боли хватался рукой за плечо, а по лицу текли потоки слез. Я указал ему на землю: «Ложись», — но в этот момент что-то отрывисто щелкнуло, на лбу его появилось красное пятно, и он грохнулся на землю. А вокруг стоял настоящий ад — во всех направлениях взвизгивали пули, грохотали гранаты. Я тоже упал на землю, один, посредине зеленой площадки. Как выяснилось позже, по цепи передали приказ отступать. Цепь быстро поднялась и покати-лась назад. Я вскочил и тоже бросился за ними. Над моим ухом раздался знакомый голос:

— Что, австрийского штыка попробовать захотел? Скажи спасибо.

Я крепко пожал руку Михея, и мы вместе, иногда отстреливаясь, бежали дальше, снова углубившись в буковый лес. Люди, потеряв взаимную связь, бежали уже кто куда попало. Среди зелени мелькали серые мундиры австрийцев и зеленые гимнастерки наших солдат.

Вдруг передо мной вырос как из-под земли блуждающий по лесу пьяный наш ротный командир прапорщик С.

— Стой, оставайся со мною, — крикнул он мне и, по-видимому, боясь, что я убегу, пригрозил наганом.

Сзади, что-то показывая в землю, бежали на нас двое австрийцев. Я припал на колено и вскинул винтовку. Один из них тут же упал, разбросав руки, а через секунду, точно споткнувшись на что-то, упал лицом в землю второй. Всё это происходило точно в тумане и было похоже на страшный длительный кошмарный сон. Но и в этот момент почти бессознательного, тупого <...> я не забыл обиду, нанесенную этим человеком моим товарищам. Вспомнил и труп перерезанного пополам пулеметным огнем нашего героя-борца.

— Гранаты где?! — заревел на меня С. и снова поднял наган. Я выбил из его руки наган и отскочил в сторону... Красное пятно вдруг стало расширяться прямо на сердце С.

— Санита... — успел только вскрикнуть он, падая на спину; каблуки еще судорожно скользили по земле, но жизнь уже покинула этого озверелого негодяя¹⁷.

Еще до начала боев мы с Михеем поменялись адресами с целью сообщить родным, если с кем-либо из нас что-либо случится. Лес, где мы бросались во все стороны, потеряв, по-видимому, ориентировку, был уже окружен со всех сторон врагом. Начался жестокий артиллерийский и бомбометный огонь. Стреляли всюду, вероятно, и наша, и австрийская артиллерия.

И вот здесь еще один момент — но уже в последний раз — я увидел Михея Привалова. Что именно произошло, я не знаю, так как на этом моменте произошел провал в моем сознании.

Важность успеха в этом районе решала дальнейшее развитие успеха Брусиловского прорыва, а поэтому к подножью Карпат были подтянуты крупные силы в составе трех корпусов. Во второй половине дня наши отброшенные части, подкрепленные свежими силами, снова бросились в атаку и стремительным ударом обеспечили полный прорыв фронта.

Когда я открыл глаза, сквозь ярко-зеленую листву виднелось синее небо, белые клочки разорванных облаков покойно плыли одно

¹⁷ В журнале военных действий 326-го полка во время описания боя 27 (14) июня, о котором говорилось в предисловии к этим воспоминаниям, упоминается героическая (ли?) гибель командира 14-й роты прапорщика Сапарина. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 12 об.

за другим. Около меня лежало сбитое снарядом дерево и несколько изуродованных окровавленных трупов. Страшно болела голова, по временам какой-то туман застилал глаза и мысли. Смутно доносилась отдаленная беспорядочная пулеметная и ружейная стрельба, она постепенно усиливалась и нарастала. Где я находился и что произошло со мной, я так и не смог понять. Вблизи послышался шорох и треск сучьев — австрийские санитары несли мимо меня на носилках раненых. Я притаился, но звук стрельбы всё нарастал и приближался. Кое-где пробивая стволы старых деревьев, взвизгивали и шлепали пули. Показались отдельные бегущие австрийские солдаты. Вот трое из них с лихорадочной скоростью начали устанавливать пулемет. Где-то уже совсем недалеко прозвучало раскатистым эхом протяжное уверенное «Ура!». Австрийцы уже бежали враспынную, как стадо испуганного скота.

Я закрыл глаза и затаил дыхание. Со всех сторон слышался топот ног, треск сучьев, непонятный гвалт и уже непрерывный свист пуль. Звуковая картина быстро менялась. Сначала невнятно послышались отдаленные звуки русской речи, возбужденные выкрики и крепкая брань. Я открыл глаза. В нескольких метрах от меня среди деревьев показался взмыленный конь. Его налитые кровью глаза блуждали в пространстве. На нем сидел помощник командира полка полковник Рот. Сверкая в воздухе сталью своей сабли, он, повернув голову назад, в испуге кричал:

— Вперед! Вперед, ребята! Победа! Победа! Не отставай, не отрывайся.

Измученные солдаты с воспаленными красными лицами с потеками грязного пота, с отпечатком голодной усталости, тяжело дыша, бежали, кричали, стреляли.

Сила азарта и голос победы подняли меня на ноги. Подобрал первую попавшуюся винтовку, раскачиваясь, как пьяный, от дерева к дереву, я тоже пошел вслед за бегущими солдатами. Какой-то незнакомый боец, пробегая мимо, взглянул на меня и остановился.

— Тут недалече санитары, валяй-ка к ним, помогут, — крикнул он мне, указывая рукой назад. Но я ухватился за его плечо. Солдат, повидимому, сразу понял меня, и мы продолжали с ним путь в направлении общего движения вперед.

Через некоторое время между стволами деревьев замелькали полоски просвета. Лес внезапно кончился. Передо мной открылась страшная неповторимая картина массового бегства врага. Розоватые лучи клонящегося к закату солнца дымящимися потоками света заливали беско-

нечную беслесную равнину, и эта низменная пустынная гладь дышала неровным движением человеческих масс. Казалось, что здесь внизу на опушке леса кто-то разорил огромный муравейник, и обитатели его в страшном смятении двинулись в далекий нелегкий путь в поиске новых убежищ. Далеко впереди по единственной дороге неслись, сбивая с ног людей, артиллерийские упряжки. Потоки людей колыхались, как волны потока под шквалами порывистого ветра. Дымки шрапнельных разрывов прыгали всюду над этой необъятной равниной страха и смерти. Взрывы фугасов вздымали к небу черные столбы смешанной с огнем земли, прыжками бросались по дымящейся пылью дороге. Обозные и артиллерийские лошади шарахались, падали. Орудия, кухни, телеги опрокидывались, летели в канавы.

И вдруг вся эта масса как будто вздрогнула в последней предсмертной судороге — справа появилась наша кавалерия. Широкий, плотный строй ее неудержимо врезался в серую массу солдатских мундиров.

Но напряжения моих нервов уже больше не хватало мне. Вид человеческого ужаса и гибели лишил меня последних сил, и я опустился на землю. Какой-то солдат или санитар перевязал мне распухшую голову и усадил на носилки. Лицо лежавшего в них человека показалось очень знакомым. Я заглянул в него и встретился с болезненным улыбающимся взглядом прапорщика Семенова, нашего взводного офицера. Оказалось, что он был ранен в обе ноги еще в конце первой, неудачной, атаки. Как раз у того места, где хотел заколоть меня молодой ретивый австриец. Семенов, раненый, остался в плену, и вот сейчас был отбит при повторной атаке. Его понесли на носилках, но я, верный закону солдата никогда не бросать винтовку и держаться на своих ногах, пока хватает сил, встал с носилок и пошел сам вслед за носилками Семенова.

В госпитале от раненого солдата своей роты я узнал, что Михей Привалов был тяжело ранен в плечо во время первой атаки и отправлен в тыл. А из нашего гренадерского взвода, что начинал прорыв в Карпаты, остался жив только я да добрый Михеюшка Привалов.

В тот же вечер я доложил командиру нашего батальона подполковнику Распопову о гибели ротного командира прапорщика С. Подполковник прослезился, но эти слезы сразу охладили во мне некоторое чувство уважения к этому человеку.

Как я узнал впоследствии, Михей Привалов был свидетелем моей контузии в затылок, по-видимому, осколком разбитого снарядом дерева. Далее после ранения Михей из госпиталя сообщил моей матери о смерти сына.

На Коломью

Свежие части русских войск в этот же день включились в общее наступление и продолжали преследовать противника в направлении города Коломья.

После дневного отдыха наш полк в резерве двинулся в том же направлении¹⁸. На закате солнца жар быстро спал. Обильная роса легла на пыльную дорогу и освежила воздух, деревья и травы. Я ехал в санитарной кибитке, так как голова моя болела и по временам немного путалось сознание.

Ночь была тихая, звездная, и если бы не далекие, почти беззвучные вспышки разрывов, похожих на пламя вечерних зарниц, на неяркий бледно-зеленый свет невидимых ракет, то можно было думать, что события вчерашнего дня — это только тяжелый кошмарный сон, а жизнь так же прекрасна, как это самое усеянное горящими звездами небо.

Солдаты шли быстро и молча. Кое-где на пути попадались селения. В окнах домиков не было света, и ни одно живое существо не проявляло признаков жизни.

Небольшие привалы иногда нарушали это безмолвное решительное шествие. Слышались сдержанные голоса и появлялись блуждающие красные точки солдатских сигарок. Потом дорога снова оживала, сначала неровно, неуверенно раскачивалась и двигалась сонным человеческим потоком. Я несколько раз засыпал и снова просыпался, а перед самым рассветом вылез из кибитки и пошел за ней, держась рукой за заднюю перекладину.

Предрассветный ветерок слегка коснулся вершин молодых буков, и они робко зашелестели по сторонам дороги, освеженные чистой алмазной росой. Небольшой перелесок кончился, и навстречу живому потоку двинулся алый рассвет. По обе стороны дороги начали попадаться разбитые обозные телеги, зарядные ящики, перевернутые вверх зубастыми разбитыми колесами. Кое-где у обочин дороги в поле

¹⁸ 29 (16) июня полк был отправлен в дивизионный резерв. 30 (17) июня он был двинут из Куты в д. Яблонов, а на следующий день возвратился обратно. 2 июля (19 июня) 3-й батальон переведен в д. Косов ко второму батальону, а 1-й батальон — в д. Устье-Путилла. 5 июля (22 июня) 1-й батальон с двумя орудиями находился в авангарде отряда полковника Чижевского (левая колонна 82-й дивизии) и совершил переход из д. Устье-Путилла — в д. Ферескул. 4-й батальон из Кутты двинулся в Устье-Путилла. 2-й и 3-й находились в резерве у Косова. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 16.

лежали серые пятна солдатских безжизненных тел. Краски этой картины начали постепенно сгущаться.

Здесь, по-видимому, была ликвидирована неудачная австрийская контратака, или просто настигнута и разгромлена какая-либо поздно выбравшаяся на дорогу воинская часть. Слева у дороги над холмиками могил и разнообразными крестами и памятниками виднелись группы развесистых ярко-зеленых деревьев. Чем ближе подходили мы к кладбищу, число трупов увеличивалось. Местами тела лежали группами, зеленые лица убитых возбуждали невольную нервную дрожь.

Далеко впереди, проходя мимо крайнего памятника, людская волна колыхалась, и головы всех поворачивались влево. Вскоре и я поравнялся с тем же зловеще зияющим мрамором и вздрогнул, невольно пораженный ужасной картиной. По обе стороны памятника стояли два рослых солдата, два невольных свирепых врага. Штыки их винтовок вонзились взаимно в широкие груди того и другого. Винтовки опирались на мрамор креста, а потемневшие лица повисли на грудь, как будто были внезапно застигнуты непреодолимым глубоким сном.

Радостный розовый луч восходящего солнца, несущий отраду и жизнь всему миру, невольно, взглянув на эту страшную дикую картину, казалось, померк, негодуя, и скрылся в туманное облако ускользающей ночи.

Мои еще неокрепшие нервы вызвали сильный прилив крови к больной голове, и, чтобы устоять на ногах, я схватился за кибитку двумя руками и, закрыв глаза, пошел, не оглядываясь, мимо страшного кладбища.

В Коломые было совершенно пусто — население ушло или спряталось по лесам¹⁹.

Здесь, о чем я писал уже ранее, судьба снова столкнула меня с Кириллом Раузовым, которого когда-то дома так напугали мы со Степаном Рожковым на Кабановом хуторе.

В Карпаты

Простояв в городе Коломый всего лишь сутки, полк наш по совершенно непонятным для нас причинам двинулся в обратном направлении, потом свернул вправо и, достигнув низовьев реки Черемоша, вступил в его извилистую долину. Влажный, неподвижный, накаленный жгучим солнцем воздух и та же сухая желтая пыль

¹⁹ Автор, вероятно, путает г. Коломыю и г. Куты.

окутывали и провожали измученную пехоту. Через каждые десять-пятнадцать минут я смачивал в реке носовой платок и покрывал им обнаженную голову. Во время привалов народ в изнеможении тут же на берегу реки падал на влажный каменистый берег и лежал неподвижно до новой команды. Быстрые воды реки лениво перекатывались через округленные веками камни, мягким шумом своим создавая подобие монотонной однообразной колыбельной песни. Под эту ласкающую песню в минуты коротких привалов солдаты быстро засыпали крепким покойным сном. Но какую тяжелую тайну скрывали от нас эти мягкие волны? Что ожидало в верховьях реки этот встречный поток человеческих жизней? Сколько физических мук и душевных страданий утаивали от нас ленивые волны таинственной черной реки?

Каменистая дорога извивалась и перебрасывалась с одного берега на другой. К широкой долине с обеих сторон спускались пологие, покрытые лиственным лесом склоны горных отрогов. По склонам этим, извиваясь змейками, бежали к вершинам узкие тропки и обрывались у убогих гуцульских избышек, обнесенных колючими изгородами²⁰. По ярко-зеленым откосам беспечно бродили мохнатые овцы.

Кое-где у дороги неожиданно появлялись сухие, как жерди, старики-гуцулы. Нещадно высушенные жгучим солнцем, горной ходьбой и тяжелым трудом, они снимали с головы широкие соломенные шляпы, кланялись русским солдатам.

— Дедка! А где австрияки? — спросил Сергей Буров одного из гуцулов — седого, как пена реки, старика.

— Ой, далеко убёг, — залепетал старец, указывая соломенной шляпой в голубоватую дымку дрожащего тумана, где еще еле обрисовывались острые хребты далеких лесистых вершин. В это время со стариком поравнялся Мороз.

— Здорово, дед! — рывкнул он над обнаженной головой старика, и так громко и звучно, что последний даже присел и заморгал глазами.

— Ой, яки солдат! — ахнул испуганный гуцул, глядя снизу вверх на бывшего гвардейца-великана. Мороз, польщенный произведенным впечатлением, добродушно захохотал, положив осторожно руку на худое, высохшее плечо старика.

²⁰ Гуцулы — этническая группа украинцев, проживающая в Карпатах. Основное занятие — скотоводство, лесные промыслы, сплавы леса и пчеловодство. Разговаривают на гуцульском диалекте украинского языка.

Мороз при своей ширине и исполинском росте, вероятно, погиб бы в первом же сражении, но внимательный прапорщик Семенов, взвесив это обстоятельство, назначил его санитаром и этим на относительно продолжительное время сохранил ему жизнь.

Чем дальше продвигались мы навстречу бегущей реке, тем выше и круче становились лесистые горы, тем сильнее сжимали они долину реки и извилистое узкое русло.

Шумящие, озлобленные волны здесь с какой-то яростью метались с камня на камень, вздымая воздушную белую пену и осыпая серебристыми брызгами каменистую дорогу и людей, в изнеможении бредущих по ней в неизвестное будущее своей лукавой, обманчивой судьбы. Там, где долина реки внезапно раздвигала угрюмые горы и где-либо сбоку в ее прозрачные бурлящие воды с яростью бросался сквозь скалы, как тигр на добычу, мутный ревущий поток, ютились у подножия гор гуцульские деревянные хаты с широкими навесами, с резными наличниками, с горшками и кувшинами на кольях догнивающей изгороди. Крестьяне здесь в основном занимались отхожим лесным промыслом, и лишь небольшие клочки земли, отвоеванные у гор и реки, использовались под посадку картофеля, свеклы и так далее.

По склонам гор и их оголенным вершинам бродили стада овец, числом доходившие иногда до двух-трех тысяч голов.

Небольшие фруктовые садики размещались у изб, сменяемые на склонах гор буковыми тенистыми рощами. Ближе к вершинам эти прекрасные рощи постепенно редели и исчезали, уступая место диким еловым массивам, которые своим глубоким мраком возбуждали смутное недоверие и неведомый таинственный страх.

При непрерывном движении по горной долине, огражденной от освежающих ветров, по накаленной каменистой дороге и под безжалостно палящими лучами солнца народ изнемог. Более слабые падали на дороге и оставались лежать до подхода обозов. А остальные со своим русским долготерпением всё шли и шли с обожженными солнцем руками и лицами, с помутневшими мыслями и взорами. Наконец, добрались мы до поселка Яблоново, расположенного вблизи от слияния Черного и Белого Черемоша. Здесь измученный полк остановился на короткий отдых, чтобы привести себя в порядок перед выходом на передний край.

Солдаты быстро разместились по избам, и так как в нашем полку преобладающее большинство были украинцами, то они очень быстро нашли общий язык с гуцулами или, вернее, с гуцулками и проводили свой короткий отдых как дома.

Мужчины, способные носить оружие, еще австрийцами были взяты в солдаты, в горных же деревнях и селеньях остались старики, женщины да дети.

Не знаю, чем это объяснить, но у всех оставшихся стариков возрастом до 60 лет и выше были молодые жены, возрастом так от 20 до 30 лет. По-видимому, затянувшаяся война быстро упростила нравы и внесла свои коррективы во взаимоотношения разных полов и возрастов.

По вечерам, когда кончались обычные тактические и строевые занятия, веселые молодые жизнерадостные хохлы собирались группами, и звонкая украинская песня разливалась рекой по широкой долине, по временам заглушая тревожный шум горной суровой реки. И эта дикая река, казалось, сама прислушивалась к новой, незнакомой, но близкой по природе песне, и сама своим бурным ревом вливалась в общую гармонию прекрасных жизнерадостных звуков.

В первый день отдыха я был назначен старшим ротным разведчиком, и сам подобрал себе более крепких и смелых ребят. Большинство из них, как потом оказалось, были смелые, выносливые астраханские рыбаки возрастом от 25 до 30 лет. Среди них был и кроткий обычно, смуглый как негр Сергей Буров, который быстро привык и привязался ко мне, как прежде бесхитростный, простой белорус Михей Привалов.

Во время занятий я уводил свою команду в горы, и там мы осваивали разные приемы горной разведки.

Поселились мы в одной просторной избе, по-видимому, зажиточного гуцула. Пол в ней был деревянный, стены чисто выбелены. В углу на божнице висели искусно вышитые и хорошо выбеленные полотенца.

В избе вначале находился старик-хозяин — крепкий, коренастый, как дуб, да пожилая, приобщенная, вероятно, в некоторой степени к культурному образу жизни женщина — его жена.

Присмотревшись к поведению солдат и увидев в нашем отношении к себе добрые человеческие чувства, старик на заре второго дня ушел в горы и привел оттуда двух своих дочерей: небольшую, лет двенадцати, девочку, не могу припомнить ее имени, и старшую Марийку, лет пятнадцати, смуглую и худенькую, как тростинка, девушку с кротким, вдохновенным, исключительно прекрасным личиком цвета красно-коричневой бронзы. Она совершенно не походила ни лицом, ни поведением на своих горных родителей. В ней чувствовалась какая-то особая культура изящной южной красоты, которую она сама прекрасно сознавала и поневоле была рабыней своей необычной внешности.

Марийка молча уселась у божницы и, развернув пяльцы, с какой-то работой начала усердно вышивать, не удостоив никого из пришлых незваных гостей ни единым взглядом. Ее длинные, блестящие черные ресницы были низко опущены и скрывали собой такие же черные, но глубокие и умные глаза. Ранее мы обычно обедали и ужинали вместе. Много разговаривали, шумели. Буров рассказывал какую-нибудь запутанную, совершенно не смешную историю, ребята вставляли свои такие же малоостроумные замечания, и все почему-то от души хохотали и этим подбадривали добродушного рассказчика. Сам же Сережка Буров во время рассказа никогда не смеялся и даже не улыбался. Сегодня же мои разведчики обедали молча, иногда украдкой поглядывая на Марийку, и снова молча наклонялись над своими котелками.

Эта кроткая молчаливая девочка своим появлением внесла в нашу солдатскую среду некое возвышенное обаяние и пробудила чистые благородные чувства, которые в любых условиях жизни теплятся в глубоких тайниках души буквально каждого человека и сами по себе выходят наружу под влиянием соответствующих окружающих условий. После обеда ребята тихонько вышли из комнаты и расположились на отдых под длинным навесом, устроенным с фасадной стороны дома, напоминающим подобие примитивной веранды. Я же поместился в углу комнаты, перечитывая старые письма, так как новых после боя под Кутами почему-то больше не получал. Да откровенно говоря, и сам никому не писал ввиду непрерывных походов и болезни головы, которая довольно упорно давала себя чувствовать. Несколько раз я поглядывал на Марийку, но ни разу не встретил ее взгляда. Низко наклонившись над пяльцами, она невозмутимо покойно и усердно работала. Меня очень заинтересовало ее рукоделие. Я тихонько подошел и невольно залюбовался сложным тяжелым рисунком и качеством его выполнения. Но сочетание красок, по моему мнению, было не совсем удачно, и я попытался объяснить этот недостаток в ее работе.

Девочка в сильном смущении опустила руки на рисунок вышивки, и ее загорелое смуглое личико неожиданно вспыхнуло, как будто скользнул по нему свет вечерней зари. Потом она подняла в руках все лежащие перед ней разноцветные нитки, и с какой-то жалобой, не то с укором пыталась ответить на мой вопрос на полуцыганском, полуукраинском языке.

В это время в избу вошел старый гуцул, он укоризненно и строго посмотрел на Марийку, на меня, и я снова возвратился на свое место, а Марийка облегченно вздохнула и принялась за работу.

Из-под навеса в открытое окно заглянул Буров и окликнул:

— Старший, чайку хочешь?

Я взял котелок, достал сахар, белый хлеб, печенье и предложил хозяевам выпить по чашке со мной за компанию. Старик охотно согласился, а Марийка поспешно встала и вышла из избы. Я расспрашивал старика о его работе, о жизни в горах, где ему приходилось бывать. Старый гуцул бесхитростно и вдумчиво отвечал на мои вопросы, жаловался на панов, лесопромышленников, которые безжалостно грабили и обижали темный карпатский народ. Двух старших сыновей взял у него в солдаты, и теперь они живы ли, один бог только знает. Я в свою очередь рассказал ему о всем, что знал в свои 17 лет, где учился, как жил и как попал на войну. Старику, видно, понравилась моя искренняя и чистосердечная беседа с ним. Лицо его стало строгим и грустным.

— Эх, хлопче, хлопче, много еще горя у тебя на пути, вот и мои сынки, дай бог вам вернуться домой.

Мы оба умолкли и, по-видимому, погрузились в одни и те же печальные мысли о будущем.

Но образ нежной и кроткой красавицы Марийки не покидал меня, мои мысли снова возвращались к ней. Мне страшно хотелось поговорить с гуцулом о его семье, о детях, и я как-то совсем неожиданно для себя задал ему вопрос:

— Дядя Мыкола, скажи, пожалуйста, почему твоя дочка Марийка совсем не похожа ни на кого из твоей семьи ни лицом, ни характером; и в поведении своем она точно княгиня какая, даже солдаты мои почему-то боятся ее и говорить громко перестали?

При этих словах я взглянул на старика; выражение лица его совершенно изменилось; в нем появились черты какой-то озлобленности и досады, нижняя челюсть вздрагивала, как будто он хотел что-то сказать и не находил слов.

Потом старый Мыкола резко встал из-за стола, стукнул несколько раз своим костью об пол и вышел из избы, забыв даже поблагодарить за компанию. Какие странные воспоминания и переживания вызвал мой вопрос у старого гуцула? Почему лицо его вспыхнуло злобой, и какая затаенная горечь выразилась в его глубоких морщинах? Всё это так и осталось неразгаданным мной до настоящих дней.

К Марийке старик относился строго и сурово, и она отвечала ему тем же. Младшая сестра как-то чуждалась ее. Одна только мать, простая, иссушенная трудом и солнцем крестьянка, своей незаметной для других материнской нежностью пробуждала теплые чувства у этой юной

и гордой красавицы. И когда на лице ее появлялась редкая и скудная улыбка, от нее невозможно было оторвать очарованного ею взгляда.

Несмотря на зоркий глаз старика, я всё чаще и чаще обращался к Марийке с разными вопросами и сам рассказывал ей в коротких фразах о своем детстве, о наших русских лесах и равнинах, о реках и озерах, в тихую ночь отражающих в своей зеркальной глади глубокое синее небо и яркие звезды. Рассказывал, как и чему я учился. А за стеной под высоким обрывом, не умолкая, шумел меж камней Черемош. Марийка быстро привыкла к объяснениям с нею и хотя не всегда понимала их, но бескорыстная искренность моих обращений бессознательно побеждала ее природную гордость.

Как-то раз она извлекла из кованного железом сундука свои рукоделия, разложила на столе и внимательно прислушивалась к моей положительной критике. Работы по качеству выполнения были действительно чудесные, трудно было даже представить, что в такой заброшенной глуши можно было обнаружить что-либо подобное.

— Марийка! Когда кончится война и я буду возвращаться домой, ты вышьешь мне на память такую сорочку, — девочка едва заметно улыбнулась и легким наклоном головы изъявила свое согласие.

И так у нас завязалась с ней, как мне казалось, теплая нежная дружба. О каких-либо других отношениях между 17-летним юношей, воспитанным под материнским крылом, и полудикой горной девочкой не могло появиться даже и в мыслях.

Целыми днями занимался я в горах со своими ребятами, а в обед и вечером, усталый непривычной ходьбой по горам, отдыхал на берегу Черемоша, прислушивался к его убаюкивающему шуму и, закрыв глаза, уплывал куда-то в красивых мечтах и надеждах. В один из последних дней нашего отдыха меня вызвали в штаб полка, там мне вручили первый серебряный крестик²¹ за бой под Кутами, и я с детской гордостью повесил его у себя на груди. После церемонии награждения меня поздравил старший писарь штаба полка, вручил первое за долгий промежуток времени письмо матери и Веры и сообщил, что несколько дней тому назад в штабе были получены три телеграммы от матери с запросом, жив ли я и где нахожусь, и что на третью из них начальник штаба ответил о моем здравии.

²¹ Речь идет о Георгиевском кресте — самая желаемая награда для военнослужащих в годы Первой мировой войны, несмотря на массовые награждения ею.

И вот из этого облитого слезами письма я узнал и тяжкое горе, и внезапную радость, постигшие бедную старушку в результате моей контузии и последующего долгого молчания. А произошло это так естественно и просто: Михей, всё время следовавший за мной во время боя под Кутами, видел, как после взрыва фугаса я свалился замертво на землю. Продолжая отступать, он сам был тяжело ранен в плечо.

Выполняя товарищеский долг, он из госпиталя сообщил моей матери о моей гибели, конечно, со всеми подробностями, не допускающими никаких излишних сомнений.

И так бедная мать потеряла последнего сына. В нашем старом соборе, где я пел в детстве, тот же невзлюбивший меня священник [Гуляницкий], простив мне все мои детские старые проказы, прослезился и пропел в последний раз «Упокой, господи, душу новопреставленного воина Евгения».

Школьные товарищи проводили домой измученную, полуживую от горя и слез одинокую старушку. И на этом оборвалась моя гражданская жизнь, но не навсегда.

Через полтора месяца я послал первое письмо Вере, и вот с этим-то письмом она прибежала к моей матери. Возник ряд тревожных и радостных сомнений, результатом которых и были три телеграммы, полученные в штабе.

И так солдат снова воскрес!

Когда я возвращался домой, по долине разгуливал свежий порывистый ветер. Рваные клочья седых облаков, как гигантские птицы, быстро неслись над горами, цепляясь лохматыми белыми крыльями за их темно-зеленые склоны, то иногда застилали их вовсе, то низвергались в долину до пенистых волн Черемоша.

Дома Марийка сидела у окна и грустно следила, как первые струйки дождя, извиваясь, скользили по маленьким стеклам. Ее мать стряпала у печи картофельные лепешки и посыпала их резаным зеленым луком. В избе никого больше не было. От тяжелых впечатлений, поведенных материнским письмом, нервы мои были сильно возбуждены, и я не мог не поделиться в эту минуту с кем бы то ни было своими переживаниями. Мать Марийки как мать понимала меня и слушала внимательно, горестно качая головой, иногда она разъясняла дочери смысл моих слов.

Марийка также слушала, стараясь понять мою печальную повесть. Ее глаза, грустные, но светлые как солнце, в первый раз были полно-

стью открыты. Их непроглядная тьма светилась и излучала тихую, глубокую грусть. Я прожил уже немалую и не лишённую многих красивых встреч жизнь, но глаз таких больше не видел — и думаю, что таких больше нет на грешной земле.

Во время рассказа девочка, вероятно, вспомнила о своих братьях, и когда на ее длинных черных ресницах заблестели росинки невольных и искренних слез, она быстро отвернулась и опустила голову на подоконник окна, по стеклам которого по-прежнему сбегали неровными струйками холодные капли дождя.

Но слезы обычно рождают и новые, более сильные чувства. Чем бы всё кончилось, трудно сказать теперь. Я смотрел на Марийку и представлял себе ее одетой в воздушное белое платье и лицо ее в облаке нежных акаций — смуглое, строгое, гордое.

Я перебирал в своей памяти лица известных мне девушек и тех, которых когда-либо видел, но все они меркли перед этой полудикой горной красавицей.

Говорить мне с Марийкой уже больше ни разу не пришлось, но теперь она больше не прятала глаз своих под густыми ресницами. По ним я прочесть мог все ее мысли и чувства.

На следующий день наш отдых кончился, и нам предстояло занять передовые позиции в лесистых горах. С вечера простились мы со своими хозяевами и, чтобы на рассвете никого не беспокоить, пораньше расположились спать под навесом. Ночь в долине реки была влажная, теплая. Не раздеваясь, покрывшись шинелью, я прилег, положив голову на жесткую хозяйскую подушку. Завтрашний день готовил нам новые заботы и испытания, и я долго не мог уснуть.

Марийка почти неподвижно сидела у дома под яблонькой, низко склоняясь и опустив до земли свои черные косы. Дневная усталость ослабила мысли, и я незаметно уснул.

Едва забрезжил рассвет, поселок ожил, на дороге уже дымились ротные кухни, и кашевары с черпаками в руках терпеливо поджидали солдат. Когда я, протирая глаза, приподнялся со своего деревянного ложа, что-то скользнуло с груди моей на пол. Это была закругленная металлическая пластинка. На одной из сторон ее находилось резное изображение мадонны с играющим младенцем на руках. Я положил ее в боковой карман гимнастерки, разбудил ребят, и мы, собрав на скорую свое хозяйство, тихонько вышли на увлажненную ночной росой дорогу. Там уже начинали собираться, громыхая котелками, заспанные солдаты нашего полка.

Кто положил мне ночью на грудь этот маленький простой образок, я не знаю — мать ли Марийки или сама Марийка. Никогда я так и не узнал об этом. В одной из тяжелых разведок боем, падая со скалы, я где-то потерял образок. С Марийкой судьба столкнула меня еще единственный раз — ровно почти через год, и та минутная горькая встреча на долгие годы возмутила мое в то время совсем еще детское сердце.

Еще до восхода солнца, растянувшись цепочкой, с боевым охранением впереди полк потянулся по узкой дороге к новым позициям. Кавалерийские разъезды²² уже остались позади, других же наших войск впереди больше не было.

В расстоянии полуденного пути от поселка, где мы отдыхали, из-за крутого поворота дороги перед нами внезапно широко развернулась высокая горная цепь, прорванная в своей средней части могучим шумящим потоком. Это была так называемая высота 1077, которую, пожалуй, не забыть до конца дней своим многим не раз побывавшим на ней русским солдатам²³.

Под прикрытием тенистых садов, окаймлявших дорогу, я получил задание разведать возможность прохода сквозь узкое ущелье вдоль речушки с выходом в тыл за эту горную цепь.

Развернувшись редкой и длинной цепочкой, скрываясь за деревьями и скалами, мы тихонько двинулись вперед. Двое солдат спустились к реке и шли вдоль обрывистых ее берегов. Я же с одним из ребят пошел по дороге, чтобы не терять из виду остальных и в случае надобности прикрыть их огнем. Так мы прошли около километра и оказались шагах в ста от ущелья. Я остановился и слегка свистнул в кулак, чтобы остановить и ориентировать разведчиков. Но вместо ответных трелей внезапно где-то совсем близко прозвучал сначала один выстрел, потом второй, третий, и долина реки загремела. Пули, вздымая клубочки пыли, скользили по каменистой дороге. Я припал к земле и, лежа неподвижно, следил за дорогой. Мой попутчик, согнувшись вдруг и прикрываясь лопаткой, бросился к обрыву реки, но что-то звякнуло

²² Совместно с 326-м полком в это время действовали 3-й и 4-й эскадроны Текинского полка.

²³ Отметим, что еще 7 июля (24 июня) 4-я рота была выставлена в охранение в районе д. Усцерыки. 9 июля (26 июня) 4-й батальон в составе трех рот совершил переход из д. Устье-Путилла в д. Яблоницу для смены авангардного 1-го батальона. РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 16.

резко и коротко, лопатка повисла, и первая жертва осталась неподвижно лежать на дороге. Дальнейшее движение было бессмысленно; я дал сигнал отходить. Попытки захватить с собой убитого привели к еще одной жертве. Из-за обрыва реки мы открыли ответный огонь, и один за другим отошли в безопасное место.

Когда разведка возвратилась обратно, нашему батальону был дан приказ занять небольшие высоты вправо от реки. Перед нами внизу журчал резвый ручеек, за ним в яркой зелени садов и буков виднелись гуцульские хаты, а далее мрачной темно-зеленой стеной, врезаясь зубчатыми елями в небо, стояла зловеще покойная высота 1077.

Батальон окопался на этих голых пологих высотах, и темная, душная ночь опустилась безмолвно на горы, на лес, на бурные воды реки.

Раннее утро принесло нам новую тревогу: наблюдая в бинокль, наш фельдфебель заметил движение серых мундиров у подножия высоты 1077²⁴.

Сквозь кусты и деревья было видно, как солдаты противника густыми рядами двигались вдоль подошвы высот, пытаясь одним крылом завернуть нам во фланг. Наш батальон открыл ружейный огонь, но расстояние до противника было больше километра, и стрельба эта не давала никакого эффекта. Огонь умолк. Что будет дальше?

Австрийцы по ракетному сигналу встали на ноги и густыми ровными цепями двинулись на наши окопы. С разных сторон вдруг затрещали ритмично их пулеметы, пули перекрестным огнем визжали и пели у нас над головами.

Но наши окопы застыли в глубоком молчании. Подполковник Распопов, наш батальонный командир, был опытный, выдержанный воин. Он дал строжайший приказ до сигнала не допускать ни единого выстрела. Австрийцы приближались к исходным рубежам для атаки, на ходу

²⁴ Вероятно, речь идет о бое 10 июля (27 июня), когда противник развернул 18 эскадронов пехоты (безлошадной кавалерии), которые при поддержке нескольких эскадронов кавалерии и шести орудийных батарей начали наступление в обход правого фланга и тыл авангарда со стороны высот 1150, 1018, 1077. 4-й батальон перешел в контрнаступление, а 1-я батарея капитана Бибикова открыла из д. Конятовен огонь. В результате противник был отброшен. Зато на левом фланге наш 1-й батальон (около д. Гриняв) попал в тяжелое положение. 1-я рота прапорщика Павлова благополучно пробилась через четыре цепи противника, а остальные части при отступлении сбились с пути и на следующий день были обнаружены в д. Усть-Путилла. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 17–18.

стреляли бог весть куда и, по-видимому, были в полном недоумении от нашего психологического молчания.

По цепи прокатился короткий приказ: мешки и скатки снять, быть готовым к контратаке, по сигналу ракеты произвести залп — и вперед. Легкая дрожь пробежала по мышцам, но в сознании были покой и уверенность.

Но вот пулеметы противника умолкли, внизу перед нами раздались недружные, невнятные крики — австрийцы пошли тремя густыми цепями в атаку, расстояние начало быстро сокращаться. И вдруг на левом фланге у дороги взвилась навстречу противнику наша ракета.

По фронту прокатился дружный залп. Мощное «Ура!» всколыхнуло воздух. И не успела еще живая людская стена подняться из наших окопов, как австрийские вояки без оглядки бросились обратно и рассыпались внизу по садам и оврагам. Атака сорвалась и больше не повторялась, несмотря на то что у противника раза в три было больше солдат.

Пленные гуцулы

Ни одному из наших батальонов за последние дни не удалось захватить ни одного пленного, чтобы выяснить, какие части и в каком количестве находятся перед нами. И вот на следующее утро, вернее на рассвете, я решил попробовать счастья.

Еще в долине над рекой держался густой пронизывающий туман. Гуцульские петухи, забившись в сараи, не подавали признаков жизни. Окутанные предрассветным мраком горы, молчаливые, мрачные, черной стеной упирались в серое облачное небо и собою преграждали путь рассвету.

Командой в 12 человек покинули мы тихонько окопы и в глубоком молчании направились в сторону гор.

Сырой влажный воздух да монотонный мягкий шум ручья в глубине оврага полностью поглощал все звуки нашего движения. Перешли через ручей, углубились в буковую рощу и на опушке ее сквозь густую чащу листвы обнаружили в тенистом фруктовом саду небольшой гуцульский хуторок.

Разместившись полукругом, по-пластунски поползли мы к хутору. Меня беспокоил вопрос, нет ли на хуторе собак. Но всё пока шло благополучно. Достигнув сада, группа залегла и затаилась. Астраханец рыбак Лобачев пополз со мною к крыльцу дома. Здесь нас окружала полная тишина — ни один лист на дереве не шевелился. Казалось, в этот момент весь мир затаился, и злые невидимые силы витают сзади над

головой и ждут удобного момента, чтобы вцепиться страшными когтями в спину. Кто его знает, что могло ожидать нас здесь после вчерашней атаки. Но риск — благородное дело.

По моему знаку Лобачев бесшумно подполз к крыльцу, поднялся на него и нерешительно постучал в дверь. На этот звук ответило слабое эхо, и снова всё замерло. Неужели пусто? Лобачев еще постучал трижды, и снова всё замерло. Но через несколько секунд чуткое ухо смогло уловить легкий внутренний шорох, потом дверь с треском распахнулась. Лобачев за дверью замер, и на пороге показалась сонная морда солдата, но уже одетого по форме, с подсумком на поясе. Он в недоумении огляделся вокруг, и в тот момент, когда его взгляд встретился со мною, Лобачев сильным ударом кулака по шее сбил его с ног, и парень свалился с крыльца прямо мне на руки. Прижав его коленом к земле, я сделал ему знак о молчании. Он поднял руки вверх и на его искаженном от страха лице появились обильные слезы и пот. Через несколько секунд из избы вышел второй, и увидев штык Лобачева, задрожал и поднял руки. Я усадил его на землю рядом с первым, а Лобачев вскочил в избу, откуда сразу донесся женский вой и визг.

— Больше нет, — сказал храбрый разведчик, вынося из хаты две винтовки.

Обоих пленных солдат мы отвели в лес и там узнали, что они оба русины. Один из них бывал ранее в Киеве, где и по сие время живут его родственники. Вражда тут же сразу была забыта. Их угостили папиросами и продолжали беседовать уже совсем по-приятельски. Обрадованные счастливым для них исходом войны, черномазые парни бросили в сторону свои подсумки, повесили шинели на руку и сопровождаемые одним из наших солдат, как выразился один из них, «пошли до Киева».

Этим мы не удовлетворились и решили подобным же методом обследовать еще один домик. Но на этот раз дело приняло другой оборот, и я, благодаря своей излишней уверенности и неосторожности, чуть не поплатился жизнью.

Когда мы тихонько окружили избу, и я с винтовкой, висящей на ремне, направился к двери, последняя сама широко распахнулась. На пороге появился огромного роста мадьяр, который, увидев меня, мгновенно вскинул винтовку и направил ее прямо мне в грудь. В этот же момент прозвучал какой-то странный двойной выстрел, пуля оглушительно взвизгнула у меня в ушах, а мадьяр, уронив дымящуюся винтовку, грохнулся на пол крыльца и скатился на землю по его ступенькам. Его убил идущий за мной Моисеев.

Операция не удалась, нужно было уходить восвояси. Секреты противника, услышав выстрелы, открыли огонь, к ним присоединились другие. Зарокотал пулемет. Покой был нарушен. Долина просыпалась. Грохот стрельбы прокатился по фронту. Отлежавшись в овраге, мы возвратились в окопы. Но невидимые свинцовые пчелы еще долго с характерным шипеньем бороздили во всех направлениях утренний влажный туман. Подобные, но более удачные операции впоследствии мы проводили еще несколько раз.

На высоте 1077

Мрачной безмолвной стеной стояла перед нашим полком высота 1077. Сплошной еловый лес покрывал ее от подножия до вершины, скрывая тайну ее неведомой жизни. Она преграждала нам путь к Черным горам — к перевалу Карпат и далее к Венгерской долине.

За последние дни подтянулась артиллерия, обозы и кое-какие скудные резервы. Дальше стоять на одном месте было бессмысленно: война эффективна в движении, нужен маневр, необходим обман, ложные удары, обходы и т. п. В общем, необходимо непрерывно путать врагу карты и всячески сбивать его с толку. В один из этих дней я получил приказ от командира батальона произвести глубокую разведку боем высоты 1077.

Легко отдать приказ, легко бросить небольшую горсть людей почти на верную смерть, но не так легко и просто выполнить задание и сохранить людям жизнь.

Идти тем же путем, каким мы обычно ходили вылавливать молодых донжуанов, сейчас было бессмысленно, так как здесь мы уже немало насолили своим соседям и в любую минуту могли попасть в ловушку и не выполнить приказа.

Сейчас мне легко писать эти воспоминания в тихой теплой комнате у лениво пылающих и потрескивающих дров. Но в тот момент от всевозможных соображений, планов и догадок трещала моя голова. Я усердно изучал карту, ползал один то с одного, то с другого фланга по ручейкам и оврагам, выбирая исходный пункт для предстоящей разведки.

И вот, наконец, взвесив все обстоятельства со своими ребятами и ознакомив их с моими соображениями, мы еще ночью оставили окопы с правого фланга, где сплошной лес сливался с подножием высоты 1077, и почти непроходимыми дебрями двинулись в тяжелый, мучительный путь.

Из опыта я уже знал, что ни австрийцы, ни немцы не любят лесов и всегда укрепляются на чистых местах. В ночном же мраке ни местные

жители, ни австрийские дозоры не могли заметить нашего перехода в лес, и поэтому момент начала разведки остался тайной для своих и чужих. К рассвету моя группа беспрепятственно добралась до подножия высоты. С этого места начинался самый тяжелый как с физической, так и с духовной точки зрения путь.

Вековые мохнатые ели, местами уже мертвые, истлевшие, обломки скал, обросшие скользким мхом, потоки горного щебня лежали на нашем пути. Каждый неловкий, неосторожный шаг мог выдать наше присутствие.

Двигаться просто в сапогах было невозможно, — пришлось одеть на ноги музлаки (подошвы с железными шипами).

Подъем с незначительными перерывами продолжался около пяти-шести часов, и наконец, сквозь дикий сырой мрак непроходимой чащи кое-где промелькнул слабый просвет. Подниматься по крутому откосу часто приходилось, цепляясь руками и ногами за корни деревьев, за ветви, за выступы скал. Невыносимая усталость сковывала силы. Здесь, растянувшись в цепочку, мы перевели дух и, отдыхая, прислушивались, всматриваясь, но никаких живых звуков пока не слышали.

Поднимаясь с величайшей осторожностью дальше, обнаружили, что вершина горы совершенно голая — безлесная, покрыта высокими сочными травами. И, как ни странно, земля здесь была влажная и мягкая.

Осторожно приподняв голову из травы, я заметил слева, шагах в двухста, легкий дымок. Приподнялся еще немного и увидел то, что до некоторой степени являлось целью нашей сегодняшней жизни.

Над огнем на козлах висело несколько больших черных котлов; пар приятно клубился над ними. И вот сейчас я только почувствовал, что сильно голоден, но с собой не захватил даже ни одного сухаря. У котлов суетились с черпаками повара, а поодаль длинной цепочкой с котелками в руках в ожидании раздачи обеда стояли солдаты.

Мы тихонько собрались в одну кучу для принятия дальнейшего решения.

— Дадим им жару перед обедом, что ли? — прошептал я, а руки чесались, и есть хотелось до тошноты. Лобачев загадочно покачал головой, сухо усмехнулся и заложил капсюль в гранату. В густой высокой траве по опушке леса бесшумной змейкой поползли мы ближе к котлам. Сил своих в этот страшный решительный миг мы, конечно, не взвесили и этим совершили непоправимую ошибку.

— Ну что ж, боем так боем, — уже равнодушно и решительно твердил я в своем воображении. И так, между котлами и моей маленькой экспедицией оставалось не более 50 шагов.

Ребята у меня все были смелые, крепкие и голосистые. Бывало на отдыхе, по пути с занятий мимо штаба рванут такую песню, что по силе и звучанию она не уступала целой роте. И вот здесь, в самом неприятельском гнезде в минуты обеденного блаженства с злобным шипением завертелись в воздухе и полетели гранаты. Дикий озверелый крик «Ура!» оглушил вершину горы. Некоторые котлы уже кувыркались по откосу. Густой пар от залитых супом костров клубами взвивался к небу. Звон котелков, топот сотен ног, крики, стон смешались с взрывами гранат, с ружейной трескотней и почти безумным криком «Ура!». Голая вершина высоты 1077 превратилась в настоящий ад. Когда мы ворвались на самую вершину горы, кроме раненых и трупов, да шипящих и дымящихся костров никого уже там не было.

На этом разведку нужно было закончить и тем же путем возвращаться обратно. Но мы, увлеченные таким неожиданным успехом, забыли обо всем на свете. Растянувшись в редкую цепочку вдоль вершины, открыли беглый огонь по противоположному склону горы, который был так же покрыт густым дремучим лесом. Чувствуя себя хозяевами положения, голодные разведчики набросились на один из уцелевших котлов и с жадностью навалились на вареную баранину.

Предполагая не уходить с занятых позиций до подхода наших войск, я послал одного из разведчиков прямым путем доложить начальству о нашем успехе, с просьбой немедленно прислать подкрепление. Солдат быстро скрылся в дремучей чаще, но через несколько минут в направлении его движения раздалось несколько выстрелов, и всё стихло. Причина выстрелов ясна была всем. И вот в этот только момент мы сразу отрезвели от хмельного угара победы. Мой связной был, конечно, убит боевым охранением противника. Мы бросились в обратный путь, но в расстоянии не более двухсот шагов обнаружили ползущую цепь серых немецких шинелей.

И вот в положении запертых внезапно в клетке зверей мы уже не имели возможности обдумывать наш отход и, к великому огорчению, потеряли наше обычное самообладание. Кто-то бросился прямо вниз по откосу горы, а за ним, не отдавая себе отчета, и все остальные. Как дикие звери, неслись мы по склону. Шинель я бросил сам, а через минуту потерял и фуражку. Сзади зазвучали сначала одиночные

выстрелы, потом к ним присоединился характерный замедленный треск австрийского пулемета.

Стреляли они уже вслепую, так как в такой непроходимой тайге за десять метров уже ничего не видно, и этот огонь не причинил нам никакого вреда. Так бы мы, пожалуй, через полчаса были бы у подножия высоты, но на пути нашем в районе постов неприятеля оказались густые, непроходимые, перепутанные колючей проволокой завалы.

Здесь нас встретил беспорядочный ружейный огонь; откуда он исходил, я так и не смог обнаружить. Ребята исчезли в завалах, туда же бросился и я. Мысль о плене в то время для меня была хуже смерти. Да и вряд ли после такой дерзости нас бы оставили в живых.

На высоте полугоры, когда преследование и обстрел прекратился, я овладел собою и задержал на минуту уцелевших ребят. Вид у нас был жуткий и жалкий: от моей гимнастерки остались жалкие лохмотья, всё тело было изодрано о сучья и колючую проволоку. Рваные раны сильно болели. Собрались в конце концов всего семь человек, вид у них был не лучше моего. Да кроме всего остального, двое были без винтовок, которых не смогли протащить сквозь завалы. Несмотря на печальный, как нам казалось, финал разведки, а другого, откровенно говоря, и ожидать не приходилось; мы всё же обеспечили предстоящее наступление всеми необходимыми сведениями и были представлены к награждению крестами и медалями святого Георгия²⁵.

Взятие высоты 1077

Через день после нашей разведки подполковник Распопов повел четвертый батальон на высоту 1077²⁶. Это была не обычная атака с предварительной артиллерийской подготовкой и лобовым ударом,

²⁵ Скорее всего, здесь описан бой 14 (1) июля. Около 7 часов противник открыл огонь, а примерно в 10 часов правофланговая застава из взвода 16-й роты, находившаяся на высоте 1077, оказалась обойдена справа. Туда были двинуты другой взвод 16-й роты и взвод команды разведчиков. Для парирования обхода правого фланга выдвинулись 6-я, 8-я и 16-я роты. В это время обозначилось наступление двух вражеских батальонов пехоты с высоты 132 и 1109 по потоку Пентечному в обход высоты 1077. В итоге заставы на высоте 1077 оказались отрезаны и пробивались штыками. Огонь нашей артиллерии остановил дальнейшее продвижение противника. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 19 — 19 об.

²⁶ В действительности наступление началось 17 (4) июля. Оно было отложено на несколько дней из-за плохой погоды. Непосредственно на высоту 1077

с большим громом и большой кровью. Распопов повторил наш простой маневр, только в гораздо бóльших масштабах. В старых окопах остался небольшой заслон для проявления признаков жизни. На левом фланге у реки утром будущего дня должна была произойти перестрелка с постами противника.

Ночью же батальон в глубоком молчании двинулся вправо и лесными зарослями достиг подножия высоты. В это время на рассвете на левом фланге отделение одной из рот приблизилось к ущелью и завязало перестрелку с передовыми постами австрийских войск. Теперь мы чувствовали себя в составе целого батальона гораздо смелее и, отыскав на склоне горы русло весеннего ручья, повели по нему батальон на высоту. Противник, отвлеченный перестрелкой на левом фланге, открыл даже там по невидимым врагам артиллерийский огонь и совершенно забыл свой правый фланг.

К полудню батальон приблизился к обнаженной вершине высоты, но значительно левее того места, где побывала день тому назад разведка. Это дало возможность сгруппировать батальон в боевой порядок, совершенно не обнаружив себя противнику.

Распопов снял фуражку, перекрестился; то же повторили в глубоком молчании и все солдаты. После этого шестнадцатью цепями, по взводу батальон ползком занял исходный рубеж. В первой короткой цепи была команда разведки.

Уверенность и самообладание нашего командира оказывали всегда на солдат настолько благоприятное действие, что и в настоящий момент по движению его руки люди совершенно спокойно встали и с винтовками наперевес двинулись молча вдоль узкой, безлесной вершины горы.

Я оглянулся назад, и меня поразило это покойное и уверенное движение шестнадцати живых цепей, точно это происходило на учебных занятиях или в Орле на параде.

По сигналу цепи снова залегли, а разведка поползла опушкой леса по своему старому знакомому пути.

двигалась центральная колонная подполковника Распопова в составе четырех рот 4-го батальона и одной роты 1-го батальона. Слева была колонна капитана Пантилина из двух рот 2-го батальона (5-й и 7-й) и одной роты 1-го батальона. Справа наступала колонна поручика Тимофеева (6-я и 8-я роты). Отдельно двигался 3-й батальон подполковника Серебрякова на урочище Магура с целью содействовать продвижению 325-го полка. РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 20.

И вот на том же месте снова слегка дымились костры, над ними в котлах варился обед. Рядом находился беспечный повар и помешивал черпаком в котлах.

Момент настал.

Штыки склонились вперед.

Дружное оглушительное «Ура!», как внезапный раскат грома на покойном небе, огласил дремавшую вершину, и эхо покатилося по соседним горам. От топота двух тысяч бегущих ног глухо гудела земля.

Густо заговорил пулемет, беспорядочно загремели винтовочные выстрелы и быстро снова утихли. Не прошло и двух минут, как вся вершина уже была заполнена атакующими. Защитники высоты бросились врассыпную по лесистым склонам и, провожаемые дружным огнем, пытались вброд перебраться через бурные воды Черемоша²⁷.

Преследовать их нашими небольшими силами было бессмысленно, да и к тому же последующий маневр давал возможность отрезать их отступление вместе с обозами²⁸. Мы потеряли в этой операции всего лишь несколько человек, да и то от последующего артиллерийского огня противника, которым он прикрывал бегство своих храбрых вояк.

Готовый обед был быстро уничтожен проголодавшимися солдатами. А мои разведчики, любившие, как говорят, «пошуровать всюду», нашли в избушке, где жил командир неприятельской части, брошенную мною во время злополучной разведки шинель. Один погон ее был распорот, так как под нашитым чистым сукном его был старый трафарет 203-го запасного батальона.

После взятия высоты 1077 наш батальон повернулся фронтом в обратную сторону и двинулся вдоль гребня этой высоты, которая в расстоянии нескольких километров вливалась в подножие одного из наиболее высоких хребтов Карпат — высоты Плайка. Она гордо возвышалась над всеми остальными хребтами и своей вершиной почти упиралась в облака. Серовато-розовый цвет склонов свидетельствовал об отсутствии хвойных лесов.

²⁷ Высота была взята 18 (5) июля только после того, как обозначился успех правой колонны поручика Тимофеева.

²⁸ В действительности 19–21 (6–8) июля наши войска продвигались вперед. А 22 (9) июля разведчики вышли к р. Черный Черемош у д. Шибени (правда, на следующий день оставили ее из-за невыгодного положения). Авангард занял позицию на линии д. Яворник — гора Людова (1466). См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 22–23.

У подножия Плайки батальон круто повернул на юг, и через полчаса где-то далеко внизу перед нами открылась узкая, зажатая горами долина Черного Черемоша. На дороге, извивающейся рядом с серой полоской реки, как муравьи, копошились люди, ползли обозы, зарядные ящики, кухни. Никаких звуков до нас не долетало, но видно было, как вся эта масса торопилась, перемещалась. Один обгонял других, но благодаря значительному расстоянию до них общего движения вперед почти не ощущалось. Конечно, трудно было устоять перед такой отрадной картиной бегства противника, и Распопов решил попробовать счастья — отрезать отступление австрийских войск.

Шестнадцатая рота четырьмя цепями ринулась вниз по голому крутому склону, но примерно в средней части ее высоты разыгралось совершенно неожиданное ужасное событие.

Внезапно где-то в складках противоположащих гор раздались звуки, подобные отдаленному грому, и через мгновение над несчастной ротой прокатился огненный шквал — белые дымки шрапнельных разрывов бешено прыгали в воздухе. Черные столбы земли и дыма от частых разрывов фугасов отделили нас от наших товарищей.

Через десять-пятнадцать минут, когда огонь прекратился и горный ветер рассеял завесу из пыли и дыма, висевшую над склоном горы, перед нами открылась ужасная картина смерти: серый откос был усеян неподвижными трупами, и ни одного живого звука не доносилось отсюда.

У многих солдат и офицеров на глазах заблестели слезы. Вокруг воцарилось гробовое молчание. Все сняли фуражки, осенили себя крестом и долго стояли с непокрытыми головами.

В дальнейшем выяснилось через пленных немцев, что Германия, убедившись в полном бессилии своих союзников и боясь стратегического отхода ее южного фланга, спешно сняла с осады Вердена свою так называемую Стальную дивизию и бросила ее в Карпаты, в направлении нашего движения. Вот здесь и произошла первая, неудачная для нас встреча с этой дивизией. Но в дальнейшем мы не раз отплатили ей тем же²⁹.

²⁹ Весьма интересно, что о столкновении своей «железной» дивизии (4-я стрелковая) с немецкой «стальной» дивизией в мемуарах писал А. И. Деникин (см.: *Деникин А. И. Путь русского офицера*. М., 2013. С. 274). Этот случай приводит и эмигрантский военный историк А. А. Керсновский, называя «стальной» 20-ю германскую Брауншвейгскую дивизию (*Керсновский А. А. История русской армии*. М., 1994. Т. 4. С. 58–59). Вместе с тем в августе

С особой осторожностью были отведены в укрытие за холмами остальные роты батальона, где и застала их холодная дождливая ночь.

С этого момента потекли у нас долгие дни тяжелых испытаний, холода, голода и невероятных трудностей горной суровой жизни. Началось с непрерывных холодных морозящих дождей и туманов. Дождь в течение двух недель не прекращался ни днем, ни ночью. Температура падала по ночам до нуля и ниже. Раскладывать костры запрещалось. Вечно мокрая одежда кисла и гнила на людях.

Спали прямо на земле и, чтобы не замерзнуть ночью, плотно жались друг к другу. Но, как ни странно, никто не заболел. Запас сухарей быстро иссяк и начался настоящий голод. Батальон ушел глубоко в горы, куда никакая кухня и никакой обоз не мог добраться. Доставка же продовольствия на выюках по халатности командования не была организована.

В течение двух почти недель не было ни куска хлеба, ни капли соли. Единственным спасением для солдат были брошенные в горах стада овец, достигающие численностью до нескольких тысяч. Пытались кушать мясо сырым, но этот метод питания без соли и хлеба вызывал страшное отвращение. Потом в конце концов додумались уносить бараньи туши в густую лесную чащу и там обжаривали их на вертеле до пригорания наружного слоя, что в некоторой степени смягчало отсутствие соли.

Путем всевозможных маневров и обходов наши части наконец вышли к верховью Черного Черемоша и вступили в пределы Черных гор. Здесь мы встретили идущий на отдых второй полк нашей дивизии и 300 человек пленных солдат. Шел непрерывный холодный дождь. Облака пронизывающего тяжелого тумана ползли по вершинам гор и, как огромные прозрачные медузы, поглощали отдельные группы вечно

1916 г. эта дивизия вела бои на р. Стоход и никак не могла оказаться в районе Белгорайского полка. Отметим, что в настоящее время в околоисторической литературе ходит «миф» о разгроме российской кавказской «дикой» дивизией некоей германской «железной» дивизии (см.: *Пыхалов И.* Липовый подвиг «Дикой дивизии» // АПН. 2008. 30 июля. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article20467.htm>). Вполне возможно, что во всех этих случаях, включая данные воспоминания, мы имеем дело с очередным «фронтowym мифом». Непосредственно в Карпатах против 326-го полка из германских частей бои вел 23-й пехотный полк. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 28.)

мокрых, истерзанных холодом и голодом, полуживых в человеческом образе тварей. Здесь мысль о смерти была более близкой и отрадной, чем горькая действительность жизни.

Небольшой родничок — исток Черного Черемоша — затерялся в заболоченных зарослях у самых вершин Черных гор, голых, неприветливых, безжизненных. Полк растянулся бесконечно длинной, блуждающей в туманах цепью вдоль горного перевала.

Очередное мрачное облако тумана медленно взобралось на перевал и разделило пополам эту тоже беззвучно ползущую цепь серых безропотных существ. Движение по обе стороны облака обеих частей полка продолжалось независимо [друг от друга]. Передняя группа оторвалась и двинулась по хребту, отклоняющемуся круто вправо, а вторая часть полка приостановила движение до прохода облака. Когда примерно через полчаса облака рассеялись, то обе группы оказались одна против другой. Неизвестно кем спровоцированная тревога привела к тому, что обе части одного полка вели меж собой перестрелку около полутора часов, и с обеих сторон имелись жертвы.

Противник в это время, по-видимому, тоже маневрировал, и поэтому никто не знал определенно его местоположения. Одно только было понятно, что он находится где-то перед нашим полком. На основании этих соображений наше движение было прекращено и полк начал окапываться вдоль хребта Черных гор, фланги которого с незначительным спадом уходили в непроходимые лесные дебри.

Через день по долине Черного Черемоша, по потокам ползущих вниз щебня и грязи поднялась батарея полевой артиллерии, состоящая из четырех трехдюймовых орудий, и разместилась с левого фланга полка, под прикрытием лесного массива. Еще через два-три дня противоположные высоты начали оживать. На левом фланге, у опушки леса, уходящего в сторону противника, наша разведка встретилась с разведкой германской Стальной дивизии.

Ни та, ни другая сторона не хотела первой открывать огня, и так обе группы разошлись, поприветствовав одна другую дружеским помахиванием рук. Подобные встречи бывают только между группами разведчиков, людей с крепкими нервами и устойчивыми характерами.

При этой встрече мы обнаружили в лесу небольшой домик, по-видимому, принадлежавший горному пастуху. Людей в нем не было, и лишь за высокой изгородью визжала и хрюкала огромная откормленная свинья. Как у нас, так, вероятно, и у немецкой разведки возникла мысль овладеть столь лакомым в этих условиях жизни блюдом. И вот

на рассвете следующего дня, когда на востоке едва еще заалела заря, мы пошли к лесному домику и снова встретились с немцами.

Одичалая свинья, увидев незнакомых людей, бросилась на изгородь, проломилась ее и помчалась в лесную чащу. С обеих сторон раздались дружные залпы, но испуганное животное углубилось в лес и быстро скрылось в заболоченной чаще. Немцы не любят леса, и поэтому, недовольные исходом охоты, повернули обратно, а мы еще долго преследовали свинью по болотам, пока не выгнали ее в район наших артиллерийских позиций, где она и была убита одним из разведчиков.

Начало немецких атак

Несмотря на миролюбивую встречу с разведкой противника, в этот же день немецкая артиллерия начала пристрелку наших окопов из орудий разных калибров, включая и девятидюймовые фугасы. Эта пристрелка производилась в течение трех дней и дала нам почувствовать, что немцы сосредоточили здесь крупные силы и готовятся к серьезной операции.

Наше командование, в свою очередь, выделило резервную группу, которая разместилась во второй линии окопов, подготовленных на заднем склоне хребта и невидимых противнику.

На рассвете третьего дня, было это, кажется, 7 июля 1916 года, начался массированный обстрел наших позиций противником³⁰. Это

³⁰ Скорее всего, Е. В. Тумилович ошибается в датах. 26–27 (13–14) июля наши войска безуспешно пытались переходить в наступление. А 28 (15) июля уже атаковал противник. Вероятно, именно об этом столкновении и пишет Е. В. Тумилович. На этот момент полк занимал фронт от д. Яворника до ур. Дуконя протяженностью в 19 верст. Противник с утра открыл огонь по высотам 1443 и 1506 (их занимал 2-й батальон), а затем повел наступление. Героическими усилиями 8-й роты он был остановлен. Вечером атака повторилась. Остатки 8-й роты во главе с прапорщиком Хращовским приняли неравный бой и бросились в штыки, полностью погибнув в бою. В это время командир 3-го батальона подполковник Серебряков послал в контратаку 9-ю роту прапорщика Лукова. Она атаковала противника во фланг, взяла 300 пленных, но и сама попала под удар. И в итоге 9-я рота отошла с высоты 1443 на высоту 1506, приведя 154 пленных. 29 (16) июля противник начал артподготовку атаки высоты 1506. Оборону держали 6-я и 7-я роты. Командир 2-го батальона капитан Пантелин бросил в атаку резервную 13-ю полуроту. Первая атака была отбита. В 16 часов во время второй атаки противник ворвался в наши окопы и решил задействовать здесь новые силы. Тогда полурота 13-й роты под командованием ротного командира поручика Самсонова открыла фланговый огонь.

была артподготовка, в которой принимало участие не менее 150 орудий разного калибра. Хребет Черных гор, изрытый окопами, казалось, извергал к небу черные столбы земли и дыма, горы гудели и вздрагивали от взрывов тяжелых снарядов.

Беспечный русский народ не побеспокоился построить надежные укрепления, и вот теперь, когда немцы с целью разгрома нашей линии обороны открыли жестокий артиллерийский огонь, солдаты сидели в мелких, не прикрытых сверху окопах, согнувшись в три погибели, чтобы не торчали поверх окопов головы.

Ясно, что при таких условиях сразу же обнаружились большие потери. Прижатая огнем к земле, в духовном ощущении эта человеческая масса безмолвно ютилась в своих примитивных могилах, и каждый ждал своей очереди, а над ним бушевала огненная буря, осыпая сверху землей, камнями и рваным железом.

Часть неприятельского огня была сосредоточена на участке расположения нашей артиллерии, которая находилась на правом фланге в лесу, почти в одной линии с окопами. И несмотря на подавляющий огонь неприятеля, четыре наших полевых орудия непрерывно вели беглый огонь по позициям и артиллерии противника.

В ожидании атаки усиленная команда нашей разведки выдвинулась вперед метров на двести в лесу на том же правом фланге и, никем не обнаруженная, затаилась на опушке болотистых зарослей.

К полудню немецкая артиллерия усилила свой огонь до максимальных пределов. В это время пехота противника поднялась из укрытий и несколькими густыми цепями двинулась в направлении занятых нашими войсками высот. Прижатым к земле защитникам наших позиций не было видно, что делается перед ними в долине оврага, но у команды разведки всё это происходило на глазах, она ясно представляла себе свое бессилие перед огромной массой атакующего врага. Шрапнельный огонь русской артиллерии на сравнительно близком

А со стороны правого фланга 6-й роты пулеметный огонь открыл унтер-офицер ефрейтор Молотов. Тогда же Серебряков приказал перейти в атаку полуроте 12-й роты, которая находилась в резерве. Во главе с прапорщиком Чигириком она бросилась в атаку. Положение было восстановлено. Стоит отметить, что немалую роль в успехе сыграли 10 пулеметов 2-го и 3-го батальонов под командой прапорщиков Губанова, Юрченко и Голяшева (всего за два дня они расстреляли 78000 патронов). Стоит также добавить, что с 25 июля по 9 августа (12 по 27 июля) 326-й полк находился в составе сводного отряда полковника Л. И. Савченко-Маценко. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 24–27).

расстоянии опрокидывал на землю целые звенья вражеских цепей, но они всё шли и шли, упорно и твердо.

Когда немцы достигли склона занятых нами высот, артиллерия наша уже не могла стрелять и прекратила огонь.

Немцы широко растянулись по склону горы, и левый фланг их двинулся всего лишь в нескольких десятках метров от залегшей в зарослях разведки.

Передняя немецкая цепь была уже в 100 метрах от линии русских укреплений, где царило гробовое и жуткое молчание. Эта мертвая тишина была, казалось, страшнее грома. Наконец артиллерия противника внезапно замолкла, и на несколько мгновений воцарилась полная тишина. Потом склоны горы огласили нестройные невнятные крики — Стальная дивизия бросилась в атаку. Но наверху по-прежнему царил тишина. У бедных разведчиков от этого молчания заходил мороз по коже. Но бежать вверх по довольно крутому подъему не так легко и просто, что немцы, вероятно, не учли, и в самую решительную минуту в непосредственной близости от цели большинство пошло на четвереньках. И вот в этот миг среди их рядов засверкали огненными брызгами взрывы русских гранат. Грохот их слился в один протяжный гром, потрясший воздух и землю. В ход были пущены не только ручные гранаты, в дополнение к ним по склону сбрасывали тяжелые полупудовые круглые бомбы, своими мощными взрывами в массе атакующих они вносили расстройство и сеяли панику.

И вот в этот-то момент изрытая, изуродованная массивированным огнем серая линия русской обороны зашевелилась, поднялась, вырастая, сверкая сталью штыков и потрясая воздух взрывом «Ура!», ринулась вниз на врага.

Таким же ожесточенным «Ура!» и дружными залпами ответила команда разведки, оказавшаяся в тылу врага. Что-то неожиданное и непонятное произошло в первый миг на склоне горы: защитные гимнастерки перемешались с мышинными мундирами, красными петлицами и околышами. Потом всё ринулось вниз по косогору, оставляя позади себя беспорядочно разбросанные по склону серые бесформенные массы трупов.

Так гнал перед собой четвертый батальон 326-го пехотного Белгородского полка части германской Стальной дивизии, в несколько раз превышающие его численностью. После соединения с разведкой, батальон круто свернул вправо и лесом быстро возвратился на свои позиции, чтобы не оказаться в открытом поле под артиллерийским огнем опомнившегося после разгрома пехоты противника.

В течение двух дней на Черных горах был полный покой. На выюках доставляли хлеб и кое-какие другие продукты. Солдаты блаженствовали, и прежняя беспечность снова воцарилась в окопах победителей.

На правом фланге вечером под шатром мохнатой ели сидел Сергей Буров, окруженный разведчиками, и таинственным голосом плел какую-то допотопную старушечью сказку. Ребята молча слушали, без особого внимания. Некоторые, устремив взгляд на противоположные высоты, предавались грустным и печальным мыслям.

— Ты, Сергей, точно умирать собрался — развел такую тоску, — с досадой сказал Лобачев. — Или уже брось, или вспомни что-нибудь веселее, а то уж больно тошно становится.

Буров умолк, его мрачный неподвижный взгляд устремился в неведомое пространство. Лицо застыло, ни обиды, ни досады не выражало оно.

Мертвое выражение смугло-черного лица и неподвижных глаз несколько напоминало застывший труп. Потом он глубоко вздохнул, поднялся и скрылся в вечернем мраке. Что смутило сердце, тоска ли по дому, семье или его мучили какие-либо предчувствия, трудно было разобрать в этот серый пасмурный вечер.

Четвертый взвод, которым командовал Кирюшка Раузов, находился на левом фланге, и поэтому мы встречались с ним только в те минуты, когда его вызывал к себе командир роты.

В тот день он после получения заданий остался на некоторое время со мной. Мы вспоминали наши школьные годы, свой городок и проводы сестер Егеревых на Кабановом хуторе. Здесь я открыл ему тайну нашей шутки над ним, когда он возвращался с хутора после удачных проводов младшей сестры. Мы долго смеялись, но он так и ушел, не поверив моему рассказу.

Это была моя последняя с ним встреча.

Работа пехотного разведчика, благодаря непрерывной опасности и частым столкновениям с врагом, приучает его к смелости, к самообладанию в самых невероятных условиях и вырабатывает способность мгновенно ориентироваться в любых, казалось бы, безвыходных положениях. И поэтому жизнь разведчика сохраняется более длительное время. И чем эта работа сложнее и опаснее, тем упорнее утверждается чувство неверия в возможность смерти, а это, как ни странно, и является основным фактором мнимого бессмертия.

Подобное чувство, волей или неволей, бессознательно овладело в конце концов и мною. То же, по-видимому, ощущали и большинство

ребят моей команды. Справедлива старинная народная поговорка: «Смелым бог владеет», — где под словом «бог» нужно подразумевать, безусловно, твердость характера, безукоризненное самообладание и веру в неприкосновенность. Но человек всегда остается человеком, и только свинец или осколок стали не всегда считается с его убеждениями³¹.

На третий день утром, к общей радости всех, выглянуло солнышко. Туман рассеялся, и яркие зеленые пятна небрежно разбросанных пастбищ заиграли на солнце блеском гигантских изумрудов.

В прозрачном воздухе на десятки километров во все стороны вырисовывались резкие очертания невидимых ранее горных хребтов. И чем дальше уходили они в бесконечность, тем мягче становилась синева их воздушной окраски и тем больше напоминали они застывшие волны безбрежного бурного моря.

Но великий покой, царивший над мертвой природой, был внезапно нарушен громом тяжелых орудий, свистом снарядов и грохотом взрывов. Вновь началась артиллерийская подготовка к очередной атаке наших позиций. И вновь полузасыпанные землей и камнями люди в безмолвном оцепенении жались к стенкам своих окопчиков в безнадежной и бессмысленной борьбе за право на жизнь.

Кто попадал на войне в подобные условия, тот, вероятно, помнит, что нет ничего тяжелее и ужаснее, как лежать часами под ураганным

³¹ Приведенное описание разведчиков интересно сравнить с оценкой М. Н. Герасимова, подпоручика в годы Первой мировой, а в советское время — генерала (во время Великой Отечественной войны — командующий армией). В своих мемуарах он с восхищением пишет о своем начальнике штабс-ротмистре Н. М. Муромцеве, начальнике команды пеших разведчиков: «...я по-новому взглянул и на разведку, и на разведчиков. Убедился, что удача Муромцева в разведке в действительности есть результат большой и напряженной работы всей команды, высоких организаторских способностей самого Муромцева и отличных боевых качеств всех разведчиков, их изобретательности и инициативы». В уста Муромцева мемуарист вложил и следующее описание качеств разведчика: «Я не отрицаю допустимость риска, но бесшабашная удаля, как вы определили некоторые качества, необходимые разведчику, в большинстве случаев простое безрассудство. Разведчику нужно иметь горячее сердце, в этом я полностью согласен с вами, но наряду с горячим сердцем ему нужна холодная голова. Тогда и горячее сердце дольше будет биться в отважной груди» (*Герасимов М. Н. Пробуждение. М., 1965. С. 119–120, 122*).

артиллерийским огнем в пассивном бессилии и каждую секунду ждать своей смерти. Любое активное столкновение с более многочисленным врагом или самая беспощадная контратака гораздо легче переносится, чем вынужденное и сознательное бездействие под массированным артиллерийским обстрелом. Когда же перед атакой внезапно прекращается грохот орудий, солдаты обыкновенно легко вздыхают, и на лицах оставшихся в живых появляются даже улыбки.

И вот с того дня в течение полутора недель каждый день повторялось одно и то же. Иногда атаки противника возобновлялись по два-три раза в день и каждый раз с беспримерной стремительностью вновь отбивались.

Измученные, изнуренные воины целыми днями сидели голодные и лишь по ночам в полусонном бреду грызли свои сухари или получали скудную остывшую пищу. Но воля и стойкость с каждым днем становились всё крепче и крепче.

Ночью уносили убитых и эвакуировали раненых. С каждым днем редели силы защитников Черных гор, но никакого подкрепления или пополнения ниоткуда не прибывало. Что думало высшее командование и даже сам Брусиллов, получая смутные сводки о стойкости и возрастающих потерях этой горсти обреченных на верную гибель, сильных духом и гордых людей, непонятно было тогда и неясно теперь. Была ли это обычная беспечность или просто предательство, покажет будущее, ибо от глаз времени и суда истории никогда и ничего не может укрыться, несмотря ни на какие хитрости, козни и ложь.

Но защитникам перевала Карпат в то время от этого не было легче. Многие раненые оставались в строю и продолжали оборону наравне со здоровыми. Я видел одного пожилого солдата, который, будучи ранен во время контратаки, сначала упал, потом быстро вскочил на ноги, разорвал на груди гимнастерку, где прямо против самого сердца торчал почерневший затылок застрявшей между ребрами пули. В таком положении до ночи он оставался в строю и после удаления пули не покинул своих боевых товарищей.

За период этой неравной борьбы были разбиты еще два орудия нашей батареи, осталось только одно, но и это одинокое орудие целый день ни на минуту не прекращало огня; его размеренные удары резко выделялись из массы окружавших его взрывов и этим вселяли некоторую бодрость в сердца русских солдат.

Еще 20 июля на исходе прохладного дня была отбита последняя атака противника — фугасы рвались у наших окопов до момента под-

хода цепей почти к самым окопам³². Под артиллерийским огнем их контратаковала по центру резервная группа, поддержанная ружейным огнем и гранатами первой линии обороны. К ночи всё снова затихло, гнетущая тишина опустилась на Черные горы и зловещим предчувствием вкралась в души измученных изнемогающих воинов.

21 июля. Еще не всюду расступился ночной предрассветный туман, красные стрелы восхода огненно-красными лучами из-за горных хребтов бороздили небесную высь и, попадая на серое облако, воспламеняли его светом утренних зорь. Молочные реки тумана ползли по лощинам и складкам меж горных хребтов. Капли утренней росы висели на иглах еще дремлющих елей. Но народ уже не спал. Какое-то странное, неясное предчувствие, непонятно чем вызванное, волновало остатки забытых защитников горных хребтов. Говорили тихо, проверяли винтовки, гранаты и с суровым волнением поглядывали на высоты, занятые озлобленным врагом. На склоне лежали неубранные трупы, безмолвные свидетели вечерней отбитой атаки.

Вместе с первыми лучами солнца началась и новая артиллерийская подготовка, но более мощная и более жестокая. Глухой гром орудий доносился и с фронта, и с флангов.

Визг шрапнелей и взрывы фугасов слились в один общий рокошущий гул. В столбах черной пыли и едкого дыма померкло утреннее солнце, и над линией наших окопов навис полумрак.

Злорадство смерти в тот день не имело границ. У правого фланга, где обычно сидели разведчики, вместе с Буровым мы успели вскочить в одиночный окоп и молча, без всякой надежды считали свои последние минуты.

Полное тупое безразличие овладело чувствами, и жизнь в эти минуты казалась ненужным и тяжелым бременем.

Какой-то обезумевший, лишившийся рассудка солдат выскочил из окопа и, с дьявольским хохотом поднимая руки к небу, потрясал кулаками. Последующий взрыв тяжелого фугаса огненным вихрем смахнул его мертвое тело обратно в окоп. В последние дни случаи безумия здесь стали обычным явлением.

От ударов снарядов о камни и грунт и последующих взрывов земля под нами тряслась как в лихорадке. Визг, свист и вой рвущийся стал был настолько силен и пронзителен, что я невольно зажал голову

³² Обнаружить сведения об этом бое не удалось.

руками и так сидел, полусасыпанный землей в этой маленькой братской могиле.

Страшный порыв какого-то вихря чуть не свернул мою голову и унес фуражку. Тихо прозвучал еле слышный короткий хрип. Голова Сергея Бурова низко повисла на грудь, а против нее в стенке окопа открылась черная зияющая круглая щель. Котелок, висевший у вещевого мешка на спине Сергея, быстро наполнился до половины дымящейся кровью — целый неразорвавшийся снаряд пробил спину у самой шеи и ушел в грунт. Так печально прервалась жизнь бесстрашного разведчика в им же самим вырытой могиле.

Через несколько часов огонь так же внезапно прекратился. В какой-то безумной лихорадке я ждал команды к контратаке, но ее не последовало. Из окопов никто не поднялся. Внезапно наступившая зловещая тишина была так страшна в этот миг, как и предшествующий ей оборванный гром.

В центре наших позиций вдруг появились какие-то серые люди и, по-видимому, в недоумении и замешательстве смотрели по сторонам, заглядывали в окопы. Число их быстро росло. Потом направо в тылу, со стороны батареи, появились такие же чужие люди. Рассудок вернулся. Всё вмиг стало ясно.

«Плен, смерть или свобода», — молнией пронеслось в голове. Да, смерть или свобода.

Я выскочил из окопа. Несколько знакомых лиц также поднялось и замерло. И вдруг, как будто по команде, мы бросились навстречу подымающимся в гору со стороны батареи немцев.

Соскочив с валуна, я внезапно оказался перед смертельно бледным лицом совсем еще молодого немецкого офицера. Немое оцепенение продолжалось всего лишь считанные доли секунды. Рука инстинктивно рванулась кверху, и штык моей винтовки вонзился в его горло и уперся во что-то твердое. Одновременно с этим ударом у самого моего лица прозвучал сухой выстрел, и пуля прорвалась в гимнастерку, обжигая мою шею.

Труп офицера медленно покачнулся и вместе с моей винтовкой опрокинулся и покатился по склону. Через мгновение мы уже были в лесу. Интенсивная беспорядочная стрельба позади заставила нас прижаться к земле и по-кошачьи ползти вниз по крутому лесистому склону. Но радость свободы и жизни уже ликовала в пылающем сердце. Через некоторое время мы спустились в долину верховьев Черного Черемоша. По извиляющейся, покрытой плывущей грязью дороге наши артиллеристы

тащили свое последнее подбитое орудие. На участках дороги, которые иногда были видны с покинутого нами перевала, снова свистели пули и шлепались в жидкую грязь или вонзались в стволы могучих елей.

Часа через три небольшая группа бежавших от плена солдат спустилась к слиянию рек, с трудом перебралась через догорающий мост и здесь в полном изнеможении лишенные последних сил люди падали на землю у орудий горной казачьей артиллерии, которая должна была закрыть своим огнем выход из долины, вернее, ущелья Черного Черемоша. Через некоторое время немцы появились и здесь, но, встреченные картечью горной артиллерии, ушли обратно на перевал.

Офицеры, наблюдавшие из штаба полка за сражением на Черных горах, впоследствии рассказывали, что 21 июля на Черных горах было подобие извержения нового вулкана. Большая часть защитников погибла в окопах. Часть из попавших в плен при переправе их немцами через какую-то бурную реку, текущую в направлении Венгерской долины, погибла в ее кипящих водах³³.

После потери перевала остатки русских войск отошли на несколько десятков километров по той же долине Черемоша. Полк наш был перестроен и укомплектован новым пополнением из татар и других монгольских национальностей, большая часть которых не знала русского языка и домой обычно писала письма на своем, никому не понятном жаргоне. Местная цензура возвращала эти письма и разъясняла, что писать нужно только на русском языке³⁴. В результате этих разъяснений

³³ Наступление противник начал 3 августа (21 июля) утром. Уже около 12 часов противник потеснил наш батальон у Яворника. А потому 3-й батальон начал принимать положение вправо к горе Людова (1466). Начальник дивизии двинул две роты во фланг противнику. Около 15 часов противник открыл огонь по участкам 1-го и 2-го батальонов и повел наступление. Основной удар приняли 14-я (высота 1506) и 5-я (высота 1610) роты. По нашим оценкам, против каждой из них наступало не менее батальона. Пагубную роль сыграл и прицельный огонь противника, который разбил сразу пять пулеметов. Несмотря на сопротивление 5-й роты прапорщика Браженцева германцы прорвали ее позиции и зашли в тыл 2-му и 3-му батальонам. 14-я рота прапорщика Миллонаса три раза бросалась в контратаку и отошла только тогда, когда противник вышел в тыл со стороны высоты 1610. Нашим двум батальонам пришлось по горам отступать на Гриняву. 7 августа (25 июля) полк отошел на Долгопольскую позицию. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 28–29.

³⁴ В действительности подобное положение было на всех фронтах. Огромный поток писем в годы войны привел к тому, что система цензурных органов

появились письма, написанные русскими буквами, но язык оставался тот же. Так ничего с ними поделаться и не удалось.

Ясно, что от такого пополнения трудно было ожидать вначале положительных результатов, что со временем и обнаружилось при первых попытках восстановить утраченное положение на фронте.

Из группы разведчиков счастливо уцелело пять или шесть человек, в том числе Лобачев, Моисеев, один весьма храбрый и всегда ко всему равнодушный чуваш и еще кое-кто.

В резерве мы буквально ничего не делали и, как следствие, целый день думали только о еде. Все мы в то время получали за свои награды довольно приличную по тому времени сумму — по 8–20 рублей в месяц. Сверх своего законного питания в полковой лавочке мы могли покупать любые продукты и лакомства. Там было печенье, шоколад, какао, консервы и тому подобные вещи, а у местных же жителей за хлеб выменивали молочные продукты.

Наш повар-чуваш любил часто готовить какое-то особенное экзотическое блюдо, состоявшее из картофельного пюре, которое заливалось горячим молоком с растворенным в нем какао и сахаром. Это не особенно остроумное и хитрое блюдо готовилось всегда в огромной эмалированной кастрюле. На свежем воздухе, где-либо под тенью деревьев, с большими деревянными ложками рассаживалась вокруг вся группа разведчиков, до отвала наедалась этой жидкой, ароматной коричневой массы и тут же в изнеможении маленькая команда укладывалась спать.

Жили мы своей дружной семьей на окраине деревушки, в какой-то заброшенной избе. И вот, помню, однажды часа в три ночи осторожно и нерешительно разбудил меня Лобачев.

— Старшой, свининки покушать не хочешь? — в некотором замешательстве прошептал он.

— Какой свининки? Где вы ее взяли?

Мне хотелось спать, но обижать ребят было неудобно, и я, не вдаваясь в подробности этого вопроса, встал, взял кусок отварной свинины,

(перлюстрировавшая письма на предмет наличия сведений, содержащих военную тайну) не справлялась с ним. Соответственно, главнокомандующие армиями фронта уже в 1915 г. начали отдавать приказ о запрете корреспонденции на иностранных и инородческих языках. Летом подобный вопрос поднял штаб Юго-Западного фронта. В ответе генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего М. С. Пустовойтенко указывалось, что необходимо запретить писать письма на тех языках, которыми не владеют имеющиеся в распоряжении цензоры. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488. Л. 322, 324, 325.

да так с ним в руке и уснул снова. Утром выяснилось, что неугомонные разведчики не поленились в два часа ночи отправиться в горы и вытащить там из сарая поросенка, не обнаруживая при этом себя ни малейшим шумом.

Мародерство в то время не особенно поощрялось, да и ребята потом устыдились своего поступка, вызванного излишней жадностью. Утром собрали деньги, хлеб и снесли удивленному, растерявшемуся гуцулу, который еще даже не знал о таинственном исчезновении принадлежавшего ему поросенка³⁵.

Дни отдыха на фронте летели обыкновенно с неимоверной быстротой. Немного отдохнули, немного поучились, поменяли белье и двинулись снова на передовую.

Сменяемая нами часть стояла на подходах к тому же горному хребту, высоте 1077, который был взят нашим батальоном в первом нашем бою за Карпаты. Оставляя старые наши позиции, эта воинская часть предоставляла нам честь снова занять знакомый уже горный хребет.

Тем же почти старым путем повел я разведку на эту высоту. К утру мы поднялись на седловину между Плайкой и известной уже нам высотой, но признаков жизни там вначале никаких не обнаружили. Тогда двинулись мы влево, вдоль голой узкой вершины в направлении крутого обрыва, у подножия которого злобно шумел Черный Черемош.

³⁵ Стоит отметить, что русское командование крайне негативно относилось к мародерству, применяя к мародерам весьма жесткие санкции — вплоть до расстрела. При должной энергии со стороны начальства даже в оккупированных вражеских городах (например, восточнопруссские Инстербург и Тильзит) устанавливался образцовый порядок, отмечаемый в дальнейшем даже противником. Вместе с тем нередко в период тяжелых маневренных боев, сопровождаемых перебоями со снабжением, войскам приходилось питаться «местными средствами». Однако в этом случае мародерство следует отличать от реквизиций. Кроме того, например, на оккупированных вражеских территориях подобным образом войска пытались бороться с благосостоянием противника, подрывая его экономические основы. Отечественный исследователь А. Б. Асташов предлагает рассматривать присвоение чужих вещей («трофеев») как дополнительную мотивацию участия в войне и способ «реализовать свои представления о полезности на этой войне». В любом случае, проблема мародерства не может рассматриваться вне контекста конкретных операций, а также без учета выстраиваемой войной особой системы ценностей. Подробнее см.: Асташов А. Б. Указ. соч. С. 192–199; Пахалюк К. А. Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг. // Военно-исторический архив. 2012. № 6 (150). С. 160–178; 2012. № 9 (153).

В это время батальон подошел вплотную к подножию высоты. Не ожидая результата разведки, командование довольно легкомысленно повело еще совершенно необстрелянных новобранцев, не знающих в общей массе русского языка, по крутому, дико заросшему дремучим лесом склону горы.

Для воодушевления солдат наша артиллерия, не зная о том, что разведка находится на вершине, начала обстрел ее шрапнельным огнем. От этого огня мы, конечно, мало испытывали удовольствия, так как потерять голову и жизнь без всякой пользы, да еще от своей собственной артиллерии, было верхом непростительной глупости. Но с этим несладким обстоятельством поневоле пришлось смириться.

Укрывшись за стволами верхних елей, осыпаемые шрапнельными пулями, которые звучно щелкали по стволам и сбивали еловые ветви, терпеливо ждали мы, когда кончится это безобразие.

Нужно напомнить, что на этот раз мы имели дело не с трусливыми австрийскими войсками, а с германской Стальной дивизией. Немцы нас, конечно, видели и терпеливо поджидали, когда мы сами придем к ним прямо в лапы.

Наконец наша артиллерия умолкла, и я понял, что батальон уже где-то близко подошел к вершине. Желая окончательно убедиться, что противника на горе нет, мы перевалили через вершину и двинулись по высокой траве к противоположной опушке леса. И вот в этот-то момент произошла совершенно неожиданная наша встреча. После прекращения артиллерийского огня немцы, решив, по-видимому, захватить нас живьем, двумя группами поползли в траве нам навстречу.

Моисеев заметил раньше остальных движение травы, дал коротким птичьим голосом условный сигнал, и когда перед нами показались враги, мы уже падали в траву, и после дружного залпа наши гранаты одна за другой полетели навстречу противнику, вызвав там вполне естественное замешательство.

В это время наша пехота добралась уже до опушки леса, который кончался всего лишь в 20–30 шагах от вершины, и была уже готова к последнему броску. Но вот в этот-то момент, когда загремели наши гранаты и раздалась ружейные залпы с обеих сторон, произошло нечто безобразное и постыдное, о чем до настоящего времени я не могу вспоминать без злой горечи и досады.

Несмотря на то что наши горе-богатыри ясно видели на вершине горы свою разведку и что мы совершенно не собираемся покидать ее, испуганные внезапными взрывами гранат, они, как стадо глухих

баранов, бросились обратно вниз с такой стремительностью, что лес задрожал, загудел, как будто в нем бушевала гроза. Всё это произошло на наших глазах так неожиданно и так глупо, что я впервые растерялся, а у Лобачева от злости и досады выступили на глазах слезы.

После такого конфуза нам ничего не оставалось делать, как, пользуясь некоторым коротким замешательством немцев, быстро ползком исчезнуть в направлении постыдно убегающих от нас же наших однополчан. Вот что может наделать плохая подготовка солдат и преступная беспечность начальства.

Но злая шутка судьбы этим еще не кончилась. Отходя, мы, естественно, отстреливались, а немцы, не решаясь преследовать отходивших, отвечали тем же. Наши вояки, будучи остановлены на половине склона горы резервной группой, открыли в направлении собственной разведки бешеную стрельбу.

Мы, таким образом, очутились между двух огней и, с трудом укрывшись меж камнями и в трещинах скал, около часа лежали неподвижно, в ожидании успокоения стрельбы и смирения человеческой глупости. Потом сначала Моисеев один, повесив на штык белый носовой платок, с осторожностью спустился вниз и предупредил о возвращении попавших в беду разведчиков. Оказывается, стрельба эта возникла сама по себе стихийно. Взводные офицеры приостанавливали ее в одном месте, она возникала в другом, и так продолжалось, пока не надоело самим стрелкам.

Когда противник, пытаясь, по-видимому, узнать, что произошло, начал спускаться вниз, стрельба с обеих сторон снова возобновилась и продолжалась до самой глубокой ночи.

Страшная ночь

В результате этой бессмысленной вечерней перестрелки среди наших солдат оказалось немало пострадавших и даже убитых. Наконец, стрельба постепенно прекратилась, наступила полная тишина. Черная непроглядная ночь опустилась на мрачные ели и окутала своим черным мраком всё живое и мертвое. Люди узнавали своих соседей только по сдержанному шепоту или наощупь.

Еще до наступления полной темноты по распоряжению начальства были выставлены секреты, а батальону приказали вытянуться в одну цепь и чувствовать плечом своего соседа. Но несмотря на эту жуткую призрачную тьму и вполне естественный страх, усталые и голодные солдаты начали постепенно засыпать.

Разведчики же совершенно не спали и предыдущую ночь, а поэтому все быстро уснули мертвецким сном. Я лежал между чувашем и Лобачевым, и так как оба они невыносимо храпели, я же с детства совершенно не переносил этих звуков, отполз вперед шагов на десять, выбрал во мху мягкое и уютное местечко и, слушая далекий ровный шум Черемоша, тоже уснул почти непробудным, но болезненно чутким сном.

Не знаю, сколько времени продолжался этот тяжелый сон. Будучи в стороне от общей цепи, я не слышал и не знал, что происходит вокруг. Черная ночь оставила эту страшную тайну неразгаданной.

Просвистел ли катящийся мимо меня камень, или тяжелые холодные капли ночного дождя, непрерывно падавшие с еловых ветвей мне на лицо, заставили меня проснуться, и я приподнялся, не сознавая сразу, где я и что происходит вокруг.

Такая жуткая невыносимая тишина и черная тьма вызывали невольную дрожь. Потом я припомнил вчерашнюю обстановку и тихонько пополз, как мне казалось, к тому месту, где лежал вечером.

Я ощупывал руками мох, камни, корни деревьев, но людей не находил. Непонятный ужас начал постепенно, как ядовитая безжалостная змея, пробираться к рассудку. Мои движения стали какими-то лихорадочно быстрыми. Я наткнулся на чью-то руку, затряс ее, но она была холодна и безжизненна. Невольный стон вырвался у меня из груди, но этот звук моего голоса был так ужасен, что я, теряя рассудок, упал и прижался к земле. Потом я встал на ноги, протянул руки вперед, сделал несколько шагов, споткнулся о что-то мягкое и упал на новый труп. Бессознательно вцепился я в него руками, а волосы на голове зашевелились, и отчетливый стук моего сердца был четко слышен в этой мертвой черной тишине.

Далее смутно припоминаю, как я летел вниз по склону горы, падал, вскакивал, ударяясь головой о стволы деревьев, снова вставал, бежал и снова падал. Нормальный рассудок у меня в тот момент, вероятно, отсутствовал, и это возбудило во мне новое, неестественное мужество в неравной борьбе с темными силами и мнимым врагом.

Ударившись головой о ствол дерева, я потерял, вероятно, на некоторое время сознание, и это спасло меня от полной потери рассудка. Когда я очнулся, утренний свет уже слегка пробивался сквозь мохнатые колючие лапы горных лесных великанов. Этого едва уловимого света было достаточно, чтобы изгнать из воображения дикий ночной ужас. Я снова поднялся и, еле двигаясь от усталости и боли, поползел вниз.

Крутизна откоса постепенно уменьшалась, лес редел и радостный свет первых бликов утренней зари улыбался пробуждаемой им же природе.

Гора кончилась. Я спустился в долину, миновал еще сонные гуцульские сады, хуторá и вышел на дорогу, которая сопровождала бурные воды Черемоша. Но и здесь была полная тишина — ни солдат, ни гуцулов, как будто всё вымерло вокруг в эту страшную черную ночь.

Сображая, что солдаты ушли ночью и разместились по избам на отдых, я постучал в одну из ближайших халуп. Через несколько минут дверь заскрипела, открылась, и на пороге появился знакомый старик, но он не узнал меня. На его лице одновременно появился неподкупный испуг, удивление, растерянность, и он в страхе снова захлопнул дверь. Я всё еще ничего не понимал. Спустился к реке, и когда пил жадно воду и освежал ею лицо, то обнаружил, что оно сильно распухло и заняло от соприкосновения с холодной водой. Потом я постепенно начал прибавлять шаг, и неясная тревога снова волновала мысли.

Уже наступил день. Сентябрьское солнце еще сильно грело и сушило остатки росы от утреннего тумана, но ни одного русского солдата по-прежнему не попадалось мне на пути. Гуцулы, увидев меня, сердито поглядывали и шептались между собой.

В горах впереди меня и с боков послышались отдельные выстрелы. Я побежал. Только к исходу дня догнал я свою роту. Разведчики с радостными криками обступили меня и с удивлением рассматривали мою избитую, изодранную физиономию.

Первое, что я сказал вместо приветствия, это были слова «Дайте зеркальце». И хотя я не узнал себя в нем, но с радостью убедился, что цвет волос моих, несмотря на ужас пережитой ночи, остался прежним.

Дальше по пути мне ребята рассказали, что ночью выяснилось следующее: в то время, когда наш батальон пытался атаковать высоту 1077, немцы начали обходить нас с обоих флангов, в связи с чем ночью же был дан приказ при соблюдении полной тишины оставить гору, спуститься в долину под прикрытием ночи, отойти на 25–30 километров и занять новые позиции. Приказ об отходе был передан по цепи и солдаты разбудили каждый своего соседа, сняли посты и, соблюдая полную тишину, спустились в долину.

Я же лежал в стороне в неизвестном никому месте, и поэтому остался там коротать эту памятную ночь в полном одиночестве, по соседству с забытыми трупами...

В тот же вечер батальон занял новые позиции. Немцы двигались вслед горными хребтами и перевалами, сокращая себе этим путь. Когда наступило следующее утро, они уже были перед нами в долине реки; а некоторые их группы расположились на горных хребтах, фактически уже в нашем тылу, откуда расположение батальона было видно как на ладони.

Чувствуя себя оставленными в мешке, солдаты и офицеры переживали, так как противник в любой момент мог отрезать группу, обороняющую долину. Какая была цель удерживать нас в то время в таком тяжелом положении, сообразить сначала было трудно. Когда же посланный в штаб дивизии курьер возвратился с приказом стоять насмерть и держать оборону до последнего солдата, то сразу смирились и успокоились. С наступлением ночи в долине оставили на риск небольшой заслон, а основные силы заняли оборону вдоль горных склонов по обе стороны долины реки. При попытках же противника пустить вниз разведку, солдаты открывали беглый ружейный огонь, им и сбивали его с толку.

В числе незначительной группы более надежных солдат, обороняющих долину реки, находилась команда разведки, которая занимала центральную часть обороны, глубоко вклинившуюся в расположение врага.

Ночь напролет ни один человек не имел права хотя бы на минуту сомкнуть глаза. Где-то позади происходили стычки с противником, трещали пулеметы, гремела артиллерия, но группа эта твердо охраняла долину реки с тяжелым, но гордым сознанием своего назначения и своей обязанности.

Так продолжалось несколько суток, пока команду разведки не отозвали на несколько километров назад. Тут же я получил новое задание — провести на следующее утро глубокую разведку боем в районе расположения совершенно незнакомых мне высот. После тщательного изучения карты и окружающей местности с вершины одной из наиболее высоких сопок ранним утром, скрываясь в залитой туманом лощине, двинулись мы в незнакомый нам опасный путь.

Я уже упоминал о том, что немцы зря никогда не обнаруживали своего присутствия ни своим открытым появлением, ни стрельбой. Они до последней минуты следили из укрытий за движением своих противников и начинали действовать, взвесив обстановку, наверняка. Это обстоятельство, конечно, нервировало и меня, и остальных ребят, хотя каждый старался не проявлять чувства беспокойства. Шли мы, вытянувшись в редкую цепочку, соблюдая полную тишину, и, как

волки, присматривались к каждому кусту и каждому камню или выступу скалы. Расположение наших войск осталось далеко позади.

Лощина с бегущим на дне ее ручейком пошла круто вверх и уперлась в гранитный обрыв высотой в несколько метров, по которому сбегали струйки воды, образуя внизу подобие маленького водоема. Здесь я оставил для прикрытия большую часть своей группы, а сам с Лобачевым, Моисеевым и Чувашем обогнул гранитный массив и поднялся на его плоскую террасу.

Деревьев здесь никаких не было, лишь высокая, высушенная солнцем нескошенная трава покрывала пологие склоны соседних высот.

Тут мы были как на ладони, и нас могли увидеть со всех сторон. Пришлось залечь в траву и продолжать свой путь ползком. Здесь мы двигались параллельно и хорошо видели друг друга. Впереди на низеньких жердях тянулись телефонные провода. Лобачев был к ним ближе остальных. Я сделал ему знак пальцами перерезать их. Он подполз ближе, немного приподнялся и протянул руку, но в этот момент, опередив немного выстрел, раздался звучный шлепок пули о кость, рука Лобачева упала, и сам он свалился в траву. В то же время, бог весть зачем, вероятно, просто инстинктивно приподнялся Чуваш и тут же был намертво сражен пулей. С двух сторон немцы уже в открытую, во весь рост, бежали к нам. Моисеев выстрелил и, как змея, ползком спустился вниз у скалы. За ним сполз с болтающейся рукой и искаженным лицом Лобачев. Я же, двигаясь посередине, очутился против обрыва, который отрезал мне путь отхода.

Растерянность в таких случаях равноценна смерти. Выстрелив в упор по подбегающему ко мне немцу и заметив, что второй бегущий за ним замешкался, заряжая на ходу винтовку, я снова выстрелил и бросился к обрыву. Вместе с визгом пуль позади раздалось несколько выстрелов, но я уже летел вниз с обрыва. Падение было довольно удачным — я надломил себе только шейку левого бедра.

Оставленные мною внизу товарищи, укрывшись за камнями, своим огнем остановили немцев. Двое из них подняли своего старшего и потащили обратно в сторону расположения своей части. Остальные, продолжая отстреливаться, двигались к исходному рубежу.

Таким образом нам удалось вклиниться в расположение противника, но установить его силы мы не смогли.

Мне кажется, что дальнейшее описание однообразных событий боевой жизни может наскучить, и поэтому считаю более целесообразным упомянуть о них лишь в общих чертах.

Во время моей непродолжительной болезни наша часть снова продвинулась несколько вперед — в район той же злополучной высоты 1077, укрепились на высотах, где и застала нас зима³⁶.

До будущей весны военные действия ограничивались лишь мелкими стычками любителей острых ощущений да артиллерийскими дуэлями. Когда же снежные сугробы сравняли в одну белую пелену все неровности и окопы, а долины ручьев и овраги стали совершенно непроходимыми, то и эти мелкие стычки прекратились, и на фронте воцарилась полная тишина.

Покой этот лишь иногда нарушался, да и то, по-видимому, от скуки, нашей тяжелой артиллерией, доставленной в долину Черемоша из Осовецкой крепости.

Февральская революция

В конце февраля весь 326-й Белгорайский полк был отведен в резерв на очередной отдых и размещен в землянках на небольшом открытом плоскогорье, вдоль какого-то неширокого, но бурного потока. В том месте, где этот ручей вливался в Черемош, лежал в его русле огромный валун, который был, вероятно, принесен сюда потоком во время горного ливня. Он занял почти всё русло и преградил путь движению быстротекущих вод. Озлобленный поток оглашал своим бешеным ревом долину, стараясь столкнуть со своего пути непрошеного гостя, им же принесенного сюда из высокогорных ущелий.

Жизнь полка протекала в обычных условиях отдыха: людей мыли в банях, меняли белье, к весне, как правило, выдавали зимнее обмундирование и теплые папахи, причем всё это внедрялось с большим нажимом. Хотя в это время в нем не было уже никакой необходимости. Но ничего не поделаешь, дисциплина — закон для солдата. Зимой обыкновенно мерзли в фуражках, а до середины лета парились в теплых тяжелых папахах.

³⁶ Стоит отметить, что с 9 по 13 августа (27 по 31 июля) полк вел безуспешные бои за высоту 981. 20 (7) августа ввиду успехов других частей противник на участке 326-го полка отошел. А сами белгорайцы заняли д. Яблоница. С 22 (9) по 30 (17) августа велись бои за высоту 1077. 31 (18) августа с выступлением Румынии отряд генерала Сухих (325-й, 326-й, 327-й пехотные полки вместе с 9-м Донским казачьим полком при поддержке артиллерии) повел наступление. На следующий день высота 1077 была взята 4-м батальоном 326-го полка. Наступление с переменным успехом развивалось до 6 сентября (24 августа). См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 36–38.

Каждый вечер полк выстраивался на поверку, на молитву, тут же сообщались некоторые приказы. Оркестр играл гимн, потом марш, и народ расплзался по землянкам на отдых и сон.

С наступлением сумерек в землянках зажигали керосиновые коптилки, в изготовлении которых изощрялись каждый по-своему, но все они страшно коптели и наполняли эти вдавленные в землю тесные неуютные логовища смрадом и копотью.

Иногда по воскресным дням солдаты по собственной инициативе устраивали даже самодеятельные концерты. Для этой цели на одном из пригорков было устроено из жердей и еловых лап почти подобие сцены. Ну а зрители располагались, конечно, прямо на земле, густыми темными рядами.

Любая удачная или неудачная солдатская острота или нецензурная выходка наделялась громом аплодисментов и одобрительными криками. В репертуар этого фронтового театра входило всё что угодно, всё, что приходило в голову любому из его актеров. На сцене часто появлялись даже опытные провинциальные балаганные болтуны, которые здесь, в отсутствие прекрасного пола, давали волю своей необузданной отвратительной пошлости.

Бедные, лишенные самой ничтожной доли культурных духовных потребностей зрители воспринимали всякую гадость за счастье и чистосердечно наслаждались этим редким зрелищем.

Известный уже нам огромный хохол Мороз был здесь незаменимым конферансье. Появление его мрачной, косолапой, глядящей исподлобья фигуры со старинной лирой на боку всегда вызывало дружный взрыв хохота и рукоплесканий.

Под аккомпанемент этой лиры, издававшей звуки, похожие на одновременный скрип доброго десятка немазанных телег, широкомордый Мороз, слегка подмигивая, выдавал иногда такие штучки, что многие зрители вместо смеха крепко задумывались и, поглядывая друг на друга, почесывали затылки. Происходило это обыкновенно тогда, когда по каким-либо причинам отсутствовало всевидящее око военной полиции и вездесущая тень капитана Гречкина.

Наш духовный наставник, полковой священник, становившийся когда-то перед походом во главу полка, с тех пор как одним из первых в полку заболел далеко не цензурной болезнью, вовсе перестал показываться солдатам на глаза и принимал лишь участие в полковых офицерских попойках. Концерты эти Мороз часто заканчивал вместо гимна любимой солдатской песней:

Твоя жизнь это та же могила,
Что ни час в наступленье иди.

Во время исполнения этой песни его бархатная могучая октава глубоко задевала сердечные раны старых воинов и часто вызывала невольную скупую горькую слезу.

По вечерам после поверки по дымящимся землянкам начинали робко ползать какие-то странные, неопределенные слухи о какой-то сказочной свободе, о новом царе, о неясных волнениях в столице и т. п. При мерцающем свете мрачных коптилок, под вечно неумолкающий шум неугомонного потока слухи эти в десятках всевозможных вариантов незримыми волнами колыхались по лагерю и возбуждали радужные и яркие надежды в заскорузлых мозгах серых подземных жителей.

Числа 12 или 15 марта 1917 года, точно не помню, выстроенный длинными стройными рядами полк заканчивал вечернюю поверку. В это время со стороны правого фланга на прекрасном вороном коне прошмыгнула какая-то мрачная фигура и остановилась слегка поодаль фланга. Дежурный офицер, отделившись от строя, скомандовал:

— Полк смирно! Господа офицеры! — и направился к подъехавшему, но эта темная фигура отмахнула рукой, и дежурный офицер в недоумении остановился.

— Командир дивизии — генерал Пронтов, — пробежал по рядам сдержанный шепот.

— Что-то неладное, братцы, привез, — пробасил Мороз. — Глянь, фуранька як кверху сзаду задралась.

Действительно, может, происходило это случайно, но всегда, когда генерал появлялся с недобрыми вестями, широкие поля его фуражки сзади были задраны кверху, а голова опущена вниз. Оркестр непонятно по чьей команде заиграл гимн «Боже, Царя храни!». Но генерал замахал руками, и оркестр умолк.

Тогда Пронтов выехал вперед, остановился перед полком и произнес сдавленным глухим голосом:

— Их Императорское величество Николай Второй, император всея Руси, царь Польский... и т. д. и т. п. [27 февраля] 1916 года³⁷ отказался от престола.

³⁷ Видимо, неточность или описка: отречение состоялось 15 (2) марта 1917 г.

Он, кажется, продолжал еще что-то говорить, но в этот миг раздался такой оглушительный взрыв «Ура!», что генерал снова повесил голову, а поля его фуражки загнулись кверху. В воздух непрерывно летели папахи. Солдаты хватали друг друга за руки и крепко жали их.

— Братцы, тут и войне конец! — прозвучал могучий рев Мороза. Его попытались качать, но уж слишком велика была эта махина, и он, шутиливо помогая восторженным товарищам, сам смеялся и, размахивая руками, слегка подпрыгивал от земли. Потом Пронтов поднял руку кверху и терпеливо ждал, когда умолкнет разбушевавшаяся стихия.

Прозвучала команда «Смирно!». Приученные к строгой военной дисциплине солдаты сразу умолкли. Пронтов продолжал:

— Император Николай Второй отказался от престола в пользу великого князя Михаила.

Генерал круто повернул коня и скрылся в сгущающихся вечерних сумерках.

— А трясца ему в зад, — с досадой рывкнул Мороз. Под звуки невнятного ропота серая масса шинелей стала растекаться по своим землянкам.

Итак, об отречении Николая и о Февральской революции мы узнали на фронте только через 12–15 дней после свершившегося факта.

Война всё же продолжалась. Но этот огромный тронутый с места улей в лице всей великой России, в массе оторванных от семей, от труда и мирной жизни, одетых в серые прокопченные, ободранные шинели людей, грозно гудел внутри. И опытное ухо «старого пчеловода» уже улавливало в этом шуме победные звуки великих грозных событий.

Примерно за месяц до Февральской революции мои документы были, в конце концов, присланы в штаб полка. Мне об этом сообщили, а еще через несколько дней я должен был отправиться в Киев, в военное училище. Но вечной затаенной мечтой моей жизни была летная школа, и я наотрез отказался от командировки, чем нарушил уже не первый раз военную дисциплину и был временно задержан при штабе полка.

С наступлением весны, когда обнажились горные вершины, а снега сползли в чащу и овраги, бурные кипящие реки, смывая на пути своем мосты и забытые избы, сбросили воды свои по горным ущельям в ярко зеленеющие равнины. Начал оживать и фронт.

Вероятно, по распоряжению высшего командования были предприняты новые попытки прорвать немецкий фронт в лесистых Карпатах — недалеко от румынской границы, в направлении Венгерской равнины.

Наши части за зиму пополнились, подучили молодых солдат, усилили артиллерией и так далее. Но и противник не дремал. Немцы хорошо укрепились на весьма выгодных для обороны опорных пунктах, для чего использовали наиболее высокие хребты и перевалы.

Одним из облюбованных нашим командованием пунктов, в районе которого предполагался прорыв фронта, была высота Прислен, расположенная вблизи румынской границы. На склонах своих она почти не имела лесов и угрюмо возвышалась над соседними высотами.

С наступлением благоприятных климатических условий наша артиллерия обрушила свой огонь на восточные склоны этой горы, где ясно обнаруживались ряды немецких укреплений. В развертывании этих боев я не участвовал, так как временно находился в штабе полка.

После первых неудачных лобовых атак из района сражения потянулись по долине реки сотни окровавленных раненых. Здесь, в долине, мне довелось встретить раненых офицеров своей роты и близких товарищей. Несмотря на тяжелые ранения, все они были довольны, что вырвались наконец из этого ада, где люди, обессилив от страшной усталости при подъеме по крутому склону, в изнеможении падали на землю перед укреплениями противника и тут же беспощадно уничтожались, не достигнув цели. Почти все пострадавшие имели ранения в голову.

Бессмысленная и глупая борьба за эту высоту тянулась продолжительное время и стоила нашей дивизии нескольких тысяч солдат только убитыми и около полусотни офицеров.

Полк наш быстро растаял и вскоре был снова отведен в резерв для нового пополнения. Это был тот же поселок Яблоново, в котором полк отдыхал прошлым летом перед началом боевых операций. Но я не узнал его сразу, здесь было построено много новых деревянных домов с резными украшениями и просторными верандами. Все они красовались на живописных холмах или обрывах над рекой.

Можно было предположить, что в этом поселке размещался какой-то крупный штаб, для которого наши солдаты выстроили эти хоромы, а сами сидели со своими неизменными вшами в мрачных сырых «подземельях».

Только по случайно уцелевшей вывеске на одной из заколоченных лавчонок я узнал, что это было то же Яблоново, где я прошлым летом впервые увидел Марийку.

Разместившись со своими ребятами в одной из заброшенных халуп, стоявшей довольно высоко на склоне прибрежной горы я невольно вспомнил о Марийке и, сам не сознавая, искал с ней встречи. Несколько

раз подходил я к дому, где в прошлом году недолго жили мы у ее отца, но ни Марийки, ни старого гуцула я там ни разу и не увидел. У крылечка избы постоянно крутились какие-то связные, денщик часто раздувал сапогом посиневший стертый русский самовар. Хозяева избы, по-видимому, были куда то выселены или сами ушли, подавшись от греха в горы. И так я постепенно снова стал забывать о Марийке. Ее образ, воскресший в моем воображении, потускнел и постепенно стухевался.

Через несколько дней, сидя у своей избы, я увидел внизу на дороге у реки всадника, который о чем-то расспрашивал встречного солдата. Последний, выслушав его, указал рукой в сторону моей избы.

Как велика была моя радость, когда я в незнакомом всаднике узнал своего любимого двоюродного брата Леонида Юшкина, с которым мы так чудно проводили последний летний месяц на Днепре, перед войной в 1914 году.

В настоящее время он командовал одной из рот Корсуньского полка³⁸, входящего в состав нашей же 82-й дивизии. Здесь мы вспоминали с ним наши детские проказы, революцию 1905 года, когда он прятал у нас оружие и нелегальную литературу, и наконец Днепр, тот самый божественно прекрасный Днепр, столь дорогой и близкий каждому русскому человеку. Песчаные холмы над ним старого варяжского кладбища с ярко-зелеными кудрями дубов, пышно украшавшими его берега, и темные синие воды, безмолвно бегущие к югу, уносящие в Черное море тайну веков нашей Родины.

В эту короткую встречу он посвятил меня в тайны сложной политики, которой тогда никто из нас не понимал и не ощущал. Солдатские умы бродили каждый по-своему, каждый смотрел со своей колокольни, но не было среди нас человека, который мог бы объединить все эти наблевшие чаяния, всё горе веков, слить их в одну могучую силу и раздавить его хитро сплетенную тину.

Это была моя последняя встреча с Леонидом, так как в одном из последующих боев он погиб, честно выполнив свой долг перед родиной.

Дни стояли теплые и тихие. С безоблачного синего неба ярко светило весеннее солнце, обогревая своими палящими лучами остывшую за зиму землю. По горным склонам струился теплый влажный пар. Весенние воды устремлялись в долины. Река успокоилась, и лишь мерный успокаивающий шум ее вод воскрешал разрушенные годами войны надежды и пробуждал уснувшие мечты. С одним из моих новых

³⁸ 327-й Корсунский пехотный полк.

сослуживцев, Данилой Сомовым, сидели мы поодаль избы на косогоре и подставляли спины горячему солнцу.

Данила вслух тосковал о забывшей его невесте и вполголоса тянул какую-то нудную украинскую песню. По склону горы и по нашим наклоненным спинам скользнула какая-то тень. Данила умолк и оглянулся.

— Эй, дивчина, не торопись, присядь-ка с нами и Расскажи нам чего-нибудь, — скороговоркой залепетал Данила. Но тень шаррахнулась в сторону и слилась с едва зеленеющими ветвями деревьев.

Я тоже повернулся. По тропинке, слегка выющейся вдоль косогора, быстро удалялась от нас худенькая женская фигурка в праздничном гуцульском наряде. Неужели Марийка? Внезапная мысль эта обожгла меня, точно огнем. Я встал и, ничего не сказав Даниле, пошел вслед за девушкой. Снова замедлив шаги, она продолжила свой путь, наклонив низко голову. Она или нет? Бог ее знает. Я видел ее всего лишь несколько дней. А этот кошмарный минувший год тяжелым бременем улегся в моем сердце и раздавил в нем чувства и воспоминания.

Когда между нами оставалось не более двух шагов, я нерешительно окликнул:

— Марийка!

Девушка вздрогнула и быстро повернулась ко мне. Она! Ее глубокие печальные глаза. Несколько секунд Марийка молча смотрела на меня. Глаза ее открывались всё шире и шире. Горькая улыбка мгновенной радости быстро сменилась выражением глубокой тоски и безграничного страдания. Как дикая серна она отпрянула в сторону и закрыла лицо дрожащими руками.

Лицо это, когда-то прекрасное и чистое, теперь искаженное отпечатком ужасной болезни, последний раз мелькнуло передо мной и быстро исчезло в густых еловых зарослях. Я не пытался ни преследовать, ни разыскивать ее. Новая встреча для нее была бы слишком тяжелая, а для меня бессмысленная.

Прогуливаясь однажды в свободное время по ближайшим холмам, я случайно встретил там старого гуцула — отца Марийки. Старик настолько одряхлел и сгорбил, что его с трудом можно было узнать.

— Дядя Мыкола! — обратился я к гуцулу, вскапывающему свой маленький клочок пригодной для посадки картофеля земли.

Он немного выпрямился и, прикрыв от солнца глаза рукою, долго присматривался ко мне, потом, воткнув лопату в землю, пошел ко мне навстречу. Мы тепло поздоровались и дружески смотрели друг другу в глаза. Я хотел помочь ему вскапывать землю, но он наотрез отказался.

Опасаясь затронуть тяжелую сердечную рану бедного гуцула, я никак не мог собраться с мыслями и начать какой-либо отвлеченный разговор. Старик вытащил из кармана трубку, набил табаком, закурил и присел на траву. Я тоже опустился против него.

— Я думав, что тебя, хлопче, уже давно на этом свете нету, да видно, Бог уберег.

Посмотрев пристально на мое лицо, он добавил:

— Год тому назад уходил ты от нас совсем малым хлопчиком, а вернулся настоящим солдатом; видно, и тебе нелегко пришлось в наших темных горах.

Я вкратце рассказал ему о моих мытарствах и переживаниях за этот тяжелый год. Старик попыхивал трубкой и горестно качал головой. Ему, видимо, хотелось сообщить мне о чем-то важном и тяжелом, что омрачало его старческую душу, начать же этот разговор он никак не мог.

Но, откровенно говоря, очень тяжело быть бесполезным свидетелем чужого несчастья, и поэтому, не желая исполнять эту нелегкую для меня роль, я встал и напомнил, что мне нужно идти, простился со стариком.

Отпуская мою руку, он всё же не выдержал и проговорил глухим убитым голосом:

— Скажи, хлопче, спасибо вашим офицерам за то, что погубили Мариюку, прощай, бувай здоров.

Старик снова низко склонился над дышащей весенним теплым паром землей. Своим жалким, страдальческим видом в эти минуты он походил на человека, роющего могилу для самого дорогого, самого близкого ему существа.

Разнохарактерная политическая пропаганда в войсках всё усиливалась и кружила неискушенные солдатские умы. Всё слушали, всё принимали и одобряли, но воевать больше никто не хотел. Офицеры постепенно теряли свою власть, уединялись, и, наконец, между ними и солдатами образовалась непреодолимая пропасть. Росли и формировались два неравных лагеря: лагерь войны и лагерь мира. Политическая борьба двух основных частей ширилась и углублялась. Солдаты доставали где-то красную ткань и накалывали себе бантики, чем явно раздражали консервативную часть офицерства. Самым тупым и непримиримым оказался капитан Гречкин. Однажды, проезжая в пролетке по дороге берегом реки, он повстречал двух едущих верхом казаков. Пожилые, но brave кавалеристы даже не собирались приветствовать

«лихого капитана» и, не обращая на него никакого внимания, ехали себе мимо.

Гречкина взорвала такая, по его понятиям, наглость, и он, остановив пролетку, заорал своим отвратительным лающим собачьим голосом:

— А где честь?!

Казачи переглянулись, огляделись по сторонам, потом, как по команде, их нагайки взлетели в воздух и со свистом обрушились на горбатую спину капитана Гречкина. Ошеломленный вояка настолько растерялся, что в свою очередь начал стегать хлыстом по спине своего возницу и, потеряв фуражку, еле унес свои бранные кости.

После нового пополнения полк наш остался в резерве и больше не участвовал в боях на Карпатах. Брожение среди солдат быстро прогрессировало. Измученные тяжелыми условиями борьбы и жизни в горах, солдаты и слышать больше не хотели о войне. Большевистская агитация находила здесь прекрасную почву для своих идей и имела колоссальный успех. В силу всех этих обстоятельств высшим командованием было решено вывести полк из Карпат.

И вот в один из последующих дней на рассвете серая лава покорных сгорбленных людей двинулась вниз по долине Черемоша старым знакомым путем.

Чем дальше уходила колонна от черно-зеленых угрюмых хребтов, тем веселее становились солдаты, несмотря на усталость и возрастающий жар. Серые зимние папахи были молодецки сбиты на затылки. Вперемешку с оркестром звучали задорные солдатские песни и звонким эхом отдавались в ущельях и долинах соседних ворчливых потоков.

Привыкшие за протекший год к русским солдатам гуцульские бабенки, раззадоренные звуками музыки и игривыми беззаботными песнями, вертелись толпами у пыльной дороги, задорно галдели, трещали и бесцеремонно дразнили бойцов своим вызывающим веселым смехом.

Долину Черемоша сейчас было трудно узнать. Там, где год назад с трудом перебирались через реку чуть ли не вброд, теперь красовались широкие, из чисто тесанного дерева мосты. Рядом со старыми покосившимися избами выросли новые большие деревянные дома с резными наличниками, балкончиками и верандами, всё сияло свежестью и чистотой.

По узкоколейной железной дороге, надрываясь, пыхтя и извергая клубы черного дыма, бежал маленький паровозик и тащил за собой

десятка два груженных платформ, на которых сидели в своих пестрых нарядах довольные гуцульские бабы.

Чем ближе к концу подходил наш путь, тем сильнее жгло солнце и ярче казались пологие склоны. Пышным бело-розовым цветом были одеты сады, щедро осыпая землю снежинками нежных своих лепестков. Широкая грудь многолюдной колонны жадно вдыхала родной и знакомый запах садов, и мысль о далекой покинутой родине больно щемила солдатское сердце.

К исходу третьего дня горы внезапно растаяли; бесконечная серая лента колонны, оставляя за собой густую завесу клубящейся пыли, растянулась по зеленой безбрежной равнине.

На одной из небольших железнодорожных станций полк был погружен в теплушки и направлен в район города Тернополя, где в это время готовилось новое и последнее на Юго-Западном направлении наступление. Старый командир полка полковник Чижевский куда-то исчез, на его место прибыл новый молодой полковник — офицер Генерального штаба; человек гуманный и мягкохарактерный³⁹.

Наступление готовилось в широких масштабах, намечался большой прорыв немецко-австрийского фронта. Пока полк находился в резерве, мы были свидетелями крупных подготовительных операций. Огромное количество артиллерии разных калибров двигалось по ночам к фронту и занимало позиции в укрытых местах. Сюда была подтянута даже английская тяжелая одиннадцатидюймовая артиллерия. Прямо у дорог на окраинах местных деревушек разгружались и складировались в штабеля снаряды. Подтягивались склады, продовольственные обозы, лазареты. Кое-где вырастали мачты редких в то время радиостанций. Для наблюдения за вражескими позициями в голубом безоблачном небе вдоль линии фронта повисли десятки аэростатов. Трескучие воздушные тихоходы того времени как той, так и другой стороны

³⁹ В данном случае автор, возможно, спутал год. Еще в июле 1916 г. полковник Н. К. Чижевский, судя по всему временно, был отстранен от командования. Непродолжительное время его замещал начальник штаба 82-й дивизии Генерального штаба полковник И. А. Рот. 8 августа (26 июля) командиром полка стал полковник Попов. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 136. Л. 268.) Вскоре Чижевский вернулся. В ноябре 1916 г. ему присвоили генеральское звание, а 30 (17) ноября он вместе с командиром 1-го батальона Багрецовым был отстранен от командования за то, что 1-я и 3-я роты отказались идти в атаку на хребет Прислип. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Л. 4 со ссылкой на следующее дело: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 147.)

бороздили воздух или, вынырнув где-либо незаметно из-за леса, поджигали ракетами баллоны аэростатов, при этом в воздухе происходила огромная вспышка, а корзина наблюдателя вместе с ее пассажиром камнем летела вниз⁴⁰.

Немало хлопот стоило командованию, чтобы уговорить войска пойти в наступление. Командир полка сам ходил по ротам и всячески старался повлиять на упрямый народ.

— Братцы! В последний раз исполним свой долг перед родиной, — чуть ли не со слезами говорил он бойцам. — А там и войне конец, и по домам пора.

В нем не чувствовалось вовсе старого офицера-солдата, и исполнять «свой долг» ему так же не хотелось, как и каждому из подчиненных ему солдат.

Атака на вражеские позиции всё же состоялась. Грандиозная артиллерийская подготовка беспощадно разрушила укрепления врага. Широчайший огненный вал вздымал к небу столбы земли и пламени. Тяжелая артиллерия глухим непрерывным громом заставляла невольно держаться поближе к земле.

Не обошлось и здесь без досадных казусов: несколько тяжелых одиннадцатидюймовых английских орудий во время стрельбы разорвалось, угробив при этом десятки лучших артиллеристов. Дело в том, что снаряды изготовили на наших заводах вредительским, вероятно, методом, не точно соответствовали калибру орудия и при выстреле разрывали его казенную часть.

Первая атака кончилась неудачей, так как войска противника, определив начало артиллерийской подготовки, скрылись в так называемых лисьих норах и по окончании последней снова заняли свои места на переднем крае обороны.

После первой неудачи командование пошло на хитрость: произведя новую короткую подготовку, артиллерия умолкла, солдаты с криками «Ура!» произвели демонстрацию ложной атаки. Немцы же в этот

⁴⁰ Впервые аэростаты в русской армии были применены в годы русско-японской войны. В дальнейшем начали появляться специальные воздухоплавательные роты. К началу Первой мировой у нас было 11 воздухоплавательных рот, а концу 1917 — 87 отрядов, не считая две морские воздухоплавательные роты. Всего к концу 1917 г. на вооружении было 93 аэростата. За 1917 г. из строя выбыло 10 аэростатов по метеорологическим условиям, 52 оказались сбиты (41 вражескими самолетами, 7 уничтожены на земле, 4 — артиллерией). См.: *Анощенко Н. Д.* Воздухоплатели. М., 1960. С. 7–25.

момент снова заняли передний край обороны и последовавшим внезапно новым мощным огневым шквалом были застигнуты врасплох, прижаты к земле и большей частью уничтожены.

Командир нашего полка сам шел в атаку с передними цепями и, будучи еще не обстрелянным, всё время кланялся земле при потрясающих воздух ударах нашей тяжелой артиллерии. Прорыв был совершен, но наступление не получило развития, так как солдаты, сознавая, что войны так никогда не кончить, бросали фронт и уходили обратно. Немцы этим воспользовались и, в свою очередь, начали развивать наступление.

Наш полк целиком отошел в резерв, дальнейший же натиск немцев сдерживали другие части нашей и других дивизий.

В один из таких дней, когда брожение среди солдат доходило до высших пределов, полк был выстроен огромным квадратом и ждал какого-то неизвестного события. Через некоторое время подкатила черная бричка, в которой сидел sereneкий тщедушный генерал и какой-то странный тип во фраке и цилиндре. Впоследствии оказалось, что это были Корнилов⁴¹ и французский министр Альбер Тома⁴².

Темпераментный француз выступил с речью, стоя на бричке, он потрясал в воздухе кулаком и тростью. Голос его, похожий на охрипый лай, на совершенно непонятном солдатам французском языке, вызвал добродушный смех у последних. Когда он кончил, все с удовольствием прокричали ему «ура» и долго хлопали в ладоши.

После французского министра выступил генерал Корнилов, его жалкая серая бесцветная фигура не внушала к себе никакого уважения. Он переводил речь француза и долго лепетал от себя, но все эти речи сводились к тому, что сейчас же необходимо идти на фронт и продолжать наступление, поддержать наших союзников и обеспечить победу.

— Шалишь, брат, — злобно посмеивались себе в кулак солдаты, и когда Корнилов, наконец, закончил свою длинную невнятную речь, живой квадрат ответил на нее глубоким молчанием.

⁴¹ Корнилов Л. Г. (1870–1918) — выдающийся разведчик и военачальник. В годы Первой мировой командовал 48-й пехотной дивизией. Весной 1915 г. попал в плен, летом 1916 г. бежал из плена. Получил в командование корпус. Во время Февральской революции назначен командующим Петроградским военным округом. В конце апреля 1917 г. назначен командующим 8-й армией. Уже вскоре благодаря политической поддержке стал главнокомандующим Юго-Западным фронтом, а через неделю и Верховным Главнокомандующим.

⁴² Тома А. (1878–1932) — французский министр-социалист. В 1917 г. как министр вооружений ездил с переговорами в Россию.

Еще через день-два снова был выстроен полк и долго ждали прибытия какого-то нового гостя. Наконец с наступлением сумерек явился сам Керенский⁴³. Заложив руки за пуговицы френча, Александр Федорович закатил полную пафоса и «благородных призывов» речь, которая у неискушенных добродушных солдат имела даже некоторый успех. Когда его трогательная речь подходила к концу, вокруг Керенского зажгли бенгальские огни, и он, освещенный их ослепительным светом, продолжал как истукан неподвижно стоять на одном месте, стараясь придать своей фигуре подобие героического монумента. Ему тоже прокричали «ура» и хлопали в ладоши.

А ночью с большим трудом удалось ему скрыться. Спасла его от солдатских пуль южная черная ночь. Теряя надежду использовать для продолжения войны фронтовых солдат, искушенных мыслями о непреходящем мире, временное правительство мобилизовало полицию, сформировало женские батальоны, и вся эта мразь была брошена на фронт для водворения порядка. Но было уже слишком поздно. Сердцами измученных усталых людей завладело новое великое имя. Ему верили, перед ним преклонялись. Это был Ленин.

Наш полк, как наиболее пострадавший в тяжелых условиях горной войны, конечно, легче других воспринял большевистскую пропаганду. В результате этого влияния 326-й пехотный полк к октябрьским событиям получил почетное звание Первого большевистского полка.

С первого ноября 1917 года я получил отпуск и поехал в Петроград, где в то время гостила у родственников моя мать. Следом же за мной и весь полк был срочно погружен в теплушки и направлен в Петроград, как тогда говорили, на защиту Ленина.

По прибытии в город полк был размещен в здании современной филармонии и нес караульную службу в Смольном. Часть полка вскоре была демобилизована, а оставшиеся вошли в состав организованного на его базе батальона Красной гвардии, который впоследствии отбыл на фронт.

После демобилизации я сразу поступил на работу в 17-ю дистанцию службы пути сев[еро]-зап[адной] железной дороги и одновременно с величайшим жаром принялся за учебу.

⁴³ Керенский А. Ф. (1881–1970) — политический деятель. С 20 (7) июля (и до Октябрьской революции) премьер-министр временного правительства.

**«ГОСПОДИ! СКОРО ЛИ КОНЧАТСЯ
НАШИ МУКИ!...»:**
дневники прапорщика К. В. Ананьева

Прапорщик Константин Васильевич Ананьев родился в мещанской семье 2 июня (20 мая) 1897 г. в Петроградской губернии. Он окончил 6 классов Придворной певческой капеллы¹. Патриотический подъем, отмеченный в российском обществе с началом Первой мировой войны, видимо, захватил и его, а потому после окончания обучения 14 (1) января 1916 г.² он был зачислен во Владимирское военное училище на 4-месячный курс ускоренной подготовки офицеров. К присяге он был приведен 3 марта (19 февраля) 1916 г., а 14 (1) апреля — произведен в унтер-офицеры. 14 (1) мая К. В. Ананьев получил первый офицерский чин прапорщика с правом производства в подпоручики по истечении 8 месяцев со дня производства (а за боевые отличия в любое время). На службу он отправился в 159-й пехотный запасной батальон младшим офицером 4-й роты³. Однако в тылу он не задержался и при первой возможности ушел на фронт — в 405-й пехотный Львовский полк. На фронте он был до конца 1917 г. К сожалению, неизвестно, как сложилась его дальнейшая судьба. Дневники были обнаружены в семье Р. В. Степанкова и переданы в Благотворительный фонд имени адмирала Павла Жонеса, который предоставил их для изучения в Российское военно-историческое общество.

405-й пехотный Львовский полк был сформирован приказом Верховного главнокомандующего за № 460 от 19 (6) июля 1915 г. Он входил в состав 102-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса 8-й армии. 12–13 августа

¹ Историю свою она начинает с 1476 г., когда Иван III создал Хор Государевых певчих дьяков. С XVIII в. — Придворная певческая капелла. В 1796 г. ее директором стал Д. Бортнянский. В настоящее время носит название «Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга».

² В дневниках указана дата 24 (11) января.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 111806. Л. 1–3.

(30–31 июля) 1915 г. он принял участие в боях у Слободзеи. Зимой 1915–1916 гг. в нем были сформированы специальные гренадерские части⁴.

В полк К. В. Ананьев прибыл только в августе 1916 г. Летом полк долгое время находился в дивизионном резерве. И только оттуда 14 (1) августа он выступил на фронт — на смену 1-го и 2-го гвардейских стрелковых полков на р. Стоход. Льговцы заняли позицию от дороги из д. Остров-Волос на высоте 90,0 до дороги у д. Большой Усовец (на позициях разместились 1-й, 2-й и 3-й батальоны, а 4-й остался в резерве)⁵. В конце сентября — начале октября 102-я дивизия была включена в состав 25-го корпуса Особой армии генерала В. И. Гурко⁶, которая вместе с 8-й армией генерала А. М. Каледина в очередной раз (и снова неудачно) пыталась развить наступление на Ковель. Все оставшиеся месяцы 1916 г. 405-й Льговский полк оставался на р. Стоход, укрепляя позиции и вступая в отдельные стычки с германцами. Практически ежедневно войска несли потери от обстрела противника. Так, за август 23 нижних чина были убиты, а 133 — ранены и контужены⁷. После Февральской революции полк был снят с фронта и переведен в резерв⁸.

Дневник К. В. Ананьева публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с незначительной стилистической редакцией и сокращениями, не влияющими на то, как сам автор осмыслял свое участие в великой войне. Даты в тексте приводятся по старому стилю.

⁴ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. 405-й пехотный Льговский полк. Л. 1–2.

⁵ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.

⁶ Гурко В. И. (1864–1937) — генерал, сын известного фельдмаршала, еще до Первой мировой войны успел себя проявить в качестве военного, дипломата и историка. Войну встретил во главе 1-й кавалерийской дивизии, с которой участвовал в наступлении в Восточной Пруссии. 30–31 (17–18) августа организовал дерзкий рейд через германские позиции на Алленштайн с целью оказать содействие попавшей в окружение 2-й русской армии. В сентябре успешно действовал в боях в Августовских лесах, у д. Рачки не допустив разгрома 3-го Сибирского корпуса. В октябре 1914 г. возглавил конный корпус, а затем получил в командование 6-й армейский корпус (Западная Польша). Именно на его фронте в январе 1915 г. под Болимовым германцы произвели первую химическую атаку на восточном фронте. В мае–июне 1915 г. в боях на Днестре расстроил два вражеских корпуса, захватив 13 000 солдат и офицеров и 6 орудий, за что удостоился ордена Св. Георгия 3-й ст. В дальнейшем возглавлял 5-ю и Особую армии, а зимой 1916–1917 гг. был вр. и. д. начальника штаба Ставки, разработал свой план операции на 1917 г.

⁷ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 2–31.

⁸ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. 405-й пехотный Льговский полк. Л. 3–4.

Дневник прапорщика К. В. Ананьева

11 января 1915 г.

Сегодня поехал в Капеллу и узнал, что все товарищи приняты в училище и зачислены на январский курс. Сразу же я отправился во Владимирское военное училище на мед. осмотр, и там мне сказали: «Желаете, являйтесь сегодня». Я, конечно, согласился и за 2 часа приехал в Капеллу, успел сыграть выходной экзамен на контрабасе и получить «5».

К 3 ½ час. дня я, радостный и довольный, почти бежал к трамваю, и мне казалось, что он так тихо меня везет, как никогда. Все-таки я благополучно дошел до училища и с робостью и боязнью вступил на его порог, последний раз — штатским. Явился к дежурному офицеру. Минут через 40 я, уже одетый в юнкерское одеяние, шествовал в зал для слушания лекций...

Перенесусь на ½ года вперед...

1 июля 1916 г.

Я уже 1 мая надел офицерские погоны — теперь лечу на позицию.

Итак, мое желание осуществилось — попасть с офицерскими погонами на позицию. Не мог я усидеть больше 1 ½ месяцев в 159 пех. зап. полку: тоска, хоть и в город съездишь, и на занятиях иногда перестараться, но всё хочется чего-то другого, более существенного, чем это — это прозябание по году и ½ года в запасном полку¹. Видишь, как многие стараются остаться в полку как можно дольше и бледнеют при вести о командировании <...>

* * *

Невероятно долго тащится поезд, сейчас 10 час. вечера, а выехали в 4 часа, до Луцка всего 12 верст. Поезд остановился где-то в лесу у землянок, видно, что зимовала какая-то большая часть. Почти по всему пути телеграфные столбы подпилены и поставлены новые. Побродив, мы пришли в вагон и улеглись спать...

¹ Отметим, что точно такое же отношение к службе, правда, в 10-й инженерной рабочей дружине, высказывал в неопубликованной части дневника и А. Я. Семаков.

13 июля 1916 г.

Толчок — я проснулся, посмотрел на часы — 8 час. утра — и это поезд всё тащится до Луцка. Какие-то разоренные избы, поля — всё застыло, несмотря на близость войны.

Проехав еще минут 10, мы узнали, что дальше поезд не идет, т. к. вокзала не существует — разрушен до основания. Вынесли под откос вещи офицеров на фронт; и не можешь оставаться среди таких...

Многие говорят: «Вы подумайте, что, быть может, ожидает Вас там». Действительно, может случиться и нечто ужасное — всё бывает, но неужели можно думать — на занятиях, лежа в тени на траве, когда кадр стареет, [и при этом] учить, что здесь приносишь пользу. Правда, не все такие, есть и такие, которые приносят и здесь громадную пользу — подготавливая будущих и воодушевляя старых бойцов за Родину.

Конечно, само собой понятно, что рвение попасть на фронт не ограничивается желанием пострадать за Родину, здесь помимо всех патриотических чувств проглядывает и черточка эгоизма, т. е. одновременно оно приносит пользу как другим, так и себе, кто этого не скажет по чистой совести².

Хотя действительно будет тяжело на позициях, но ведь миллионы людей выносят всё, так почему же мне, здоровому, молодому, не вынести — пустяки. Ну да там видно будет. Что будет то будет?!

1 мая 1916 г.³

Сегодня день великий, день, который останется навсегда в памяти каждого юнкера, произведенного сегодня. Как-то не верится, что через несколько часов будешь офицером... Хотя все приготовленные одеяния: китель, офицерское снаряжение, — всё говорит о чем-то радостном, которое произойдет очень скоро... и которого так нетерпеливо дожидались 4 месяца.

Наконец, в 9 час. послышалось известие: «Стройся на производство», и мы на скорую руку становились, толпились и весело болтали,

² Крупный исследователь создания русской армии в годы Первой мировой войны А. Б. Асташов также отмечал подъем патриотических настроений в войсках в период Брусиловского прорыва. См.: *Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность*. М., 2014. С. 113–124.

³ Такая последовательность событий дана в самом тексте дневника. Видимо, автор возвращается на полтора месяца назад, к моменту присвоения первого воинского звания.

называя друг друга прапорщиками и гг. офицерами. Вот мы уже стоим в зале, где нас при поступлении исследовал медицинский осмотр, куда мы вошли статскими, а выйдем... офицерами, почти не слушая чтение разных приказов и пр., мы ждали телеграммы Государя Императора о производстве, которую с большой торжественностью прочитал нам начальник училища г[енерал]-м[айор] Пестриков⁴. Долго мы кричали «ура!» Государю и семье и начальствующим миром и пели гимн раза 4. После этого нам каждому выдали по приказу о производстве, и каждый, найдя свою фамилию, складывал приказ в длину вдвое и клал под погон. После этого нас поздравляли свои офицеры. Итак, я — офицер.

Затем был молебен, после которого мы, счастливые и довольные, толпой, не строем, пошли переодеваться. Переодевшись, я пошел на улицу искать извозчика. Надев 1-й раз в жизни офицерский мундир, мне как-то не верилось, что я действительно в нем, и идя первое время, не мог не улыбаться и косо поглядывать на стекла, в которых было мое отражение!!! Но иногда, хотя и странно, я готов был опять превратиться в юнкера, но всё-таки в конце концов я сладил с собой и понял, что из себя представляю.

Был у многих знакомых. Все с довольными лицами поздравляли меня.

<...>

5 мая

Сегодня еду в Аткарск⁵. С училища был расчет 3-го [мая], и вечером я был у мамы крестной, а 4-го, распрощавшись с миленькими Лисяшей и Масяшей, я уехал на Сиверскую.

Утром до поезда с Зиной съездили на кладбище на могилу папы. Ах! Папа! Папа! Зачем тебя нет сейчас, почему ты так рано умер, не благословил нас на войну, прости, прощай! Вечером, распрощавшись с провожавшими меня родными, я уехал к месту своего служения.

⁴ Видимо, имеется в виду генерал-майор Н. С. Пестриков (1867–1934). Службу начал в лб.-гв. Московском полку. В 1896 г. окончил Николаевскую академию Генштаба. С 1910 г. — инспектор классов Владимирского военного училища. После Октябрьской революции — в РККА. По одним данным остался в СССР, по другим — в 1920-е гг. эмигрировал и умер в Белграде.

⁵ Город Аткарск (с 1760 г.) — расположен в Саратовской области. В 1907 г. здесь проживало 13 000 человек.

Во всё время прогулок я был в веселом расположении духа, да как же: новая жизнь, служба и пр. — всё кажется как-то радостно и весело. Приехал также и Леня с позиций, когда узнал, что я еду, приехал на вокзал. Как все-таки обидно — почему его до сих пор не произвели в чиновники, а мне пришлось стать чином выше его, даже как-то неудобно, ведь я младший брат, и только 20-го мне исполнилось 19 лет.

<...>

* * *

Наконец наш Всеславный Аткарск. Остановились компанией 4 человека в гостинице.

8 мая 1916 г.

Вскоре мы уже ехали по двое в лагерь, в полк, представляться полковому ком[анди]ру и всему нач[альст]ву. Я ехал с прапор[щиком] Красовским, мы очень хотели попасть в одну роту. Как забились наши сердца, когда мы завидели ряды блестящих на солнце палаток! Что-то ожидает нас здесь? Въехали в лагерь: как здесь кипит жизнь, солдаты так и снуют по всем направлениям... Вот мы уже, подтягиваясь, стоим у полковой канцелярии. Вскоре представились адъютанту. Меня и Красов[ского] назначили в одну роту — 4-ю. Здесь случайно находился и наш ротный ком[анди]р подпоруч[ик] Тибенко, георгиевский кавалер, довольно симпатичный человек.

Узнали, что идет полковой командир, ген[ерал]-м[айор] в отставке полковник Гаврилов, мы по-юнкерски разобрали складки, заволновались. Начали представляться, волнуются, запинаятся, но моя очередь прошла довольно сносно. Сказав небольшую речь, он ушел, мы вздохнули посвободнее...

Вот я и Крас[овский] уже в палатке заместителя ротного — прапор[щика] Ляшенко, познакомились и, узнав, что можно приехать завтра, мы уехали в город, где провели остаток сегодняшнего и до 9 вечера следующего дня, шатаясь по саду, в кинотеатр и пр.

<...>

10 мая 1916 г.

Стали посещать занятия, вперед всё интересовало, но в конце концов только и думаешь, как бы удрать отсюда куда-нибудь подальше... Полк не совсем сформированный, своих кухонь нет, обоза нет. Людей в ротах тоже не хватает. Полковой ком[анди]р полк[овник] Гаврилов, ген[ерал]-майор в отставке, делами полка почти не заведует, а всё

делает адъютант. Живет он со своей племянницей (женой), которая тоже оказывает свои давления, что чувствуется на парадах и смотрах. На занятиях никогда не бывает, поэтому гг. офицеры почти все ленятся да покуривают. Между прочим, он носит погоны полковника и заставляет всех, не исключая и гг. офицеров полка, называть его Превосходительство. На этой почве были инциденты, некоторые отказывались так его называть. На параде полк ответил: «Превосходительство!», а сотня казаков: «Ваше сок родь!»⁶. Я, приехав в полк, почти сразу увидел это, и как-то не по себе показалось мне здесь, не видя той железной училищной дисциплины, и через 3 недели подал рапорт о назначении в действ[ующую] армию, и скоро, не видя назначения, выхлопотал разрешение ехать с маршевой ротой — с 4-й, т.е. нашей. Но...

22 июня 1916 г.

...пришло извещение о назначении 14 офицеров в действующую армию одиночным порядком, я сразу же полетел к полковому ком[анди]ру и попросил меня назначить в списки этих офицеров, а меня заменить другим офицером, и таким путем я был назначен ехать на фронт.

24 июня 1916 г.

Сегодня состоялся расчет с отъезжающими офиц[ерами]. В 2 часа прощался со своей ротой, сказав несколько слов, и поспешил уйти, чтобы не разволноваться, но солдаты, догнав меня, начали мне крики «ура!» кричать. И через 15 мин. мы, распрощавшись с денщиками, под крики «ура!» выстроенной нашей роты, махая им фуражками, выехали из лагеря, а в 11 час. вечера, искренне и сердечно распрощавшись с офицерами, провожавшими нас, мы уехали из Аткарска и долго смотрели на светящийся в темноте ночи наш лагерь, где все-таки иногда время проводили очень хорошо.

27 июня 1916 г.

Приехал к Тане в Михайловку, обрадовав их приездом.

Время проводили: утром и день дома, а вечер с Марусей Шумиловой, которая, правда, производит на меня очень милое и славное впечатление. По правде скажу, мы иногда очень страстно целовались, но дальше ничего, да и действительно, что потом было бы с ней, когда я уехал

⁶ Т.е. «Ваше высокородие».

на позиции. Она бы пропала во цвете лет, и на моей совести лежал бы большой грех, а она так хороша и мила, и я к ней привязался и даже полюбил, и она отвечает мне этим же. Ах! Как жаль расставаться с нею в последний раз, и я пожелал ей «никогда не заходить дальше поцелуев»...

* * *

...Как быстро пролетело время, и я уже мчусь, сделав пересадку в Воронеже, — в Киев, в этот старый таинственный город для меня.

Надо сказать, что у меня сильно разболелась нога и я едва хожу, хромаю, как раненый, а между прочим, только еду «туда».

Киев — особенного ничего не представляет, жизнь идет, как и везде, почти нигде, за исключением вокзала, незаметно войны.

Прогуливался по городу — город красивый, по улице вниз-вверх, и только масса старинных церквей, и Киево-Печерская Лавра, и Софийский собор, где я купил себе иконку и прикладывался к мощам святых.

Замечательный вид с Царского сада — люди прямо как муравьи. А внизу под обрывом течет Днепр, по которому скользят беленькие парходики. Был в театре. Остановился в гостинице «Ялта» Мих. Б. (24), встретил наконец товарищей — решили дальше действовать вместе.

Получили из Киевского Распределительного пункта предписание отправиться в штаб 36 бригады в Ровно⁷, и проведя последний вечер очень хорошо, мы на следующий день, ничего не купив, хотя и собирався, выехали из Киева.

8 июля 1916 г.

Придя на вокзал, мы нашли наш поезд уже набитым сверх-сверх нормы, но заставили носильщика устроить вещи, хоть на крыше, т. к. ехать надо. Поезд тронулся — мы ехали в I классе, но внутри всё было завалено вещами, и половина площадки тоже, и в остальном пространстве — считая и ступеньки, — расположились 11 офицеров. Само собою понятно — как ни смешно и ни странно — пришлось всю дорогу стоять на ступеньках вагона, прочно уцепившись и плотно закутавшись, погода была прескверная. Таким путем доехали до Казатина, дальше, пересев в крупный вагон, поехали в Ровно.

Местность уже с проволочным ограждением и окопами. Ехать тоже пришлось на площадке, народу тьма, и всё военные и военные.

⁷ Город Ровно, первое упоминание в 1283 г. С 1795 г. — в составе Российской империи. В настоящее время находится на Украине.

Погода прескверная, ехать тоже плохо, приходится всё время стоять, и нога ноет...

Около 40 мин. стояли под горой наши поезда — не пропускали, и наконец, медленно подняв на гору при 2 паровозах, подкатили к ст. Ровно. Цельный вокзал набит военщиной, и почти все боевые. Вещи оставили на вокзале, сами пошли к коменданту, который хотя и знал, но не сказал, где штаб 36-й бригады. Остановились в довольно скверной гостинице, с жидками, да надо сказать, и весь город населен сплошь жидками, напр[имер] в жидовский праздник улицы запружены парадом⁸, а в русский — почти никого, за исключением обыденной публики. Город грязный, скверный.

В 12 час. пошли к этапному коменданту, откуда нас направили обратно на ст. Здолбуново⁹. Поехали в товарном вагоне, откуда только что убрали лошадей, поставили кое-как доски и под свист дождя и под улыбки солдат поехали в Здолбуново. Там, к кому ни обратиться, никто не говорит, где штаб бригады. Хорошо, что нашел товарища 159 полка, и он свел нас туда. С виду никто не скажет, что это штаб: небольшое здание, как все, но с небольшой бумажной красивой вывеской. Отсюда нас опять отправили в Ровно в штаб 34 бригады, а где он, опять никто не сказал. Обратно ехали с транспортом на возах, удобно и мягко. В Ровно с трудом отыскивали штаб бригады, там ждали около 6-ти часов предписания и наконец получили — с назначением в 269 полк, а где он???

Кстати сказать, мы действуем вчетвером, и у одного 2 руб., а у остальных ни копейки. Сегодня не на что обедать, а что дальше — не знаем. А еще надо и в гостинице заплатить, и вещи выкупить из багажа, а также есть и завтра, и следующие дни. Да, никогда не был в таком бедственном положении — обращались и к комендантам, но нигде никаких авансов не дают. Сегодня ничего, товарищи накормили меня и других, но что дальше?!

11 июля 1916 г.

Кого ни спрашивали, никто не говорит, где 264 бат[альон], наконец, какой-то солдат смилостивился и сказал, с трудом и мытарствами отыскали батальон и канцелярию. Не успели подать рапорт о прибытии,

⁸ Подобное проявление антисемитизма было, к сожалению, типичным для русской армии в то время, так как евреи, особенно прифронтовой полосы, рассматривались в качестве потенциальных шпионов и предателей.

⁹ Город Здолбунов, первое упоминание в 1497 г. В настоящее время находится на юге Ровенской области, Украина.

как уже я пишу рапорт об отбытии в 102 дивизию в Львовский полк. 3-х остальных оставили прибыть., а я, как с начальной буквой «А», попал первым в 102 див[изию]. Так, значит, еще не всё кончилось, еще пока найдут дивизию и полк, Господи!!!

Едем! Нашел товарищей будущих в 102 див[изии], и едем завтра на поиски дивизии. Вечером, встретив Савельева и Иванова, пошли в 269 бат[альон] брать аванс и только после долгих разговоров он дал на 5-х... 15 рублей, ой! Ой! До чего дошло! Ужас!

А есть хочется, живот так и подводит. Хорошо, Борис Иванович звал чай пить и угостил сыром, колбасой и даже пирожным. Но все-таки как же дальше, пока есть 3 руб., но это что, ведь как ничего?

12 июля 1916 г.

Еще вчера вечером нас компания человек в 30 согласилась ехать сегодня вместе. Я, придя вчера вечером в гостиницу, застал одного Шумкова, который так и не обедал сегодня, а Мацута и Мальнов уехали в 266 бат[альон] к товарищам занимать, т.к. там выдали походно-порционные по 75 руб. А нам нигде ничего не дают. Долго он чертыхался и плевался, узнав, что я получил только 3 руб. и завтра уеду. Не хочется ему оставаться здесь, т.к. всех нашего полка, кроме них троих, отправляют дальше. Пописав немного дневник, я тоже улегся спать. А тех еще так и нет.

В 6 час. утра пришел на ночлег Лысенко, шатавшийся всю ночь с сестрой, а те так и не являются.

В 11 час. мы, попив чаю, хотели уходить, но пришел Мальнов, посидели, поговорили и вспомнили про счет, который предъявил хозяин, — на 16 руб. 50 коп., а у нас всего 2 р. 80 коп. Я заявил, что за самовар и постель заплачу 1 руб., а за квартиру пусть идет к коменданту, хотя хозяин и хозяйка долго спорили с нами, говоря, что комендант им не платит. Но я все-таки, не имея совсем денег, не мог заплатить свою долю, так и выехал, скорее вышел, забрав свои манатки, на вокзал. Хорошо, что хоть нога немного прошла, а то совсем бы дело ко-рявое было.

<...>

Бродя по вокзалу, я раздумывали и советовался с этим прапор[щиком], закусить здесь или нет, т.к. денег оставалось всего 1 руб. 35 коп., и все-таки не выдержал и заказал одно 2-е блюдо, иначе бы, наверное, набросился на хлеб, стоящий на столе. Прибежал Мацута, взял вещи с храпением, он говорит, что я должен заплатить, но я отказался от такой мысли. Смотрю, он через 15 мин. является и говорит — тоже еду, тоже

форменным образом, как и я, сбежал с гостиницы, а тем, бедным, придется расхлебывать всю кашу.

<...>

Луцк — город довольно обширный, и здания в нем, за исключением очень немногих, и то на окраинах, остались все целы; жителей сравнительно немного, но всё же есть и исключительно жида, которые оставались здесь во время австрийского владения городом. Время от времени появляются австрийские аэропланы — обстреливать город. Были на питательном пункте — т.е. в товарном вагоне, приспособленном в столовую. Там нас бесплатно покормили обедом и чаем. Расписались в книге посетителей, я написал: «Обедал и нашел всё в исправности. Пр[апорщик] Ананьев». В этой книге попадаются такие надписи, что тошно делается. Подождав с 12 час. дня до 6-ти часов вечера, мы наконец получили долгожданные подводы для отъезда в штаб дивизии. Сначала ехали все вместе — 10 подвод, но уже когда совсем стемнело, мы, 102 дивизия, очутились одни. Остальные 7 подвод исчезли. Стало уже совсем темно около 12 ночи. Попали на этапного коменданта и узнали, что поехали совершенно в другую сторону... Вот так фунт, это значит, ночевать в телеге... Кстати, здесь нашлось помещение для проезжающих офицеров, и мы остановились там ночевать...

Попали мы сюда из-за артил[лерийского] поручика, который будто бы знал дорогу и велел ехать прямо. Действительно, он попал, куда ему было нужно, а мы залетели черт знает куда. По шоссе всю ночь мчались автомобили, ехали обозы, транспорты, грохот стоял неимоверный.

14 июля 1916 г.

Встал около 10 час. Напившись, мы отправились на поиски дивизии. Нашли мы дивизию только в 11 час. вечера, в какой-то несчастной Марииновке, из-за которой блуждали целый день. Около часу дня захотелось есть до ужаса, хотели взять у солдат хлеба и хоть им закусить, но, скрепя сердце, поехали дальше, около 3-х час. дня нечаянно наскочили на штаб корпуса, здесь еще от нас отстало 2-е — назначили в 125-ю дивизию.

Напились чаю — поехали дальше, почти у каждого спрашивая, где дер. Марииновка. Местность красивая, и если бы не война, очень хорошо бы здесь жилось. Поля все кругом засеяны, и хлеб очень хороший. Везде по лесам стоят отряды кавалерии. Вдали слышна канонада. По небу разбросаны наблюдающие аэростаты, вдали в виде точек виднеются аэростаты противника. В пролетающие аэропланы наша артиллерия пускает снаряды, но, очевидно, безрезультатно — т.к. аэроплан

продолжает лететь, держится на большой высоте. На пути закусили в передовом лазарете <...>. Уже начало темнеть, а мы в самом веселом расположении духа, посмеиваясь над войной. Всё еще не можем найти дивизии. Наконец, спросив толкового писаря, узнали, что штаб дивизии недалеко, и поехали по верному направлению, и только, по пути заехав в 405-й полк, в 11 час. попали в 102-ю дивизию. Там нас устроили на ночлег в халупу, и несмотря на мчавшиеся по дороге зарядные ящики, обозы с понтонными местами и пр., мы скоро заснули блаженным сном.

15 июля 1916 г.

Проснулись под дребезжание стекол и дрожание земли от гула канонады, т. к. штаб дивизии [находится] всего в 3-х вер. от передовых позиций. Умывшись, хотели идти пить чай в оф[ицерское] собрание, но задержались, глядя на шесть австрийских аэропланов, бросавших бомбы и стреляющих по всем направлениям... Солдаты совершенно спокойно относились к происходившему. Я выходил из халупы с товарищами, надевал снаряжение, и вдруг смотрю — солдаты бегут, кричат. Товарищи слились с солдатами. Над головой послышалось жужжание снарядов, и вблизи начали рваться снаряды. Поднялась суматоха, солдаты бегут, некоторые попадали в ужасе на землю, бледные, прижимались к стенам зданий, а снаряды рвутся рядом. Вот уже бегут раненые, один упал, раненый осколком в грудь, и молит о помощи, но никто не обращает внимания, все полны желания спасти собственную шкуру и мечутся на всех направлениях. Я догадался, что обстреливают штаб дивизии с точнейшим попаданием. Снаряды рвались везде, и в халупах, и у палаток, и угодили прямо в дивизионную канцелярию, убив наповал работавших трех писарей, четырех телефонистов и дивизионного казначея. Один писарь побежал в лес, но и тут его достало и тяжело ранило. Я, слыша над собою жужжание снарядов и разрывы по всем сторонам, не знал, куда идти, и решил искать товарищей. На ходу застегивая снаряжение, я шел, спрашивая у перетрусивших солдат о товарищах, но никто их не видел. Вперед я наклонялся, заслышав снаряды, но потом решил, что это бесполезно. Пошел в халупу, но подумал — еще задавит, и пошел бродить. Вот уже и раненые, некоторые бегут, а кровь течет из спины, у другого — из головы, некоторые уже лежали, истекая кровью. Смотрю, за деревом вместе с солдатами бледный и дрожащий прячется кавалерийский поручик. Я уже решил, что везде достанет, и потому шел куда глаза глядят, зашел в канцелярию,

оттуда телеграфируют: «Сейчас разорвался снаряд и убил 8 чел.». Перепугав и переполошив всех с ½ часа, обстрел прекратился, наделав раненых и убитых около 15 чел. Самое скверное впечатление — это суматоха, беготня, трусость, не только солдат, но и офицеров. Но Слава Богу! Первое боевое крещение обошлось благополучно и я остался цел, хотя в 2-х саж. от меня нашел неразорвавшийся снаряд. Как видно, наши войска наступают, канонада поднялась невероятная. Говорят, 40-й корпус прорвал линию окопа противника. Около 12 час. дня нам подали подводу, и мы уехали из дивизии, получив предписание в учебный батальон — в тыл за 25 верст. По правде сказать, вздохнули посвободнее...

В 2 часа дня приехали в уч[ебный] бат[альон], есть хочется до ужаса, а денег нет. Но здесь нас накормили и напоили. Отсюда происходит пополнение офицерами и солдатами дивизии. Батальон стоит в лесу в палатках, а гг. офицеры и должностные учреждения помещаются в халупах. Офицерское собрание в избе, выкрашенной внутри мелом и черными линиями в виде обоев. В собрании нужно предъявлять талоны для обеда и ужина, которые приобретались за 50 коп. у официанта, но у вновь прибывших, также и у меня, нет ни копейки денег, и мы, естественно, ничего не платим, а только записываемся.

Местность кругом очень дивная: леса, полные зелени, поля, засеянные наилучшим хлебом.

Мы устроились в халупе — 8 чел. — без окон и дверей, но устроились так хорошо, что лучшего здесь желать нельзя.

16 июля 1916 г.

Занятия идут здесь так же, как и во всех запасных батальонах. Мы еще на занятиях не были и не собираемся, а ждем ежеминутно назначения на фронт. 7 чел. сегодня уехало в 407-й Саранский полк, наверное, скоро и наша очередь.

18 июля 1916 г.

Утром нас разбудила трескотня пулеметов и гул орудий: это наши обстреливали неприятельский аэроплан, который летел очень низко и обстреливал нашу деревню. Скоро его прогнали из расположения части.

Получили записку от батальонного, прапор[щика] Семенова, с предложением явиться на занятия — назначен в 3-ю роту, но на

занятия вечером не ходил, т. к. нога всё еще продолжает болеть. Надо сказать, что этот самый Семенов очень жестокий человек по отношению к солдатам, бьет их по лицу без всякого стеснения и жалости, не только рукой, но и палкой. Все солдаты отзываются о нем, как о чем-то ужасном, и боятся его хуже, по их словам, снарядов. Я не понимаю такого жестокого обращения с людьми, которые не сегодня-завтра вступят в бой с врагом и будут ранены и даже убиты¹⁰; хотя говорят, что он был выводным в тюрьме, тогда всё понятно, он еще до сих пор не может очухаться от тюремной атмосферы, перенес ее оттуда — сюда.

Днем насобирали грибов, а вечером нам их сжарили в офицерской кухне и мы их с величайшим наслаждением уничтожили, хотя и без сметаны, которой здесь ни за какие деньги не достать.

Сегодня что-то целый день канонада не переставала гудеть, и загнули мы под ее пение.

* * *

Сегодня проезжала партия в 106 офицеров, назначенных на фронт. Остановившись, пили чай у нас в собрании. Встретил двух прапорщиков, бывших старших юнкеров моей 1 роты. Здесь тоже находятся два Владимировых, которые чуть не каждый день вспоминают училище. И действительно, если перенестись туда — сколько нахлынет воспоминаний. Вот я еще козорогом хвостатым хожу с Вишняковым, товарищем по Капелле, и рассуждаю о предстоящей первой репетиции по Внутреннему уставу, с робостью поглядывая на старших юнкеров. Репетировал гв[ардии] шт[абс]-кап[итан] Скурядин, мы все дрожали, хотя были и 35-летние дяди, точно перед последним днем мира. Ах! Как я боялся его небрежно одетой фигуры и что-то постоянно выпячивавшей. Баллы ставит худые, 2-м уже поставил по 5 (у нас была 12-балльная система). Наконец моя очередь, вперед отвечал хорошо, но дальше он меня начал путать и у меня вся душа ушла в пятки, даже

¹⁰ Подобное отношение офицеров к нижним чинам, как видно, не редкость. Например, прапорщик Соловьев в дневнике описывает случай, произошедший в Скобелевских лагерях летом 1915 г.: «Один из командиров, проходя своей ротой, заметил, что один из ратников не взял сразу руки под козырек, ударил его по лицу плеткой. Тогда один из солдат сказал командиру: “Как смеешь бить нас, отправляющихся проливать кровь?”. Офицер ответил на это заступившемуся тоже ударом. Тогда человек с пятьдесят набросились на своего ротного и начали его избивать». См.: Дневник прапорщика Ивана Соловьева. Действующая армия 1914–1915 г. [Б. м.], 2005. С. 33.

ноги задрожали... Слышу его голос: «Нет, так нельзя знать устав, прежде чем ложиться спать, всегда надо читать устав, садитесь!». По окончании репетиции я узнал, что мне — 4. Это меня так взволновало, что я не знал, куда деться с тоски, думал, что всё пропало. На строевых занятиях, глядя на снаряжение подпоручика Матвеева, я думал: «Вот! За каждым крючком и ремешком торчат разные уставы и учебники, и придется ли мне надеть такое снаряжение с офицерскими погонами». 1-го февраля был выпуск юнкеров старшего курса. Они, счастливые и довольные, разъезжались по домам, а мы смотрели и думали: «Скоро и мы так...».

Дисциплина невероятная, каждое малейшее шевеление каралось винтовкой и арестом. Перед офицером вытянешься и стоишь как каменный. Про возражения мы и не имели права думать. На улице в январе и феврале иногда стоят сильные морозы, а курсовой офицер подпоручик Матвеев объясняет, увлекшись, что-нибудь, вероятно, забыв про то, что у нас ноги примерзли и уши остыли, и весь дрожишь — думаешь: «Нет, не выдержу такой пытки». Только продолжительная маршировка и топтание на месте во время долгожданного «Оправиться! Можно курить!», [тогда] ноги немного отходят. Первые дни так и думал, что не выдержу, но ничего. Почти всегда в сильный мороз ползли в голову такие думы, но им наперерез: «Ничего не будет, уже не раз было это и всегда проходило благополучно». Иногда из носу течет, и ты не имеешь права и гримасы скорчить, пока не раздастся команда «оправиться!». Так с 8 утра, а утром, как только заслышишь сигнал, — как бешеный срываешься с постели и «пулей» одеваешься, умываешься и на утренний осмотр, который продолжался до самого последнего дня. До 12-ти идут разные строевые занятия, а с 4 до 8-ми лекции, в промежутке до 1 ½ дня обед и отдых, который идет или на зубреж, или в свободное время на юнкерское собрание, где собираются жаждущие отвести душу или просто попить чая и закусить как следует, особенно вечером, — тогда свободный столик и не найти, здесь же и лавочка со сладостями, чаем и бутербродами. Мало все-таки приходилось посидеть в собрании, иногда стрельба из пулеметов, съемки и фотофиксационные работы не позволяли этого сделать. И почти всегда на последнем часе лекций так клонит ко сну, что стараешься, ширишь глаза, смотришь на преподавателя и начинаешь дремать, и так почти все. Преподаватели знают, что мы устаем за день, и, конечно, прощают нам это, хотя на Военной Гигиене и Администрации юнкера на задних скамейках бесцеремонно спят... И первые дни только и дожидаясь, когда

можно улечься спать, ибо только в кровати находишь покой, но и то не всегда, ведь одежду у нас складываются «квадратиком», т. е. по очереди ремень, гимнастерка, брюки, кальсоны и носки в квадратном порядке одно на другом, и чтобы был действительно «квадратик», а то бесцеремонно будят и заставляют переделывать, предварительно всё разбросав...

Бывали и такие офицеры, для которых особенно стараешься складывать «квадрат». Такая же аккуратность должна быть во всем, если пуговицы или сапоги, хотя чистишь не сам, не вычищены или вычищены плохо, получаешь «под винтовку» или арест. Винтовки должны блестеть на «ять» (любимая поговорка юнкеров). А если что-нибудь сделаешь плохо, т. е. «сошляпишь», то не только юнкера, но и гг. офицеры не скажут: «Как Вы плохо делаете», а «Как Вы коряво делаете». Или только встанешь, слышишь: «Пулей на утренний осмотр», после — «пулей на чай», затем — «пулей» на занятия и т. д., и всё «пулей», т. е. лети как пуля. Эх! Иногда всё проклинаешь на свете — не хочется идти на мороз — на занятие, но ничего не сделаешь и идешь. Иногда рассыплешься в цепь, и приходится по пояс сидеть в снегу... пока не раздастся новая команда.

Курсовым офицером у нас был георгиевский кав[алер] шт[абс]-кап[итан] Прогнаевский, но он на занятиях почти не был, а в начале недели с 3 был подпоручик Смирнов и Колпинский, которые уехали на позиции, и весь курс с нами провел подпоручик Матвеев, которого и можно назвать нашим учителем, и прапорщик Лаский. Матвеев — строевик, гимнаст, не позволяющий никаких шевелений в строю, вообще строгий офицер, но и как человек тоже симпатичный. Может быть, даже и лучше, но ведь отношения нач[альни]ка и подчиненного нельзя нарушать, и потому, может быть, многие офицеры училища казались нам плохими в мундирах, а внутренне были совершенно другие, но ведь нам почти всегда приходилось сталкиваться лишь с мундирами, т. к. лишних разговоров почти не позволялось. Хотя уже в конце курса мы вели себя гораздо свободнее, позволяли даже и улыбаться в строю и пр., и сходило.

Прапорщик Лаский — только что окончивший училище офицер (янк[арский] вып[уск]), почти постоянно улыбающийся. Всегда, когда здоровался, непременно улыбался, мы, конечно, тоже отвечали этим же. Наказаний почти не применял. В общем, очень симпатичный человек, но, опять же, почти не вылезавший из мундира. Действительно, подпор[учик] Матв. сказал: «Отношения между нач[альника]ми

и подчин[енны]ми никогда не понять подчин[енно]му, нач[альни]к никогда не покажет, каковы его отношения к нему».

Подпор[учик] Матв. очень любил маршировку, только и кричит: «Смирно! Равнение направо! Ногу выше! Ногу выше! Не слышу! Тверже ногу! Голову повыше! Ногу выше!» и т. д. И действительно научил нас ходить.

Шт[абс]-кап[итан] Прогнаевский — мы его так мало знаем, что почти ничего нельзя сказать. Действительно, можно сказать, что он, как только приехал, хотел ввести железную дисциплину в классы, не позволял шелохнуться, мигом «под винтовку». Объяснял довольно вяло, вообще не годится для военного училища.

Гвардии капитан Тарасенко — мой ротный ком[анди]р, действительно офицер, не терпящий никаких, самых малейших упущений, и Боже сохрани от возражений, за возражения дыхнуть не даст... Он обыкновенно говорит: «Как только юнкера начинают курс, я даю себе слово, что буду жить с ними хорошо, без взысканий, но в конце курса обыкновенно, видя апатию к занятиям, — начинаешь “греть”», и невероятно, за каждый пустяк «пять-тридцать» (пять суток ареста и месяц без отпуска), и так и сыпется на головы бедных юнкеров. Его «дух» играл в взысканиях громадную роль, так, например, я, в будни отпущенный до 3 ³/₄, явился в 4 часа. На лекции, когда пришел Тарасенко, он преподавал тактику, фельдфебель (порядочная мразь) доложил про меня. Я сижу ни живой ни мертвый, за это полагается 3-й разряд по поведению и выпуск ун[тер]-офицером из училища, если не выйдешь из этого разряда. Наконец спрашивает, не был ли я еще где-нибудь, кроме Аничкова дворца, говорю: «Никак нет». Фельдфебель спрашивает насчет взыскания, а он заявляет: «Он и так наказан, не был на полднике», и под улыбки юнкеров начал читать лекцию, действительно, я отделался очень хорошо, без всяких взысканий. А на следующий день опоздал на 5 мин. юнкер Васильев, так Тарасенко говорит: «Ну что ж, дадим или 5–30, или 3-й разряд». Каково?! Правда, «грел» не только юнкеров, но и офицеров еще хуже, чем нас. Иногда начнет форменным образом ругать Матвеева, но на того особенного впечатления это не производило, а вот подпор[учик] Смирнов его трусил — даже до страшного. Тарасенко никого не стеснялся и взгрел даже Прогнаевского, которому это очень не понравилось. Но на лекциях частенько смешил нас разными рассказами и, между прочим, очень любил всегда прибавлять: «с этим надо считаться», сам того не замечая, юнкера обыкновенно при этих словах улыбались.

А старший врач училища статский советник <...> очень любил говорить: «а что касается этого-то», некоторые юнкера даже смеялись. На его лекциях обыкновенно спали...

Гвард[ии] полковник Максимов¹¹ — наводил на всех нечто вроде ужаса, с Вильгельмовскими усами, гремя шпорами, он, входя в класс, бросал: «Здравствуйте, господа» и начинал строго обводить глазами зазевавшихся юнкеров, но его все хорошо знали, и потому таких он редко находил.

Гвард[ии] полковник Цабель¹² — дивный человек, просто прелесть, о нем у меня и почти у всех юнкеров остались наилучшие воспоминания. Хотя он был и батальон[ный] ком[анди]р, но никому не дал ни одного взыскания и почти не делал замечаний. Душа-человек — никогда не возвысит даже голоса, всё спокойно и уравновешенно. Благодаря ему я попал в училище и никогда не забуду его.

Но в противоположность ему самые скверные воспоминания остались о гв[ардейском] шт[абс]-кап[итане] Скуридине. Его худой, небрежной фигуры никогда не забыть. 2 раза он меня репетировал, и оба раза ставил неудовлетвор[ительные] баллы, и последний крайне несправедливо, вот уж действительно «Скурыда».

За 2 дня до выпуска Тарасенко принял 1-й батальон, но для нас остался таким же «ротным». Нашего Тарасенко всё училище знает, даже и другой батальон, как престроного офицера, но в общем он довольно милый человек, не бездушный во всяком случае, как многие думают.

<...>

21 июля 1916 г.

Сегодня я проснулся час. в 12 ночи и долго не мог заснуть. Слышу, как везде в деревнях, крики петуха — единственного петуха не только в деревне, а, может быть, и в уезде, и как-то одиноко, жалостно и жутко слышать этот крик под треск выстрелов, несущихся с позиций, и что-то крадется в душу, в самую глубину... Мерещатся разные ужасы войны... Но сон одолевает, и опять уносишься далеко от «этого».

¹¹ Возможно, имеется в виду А. М. Максимов (1876–1924) — помощник инспектора классов Владимирского пехотного училища.

¹² Вероятно, речь идет о К. А. Цабеле (1873–1955) — участник русско-японской войны, с 1911 г. батальонный командир Владимирского пехотного училища.

Нога всё еще не проходит, подал рапорт о болезни и прошел в приказ. Говорят, завтра будет назначение офицеров на фронт, спешу подать рапорт о выздоровлении, ибо я могу остаться, а товарищи уехать. Чего доброго, еще не назначат.

<...>

23 июля 1916 г.

Оказывается, интересный тип проживает в офицерском собрании — солдат 18 лет, официант под именем «Савелий», как величают его все офицеры. Он раньше, т. е. до войны, занимал такую же должность в частной гостинице, и вот в эту гостиницу заехал и остановился генерал Микулин, известный в боях на Юго-Зап[адном] фронте, но теперь, к великому сожалению, убитый неприятельским снарядом. Он проживал инкогнито в статском платье и производил ревизию. Однажды он проигрался в карты, занял у этого «Савелия» 100 руб. и уехал. «Савелий» в скором времени получил по почте от него 150 руб.

Вот началась война, «Савелия» забрали, и он попал в дивизию генерала Микулина¹³. Однажды на смотре, где был и «Савелий», и ген. Микулин, он, генерал, объезжая войска, заметил знакомую физиономию «Савелия», приказал выйти из строя и говорит: «Узнаешь меня?». Тот посмотрел и говорит: «Узнаю! Вы изволите быть генерал Микулин», тот его похвалил и оставил при собрании в учебном полку и приказал его не брать отсюда. Здесь он до сих пор и подвизается, и сегодня посвятил нас в эту историю.

Получаем каждый день австрийские сигары.

28 июля 1916 г.

До сих пор, с 8-го июля, не имею ни копейки денег; чай утром приходится пить с черным хлебом, да и вообще в солдатской лавочке есть много того, чего бы я с удовольствием поел. Сегодня офицеры 405 полка получили аванс от казначея, вечером я тоже сходил к нему и получил 75 руб., сразу же отправился в лавочку и накупил всякой всячины. Здесь можно найти всё что угодно, и лучшее печенье, и одеколон, папиросы, консервы и пр. и пр. <...> Настроение у всех отъезжающих приподнятое, только и слышатся слова: «Едем прямо в бой», «Может быть,

¹³ Микулин И. А. (1863–1916) — командующий 102-й пехотной дивизией. Убит в мае 1916 г. в бою.

убьют», «Может быть, и получим кое-что». Эх! Как обидно отставать от товарищей, с которыми приехали сюда и думали попасть на позицию, кажется, так бы и бросился собирать свои вещи... Ругался я всячески и даже чертыхался, но назначение переделать было нельзя, и пришлось остаться. Пошел проститься уже к привыкшей 3 роте, поговорил с ними, пожелал всего лучшего и ушел к канцелярии, где уже денщики укладывали вещи гг. офицеров. Немного пришлось поговорить на прощанье с друзьями; скоро подошли роты, подводы встали гуськом сзади рот, и мы, крепко расцеловавшись, разошлись в разные стороны...

...Грустно!.. и скучно... было в высшей степени, когда пришли в лапу и я увидел, что нас только трое... уж лучше бы и меня вместе с ними отправили...

29 июля 1916 г.

Занятий целый день не было, т. к. роты нет. Целый день слонялся... не знал, куда деться с тоски...

30 июля 1916 г.

Пришла рота пополнения, ее назначили 3-й, т. е. нашей, с ней приехал прапорщик Галицкий-Владимировский, человек очень симпатичный.

1 августа 1916 г.

После обеда узнали, что сегодня все переезжаем на другие места, т. е. наша дивизия продвинулась вперед. В 8 час. мы узнали это официально и начали собираться. Выступаем в 11 час. веч[ера], т. к. все переходы обыкновенно совершаются ночью, иначе противник днем может обстрелять нас. Сборы наши очень коротки, всё готово было через 10 мин. Тихо, бесшумно снялся с места учебный полк, и ровно в одиннадцать мы уже двинулись по дороге в направлении на дер. Кроватка, в которой мы должны были остановиться. Я шел, как и все остальные офицеры, с ротой, которая, пройдя 3 версты, потеряла всякий строй — шли толпой, да и действительно, невозможно навьюченному человеку идти всё время в ногу и равняться, уж на что нам, имея лишь на себе походное снаряжение, и то было тяжело идти. Через каждый час устраивался привал в 5–10 мин. и затем дальше. Идешь, идешь и дожидаясь, когда наконец привал, как только видишь, что передние ряды остановились — растилаешь где попало плащ и бухаешься на него, протянув ноги и блаженно закрыв глаза... но недолго приходится нежиться, издали

слышишь: «Вставай! Вперед!», быстро вскакиваешь и начинаешь будить уже успевших заснуть солдат... встают, надевают скатки, вещевые мешки и без лишних разговоров двигаются дальше... На одном из привалов один молодой солдат мирно себе спал, я, проходя роту, заметил его, он лежал совсем в стороне — раскинув руки, около лежала винтовка, роты уже прошли, тянулся обоз, я взял его винтовку и догнал роту, приказал его разбудить, вижу — заметался, ищет винтовку, но успокоился, когда будивший сказал ему, что он от меня, немного поругав, отдал я ему его винтовку. Шли уже по знакомой мне дороге, я уже знал заранее, где расположены окопы и проволочные заграждения, сделанные на случай отступления... окопы сделаны очень хорошо и на удобных позициях.

Пришли в дер. Кроватку в 5 час. утра, нашли себе халупу и, не раздеваясь, легли спать, но спали недолго и в 9 час. уже были на ногах.

2 августа 1916 г.

Получил полевые деньги, купил необходимой провизии и белья (2 пары). Говорят, что отсюда уйдем скоро, т.к. неудобная деревня. Устроились здесь хорошо, в халупе с окном и дверьми и даже хозяином с хозяйкой. Вообще вся деревня цела и жители почти все. Здесь находится отделение Гвард[ейского] Эконом[ического] общества, где мы достали вина по 3,25 бутылка, конечно, пили, но не напивались.

<...>

3 августа 1916 г.

Сегодня утром нас обстрелял аэроплан противника, но никакого ущерба не нанес. Переходим в дер. Большие Березолупы; учебная команда уже ушла, мы опять собрались, хотя жаль покидать хорошую халупу, но ничего не поделаешь. Пошли к собранию, там с Баландиным подсели играть в карты и оба проигрались дотла... 65 руб. Жаль было, но, очевидно, уж такова судьба этих денег.

<...>

5 августа 1916 г.

Обнаружил у себя еще 3,50 денег, значит, до 20-го еще жить можно. Здесь уже канонада слышна очень хорошо. Ночью кругом светятся ракеты, блестят прожекторы. Сегодня ночью была сильнейшая канонада, прямо сплошной гул. Как потом узнали, наступали немцы и была артиллерийская дуэль, вперед они продвинулись на 5 вер., но затем наши отогнали их назад.

Доктор привез граммофон, и мы страшно обрадовались единственному порядочному музыкальному инструменту. И теперь каждый день приходим на 1–2 часа раньше, чтобы послушать граммоф[он].

11 августа 1916 г.

Пришел после обеда и сел в недоумении на кровать: что делать? Чем заняться? Роты нет, следовательно, занятий тоже нет, читать нечего, если идти гулять, то куда? Правда, местность красивая, но ведь разоренная, везде стоят разбитые халупы, лишь изредка найдешь уцелевшую хату с жителями. Вчера ходили осматривать местность, особенно хорошо укреплена позиция на горе близ дер. Большие Березолупы, где «Господский двор». С самой деревни и до горки тянутся линии окопов и проволочных заграждений, но самое лучшее место — это сама горка, внизу 2 ряда проволоч[ных] заграждений, затем окопы, дальше выше сделаны прямо укрепления — окопы высотой с 4 сажени, с деревянными бойницами внизу, подземные ходы — галереи, ведущие неизвестно куда. Здесь устроен наблюдательный пункт на дубу с лестницами и площадками — замечательный отсюда вид. Ходы идут в землю сажен на 5 вниз, вероятно, для сохранения запаса патронов. От Господского дома остались лишь следы, и видно, что был когда-то шикарный домик, аллеи, цветники, сады, всё потеряло свой настоящий вид, но все-таки еще видно старательно посаженные деревья и пр.

13 августа 1916 г.

Каждый день встаешь часов в 10–11 утра, спишь лишь с той целью, что всё равно будешь мотаться, не зная, куда деться с тоски. Ильтубский, ходя за обедом, принес нам слух о том, что сегодня едут 24 офицера. Интересно, попаду ли я? Сразу же я задал такой вопрос, мне уже давно нужно уехать отсюда, все товарищи уже уехали. Оказалось, что еду. Мне, по правде сказать, было всё равно: «Ехать так ехать, оставаться так оставаться». Быстро собрали вещи и уселись пить чай. Кстати, я, как будто предчувствуя, заранее сделал опись имущества и уложил всё как следует, а оно, оказывается, и пригодилось. Простился с Баландиным, отправился к канцелярии, где должны были собраться все. Наши вещи принесли сюда же. Часов в 6 вечера мы, распрощавшись с товарищами, уехали в штаб 102 дивизии. В штаб дивизии попали засветло. Явились к коменданту, теперь у нас явился вопрос: кто будет назначен в какой полк? Комендант говорит: «Вы, господа, решите сами», но почти все имели сильное желание попасть в 405 и 6 полки, т.к. они считаются

почему-то лучшими, и суют ему свои предписания, но в 5 и 6 полки нужно лишь 8 чел., а хотят все, тогда он предложил жребий. Я, как хотел, и попал в 405 Львовский полк. Все остались довольны, т. к. разговоров теперь не должно быть. Пока писали предписания, я поиграл на разбитом и расстроенном рояле. Подводы разделились, каждый собирался в свой полк. В 9 час. веч[ера] мы, получив каждый в свой полк предписания, расцеловавшись, разъехались в разные стороны. Вот и наши 2 подводы, получив проводника, тронулись в полк. Наш полк сейчас находится в бою, но завтра ночью сменится и отойдет в резерв, на отдых. Стало совсем уже темно, весь наш путь освещали ракетами и прожекторами. Какое-то иное чувство, не то боязнь смерти, не то что-то другое, закрадывается в душу... Да, здесь жизнь ничто, сейчас ты существуешь, говоришь, рассуждаешь, а через 5 мин. тебя нет, и всё это отлично понимаешь и ежеминутно ожидаешь, и так привык к таким мыслям, что иногда прямо-таки всё равно, жить или умереть. Но иногда, да, верно, подумаешь, ведь я так мало жил, почти не видел жизни и не знал ее, и так, так хочется еще жить и наслаждаться жизнью, но наряду с этим чувствуешь, на что и куда идешь, и готов отдать свою жизнь, как уже многие отдали ее...

Эх! Если бы узнать, что будет со мною через 2–3 месяца, быть может, и не будет на белом свете...

14 августа 1916 г.

Сегодня в противоположность вчерашнему как-то скорей, скорей хочется в окопы, узнать всю эту жизнь, пожить ею. Да! Что-то будет?

Вчера час. в 11 веч[ера] приехали в канцелярию полка, пока остановились здесь. Штаб полка на позиции. Нам приказано находиться в обозе 1-го разряда, который тоже здесь же, пристроился в небольшом леску. Переночевали в халупе, спали плохо, твердо, и страшно кусаются мухи.

Ходили осматривать местность — красивая, дер. Доросино почти цела, и жители все на местах. Осматривали нашу недавнюю позицию, окопы скверны, маленькие, глубоко делать нельзя, т. к. болота, почти вся площадь изрыта воронками от снарядов. Вообще вся наша позиция и все наши действия происходят на болоте, грязь, сырость, особенно в скверную погоду, совсем скверно. Много и наших, и «его» солдат погибло в этих болотах. Некоторые прямо живыми вязли... Здесь же находится церковь, как раз была служба, мы постояли немного, затем пошли домой. Интересно, у входа в церковь стоит разбитое дерево, и если бы не оно, то снаряд здорово бы разбил церковь, но попал в дерево, и лишь

осколки попали в двери и стену. Кругом церкви братские могилы павших гвардейцев (Павловского полка) и других частей.

Очень хорошо пообедали в офицерской кухне, в противоположность учебному бат., где всего давали лишь понюхать, а на 1-е всегда одна водичка. Сегодня с прапорщ[иком] Романовым устроились спать в леску, где стоит обоз у стога с сеном, денщики натянули свои палатки, подложили сена, и мы, довольные, залегли спать и очень быстро заснули.

15 августа 1916 г.

Спали очень хорошо. Встали в 9 час. Решили ехать сегодня в полк, он уже на отдыхе. Заказали в обозе 2 подводы, поедем вечером час. в 7, т. к. днем они здорово обстреливают. Выехали в 6 час., было еще светло, но мы решили ехать, без всяких вещей уселись на одной подводе 6 чел. и тронулись. Вместе с нами на лошадях верхом ехала компания подпоручиков, здорово подвыпившая, всю дорогу валяли дурака, хотели свалить друг друга с лошади. Встретили по пути казначея, и наша компания под дождиком начала получать деньги. Хотели ехать прямо, но узнали, что там лишь заметят — начинают обстреливать, потащились по сквернейшей, грязнейшей по случаю дождя дороге, телега, как пьяная, шаталась из стороны в сторону, но все-таки кое-как добрались до штаба полка, который помещался в халупе, сделанной из плетней. Через некоторое время мы, подтянувшись, лезли в небольшой блиндаж командира полка полковника Шаматова¹⁴, первое впечатление очень хорошее, простое отношение, добродушное лицо совсем не военного человека, а скорей помещика, который страшно заботится о своем хозяйстве. Действительно, его можно видеть с палочкой, без всякого оружия, осматривающим своих людей и хозяйство, и ничто не уйдет от его хозяйского взгляда, даже дерево, с которого солдаты содрали кору для топлива, несмотря на то, что рядом масса деревьев погибла под снарядами, масса перерублена для батареи. Вообще нахожу, что ему очень идет эта роль командира полка, как действительно заботившемуся о своих людях. Затем нас назначили по ротам — меня в 1-ю, обыкновенно здесь высоких назначают в 1 роту. Дали нам по вестовому, и в непроглядной тьме, то и дело попадая в ямы и невылазные лужи, мы брели каждый в свой батальон для представления ком[анди]ру бат[альона]. Слава Богу! Наконец у ком[анди]ра бат[альона]. Про него не могу ничего ска-

¹⁴ Шаматов Г. М. — полковник (с 1915 г.). Командир 405-го полка с мая 1916 г.

зять, т. к. его сразу не понять, какая-то двойственная натура. Осмотрел я его блиндаж и подумал: «Ну уж если ком[анди]р бат[альо]на в таком живет, то где же ротные ком[анди]ры?», блиндаж маленький, кругом торчит черная, сырая, болотистая земля, у входа грязища. Представились, поговорили, затем пошли к рот[ны]м командирам. Я взял вестового под руку, т. к. абсолютно ничего не видел в этой мгле.

Войдя в блиндаж ком[анди]ра роты, я представился ему по всей форме и встретился с прапорщ[иком] Рогачом, — с которым вместе ездили на поиски 102 дивизии. Они меня усадили, дали поесть и вообще приняли очень гостеприимно. У них уже блиндаж хороший, толстые бревна, под которыми сидим уже с более спокойной душой, торчат со всех сторон, видно, что блиндаж устроен саперами, и очень удачно. Мне уже устроили кровать на пустой койке. Побеседовали и час. в 12 улеглись спать; как ни жестко было спать на одном плаще и подложив под голову чемодан, но все-таки я через мин. 15 уже спал.

16–18 августа 1916 г.¹⁵

Сегодня первый раз увидел ту роту, с которой придется быть в окопах и вообще нести все тягости позиций. Первые дни как-то не запоминались лица, но теперь уже привык, вижу, что рота дружна, хотя и всего 101 чел. Вообще видно, что офицеры и солдаты полков, бывших на позиции, живут очень дружно — это, наверное, одинаковая опасность, боевая обстановка сближает людей. Наша батарея, которая обстреливает дер. Витонеж, стоит рядом, и притом германцы пускают снаряды к штабу дивизии, все эти звуки так отдаются в лесу, что первое время было жутковато, а теперь уже посмеиваешься, когда наверху запоют «его» снаряды. Правда, иногда его снаряды рвутся и здесь, но я уже теперь свыкся с мыслью «быть убитым или в лучшем случае раненым». Часов в 9 веч. я уже улегся спать, т. к. делать было нечего, вдруг узнаю, что сейчас наша рота идет на работу (ночную): подносить к позиции рогатки. Я быстро оделся, заглянул на улицу: погода, как назло, стала дождливая и непроглядная. Рота собралась, кое-как добрались в лесу до рогаток, там забрали их и гуськом тронулись к позиции. Несколько раз разрывались, останавливались, наконец, выйдя

¹⁵ С 28 (15) августа по 5 сентября (23 августа) полк находился в дивизионном резерве и был задействован на саперных работах. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 5 об.

на открытое место, проверили людей и пошли. Дорога грязная, хорошо хоть дождь перестал. Рогатки были тяжелые, а людей мало, очень устают нести, и почти через каждые 10 мин. останавливались, и мы шли с 10 час. до 3-х час. утра каких-нибудь 10–12 верст. По этой дороге днем ни один человек не покажется, т. к. немцы ее жестоко обстреливают, и вполне понятно, что эти кол. Аполония и Бабье не имеют никаких живых существ. Хоть с горем пополам, но всё же донесли рогатки до места. Отдохнув мин. 15, пошли назад и заблудились — взяли вправо, я вижу, что ракеты рвутся чуть не рядом и бомбомет работает, по полю кое-как добрались до нужной дороги и только в 6 час. утра пришли на свое место.

Совсем не думал, что здесь можно так хорошо обедать и ужинать, не хуже, чем в ресторане. Мы едим и помидоры, и свежие огурцы, и фрукты, и пирожки с мясом и яблоками, и мясное всё так хорошо изготовлено, что приходится удивляться.

19 августа 1916 г.

Сегодня в 4 час. дня все офицеры были собраны в штабе полка, там полк[овник] Шаматов прочел о наступлении 8-й армии, 407 полк должен занять Витонеж, с рассветом начнется артиллерийская подготовка, интересно, чем это кончится. Производил дознание, один рядовой запалом оторвал себе пальцы, и его, наверное, предадут полевому суду. Вообще неосторожное обращение солдат с запалами кончается очень плохо, многие отрывали себе пальцы. Некоторые делали это нарочно, чтобы избавиться от военной службы, но врачи устанавливали саморанение, и их предавали суду. Некоторых присудили к бессрочной каторге (по закону нужно было предать смертной казни, но свои офицеры пожалели их)¹⁶. Солдаты ухищрялись еще более: стреляли через шинель, через индивидуальный пакет, но всё равно попадались. Стреляли один в другого, но благодаря тому, что один нанес другому чересчур сильное ранение, тот его выдал, а другой его — и оба пошли под суд.

¹⁶ По закону расстрелом каралось самовредительство только вблизи неприятеля. Фронтное начальство могло применять и собственные меры. Например, осенью 1915 г. главный начальник снабжения Юго-Западного фронта генерал Эльснер приказал возвращать на фронт всех раненых в пальцы рук. См.: *Астахов А. Б. Указ. соч. С. 495–515.*

20 августа 1916 г.

Насчет наступления на Витонеж ничего не слышно, и на левом фланге весь день и ночь гудела артиллерия. Был на батарее, слишком громкий трескот, когда стреляют «батарейной очередью».

Весь день ждали казначея, и лишь когда я уже заснул, то он приехал, пришлось встать и идти, получил за 2 месяца 150 руб. Играли в карты, немного выиграл.

21 августа 1916 г.

Сегодня на рассвете одного рядового 11 роты предали смертной казни через расстреляние — за побег с военной службы.

Сегодня опять идем на ночные работы, но уже за окопы, вернусь ли?

В 11 час. веч., когда совсем стемнело, наша рота тихо, по 2-е, неся лестницы, вышла из опушки леса, где ждали наступления темноты. За линию окопов не пошли, а начали позади их в 30-х рыть ход сообщения. Ракеты то и дело взрывались почти рядом, слышались полные выстрелы, но вот послышался какой-то крик и вслед за ним ружейная, затем пулеметная и орудийная стрельба, это мне напомнило собачью драку: вперед тявкнет одна, потом другая, затем соберется стая, а в заключение прибежит здоровая собачица, покрыв своим лаем всё. Скоро всё затихло, слышались крики: «Свои», мы продолжали работать, места сырые, холодные, вот уж где надолго сидеть. Через некоторое время они начали палить из миномета, мы попрятались за новоиспеченный ход. Наконец часа в 2 ночи тронулись в обратный путь, в лесу было так темно, что впереди идущего ротного я не мог разглядеть, а грязища, Боже мой! Ну прямо буквально вязнешь. Уже к самому свету добрались до своего места и, подзакусив, легли спать.

23 августа 1916 г.

«В окопах»

Сегодня нас собрали в 10 час. утра, и нам было объявлено, что наши полки выступают на смену 406-го полка. В 9 час. веч[ера] наша рота выступила, присоединившись к остальным ротам 1-го батальона. Взяли с собой только шинель, плащ и оружие. Гуськом, рота за ротой вышли из лесу. Тихо перешли по одному переправу и вступили в ход сообщения. Через некоторое время все остановились, меня вызвали вперед, т. к. я шел со своей полуротой, едва-едва протискавшись мимо солдат, я повернул в другой ход сообщения. Очутившись один,

я немножко заволновался и думаю: «Что если этот ход идет прямо к немцам», и невольно рука полезла за револьвером, но скоро увидел вправо ход и блиндаж, там нашел офицера-бомбометчика и узнал, что блиндаж ротных дальше. Скоро я и его нашел, ротный 15 роты 6-го полка, уже старый знакомый, сдавал ротное имущество нашему ротному, а в это время роты сменялись. Через $\frac{1}{2}$ часа было сообщено, что их рота ушла, они распрощались и ушли, и мы остались хозяевами на боевом участке. Вышли в окоп; я заглянул в бойницу — ничего, кроме своих проволочных заграждений. Все солдаты стояли у бойниц и смотрели в темноту ночи. Впереди были заложены секреты. На левом фланге нашего уч[аст]ка пулеметная площадка, я вылез и прислушался — но ничего не услышал, а страшно хотелось услышать их разговор и т. п. Но, очевидно, окопы далеко, шагов за 400–450. Всю ночь ходил проверял солдат — не спят ли? Ничего, все бодро стоят. Обошел весь участок роты, на правом фланге не было окопа, и какая-то «китайская стена» выс[отой] с 1 $\frac{1}{2}$ саж., а толщиной с $\frac{1}{2}$ аршина, и, конечно, немцы ее разбили и посреди зияла здоровая дыра, а около валялись обломки навесов и блиндажей, попало миной. Через Стоход тянется высокий порожельный собирающийся упасть плетень, дальше переправа и район 16 роты. В общем, правый фланг укреплен коряво, надо чинить.

Когда уже рассвело, я ушел спать в блиндаж к бомб[ометчику]-офицеру и [положил] прямо под голову полевую сумку, сверху шинель и заснул крепким сном.

* * *

406 полк сменился неосторожно и шумно отходили частями на отдых, и их «хвосту» досталось. Немцы так и слали туда снаряды, ракеты то и дело светили, и даже сигнальные (зелен[ые]) поверх наших окопов, прямо фланговым огнем. Но всё обошлось благополучно.

24 августа 1916 г.

Проснулся часов в 10 ут[ра], с биноклем пошел обозреть позиции, из последних 3-х взводов «его» окопов не видно, а лишь кусты, рожь, свои заграждения и больше ничего, от 1-го вз[вода] видны его заграждения и окопы и дом полуразрушенный, когда-то имевший красивый вид, но теперь продырявленный нашими снарядами. Стоход такая речонка, что ее и не видно, скорей болото с небольшим мостиком. Почва песчаная, но сырая, и ночью холодно даже в шинели. Окопы попались неважные, без траверсов, так что фланговым огнем можно много погубить солдат. Почти весь день солдаты спали, лишь пообедали

да чай попили, только дневные наблюдатели у бойницы, а из-под закрытой видны лишь ноги, да слышится похрапывание. Некоторые, выспавшись, пишут письмо, а другие, устроившись где-нибудь в укромном уголку, нажаривают в карты. В хороший ясный день развешат под навесом белье, за окопом табак сушат. Под вечерок в дальних ходах сообщений варят добавочный ужин, картошку, груши и пр. Когда начинает темнеть, все становятся у своих бойниц и таращат глаза в темноту, вперед выставляются секреты — перед проволочным заграждением с гранатами и бомбами. Целую ночь сегодня ходил между солдат, остановишься, поговоришь, посидишь у них в блиндажах, пройдешься по окопу. Иногда на небе появится медленно летящая мина, красная с хвостом, точь-в-точь как комета, только слишком здорово рвется, и осколки так и запоют... Был в блиндаже ком[анди]ра роты, скучновато, разговор как-то не клеится, хочется спать... Из смежного блиндажика — телефониста — несутся гудки полевого телефона...

25–29 августа 1916 г.

Тоскливо сидеть и не иметь никаких вестей с Родины, и нечем отвести тоску, ни журналов, ни газет, ничего, только осколки заунывно поют да снаряды наверху посвистывают. Да! Сиди и жди, что авось снаряд прихлопнет, думаешь, увидишься ли еще с родными, с Марусенькой Шумиловой, к которой я всё больше и больше привязываюсь и действительно полюбил. Какое-то необъяснимое состояние! Ах! Если бы здесь была она?! Увижу ли я еще ее? Ведь здесь такое состояние, сейчас жив, а через мгновенье и... тебя уже нет на белом свете... Не получил писем, кажется, что все забыли тебя. И аппетита почти нет, движения нет, развернуться негде, только ночью вылезешь из окопов и пройдешься, помотришь, как солдаты работают — строят себе блиндажи, или пойдешь к секретам, к проволочным заграждениям, слушаешь, как «он» работает, и, не пригибаясь, идешь от секрета к секрету, правда, иногда мелькнет мысль, что ведь может легко заметить и подстрелить, но «чему быть, тому не миновать». Иногда пойдешь вместе с солдатами за сеном, всё-таки промнешь ноги, а то ведь целый день сидишь в блиндаже, то пишешь или просто думаешь, и идти некуда, кругом обнаженные стены земли, а выше... если не хочешь жить, вылезай... <...> Приехал новый прапорщик Милютин, молодой, но трусливый, это заметили даже солдаты, так, в общем, симпатичный чел[овек]. Пришлось перейти на 1-ю полуроту, а уже привык ко 2-й, но нужно, как старому офицеру в роте. Часто ночью в 3-м взводе окружают меня солдатики и беседуем

обо всем понемногу, привык я к ним и уже знаю, что они тоже, недаром просили ком[анди]ра роты меня оставить на 2-й полур[оте]. Теперь я знаю, что если пойду в бой с ними, они не выдадут меня, помогут, если нужно будет. Сегодня всю ночь строили блиндажи и уже 7 шт. сделали. Сделали себе наблюдательный пункт, вид отсюда замечательный, «его» окопы — на ладони, придешь и смотришь себе в бинокль, но у «него» ни одна голова не высунется. Теперь только днем ношу ремень с кобурой, а ночью шинель и в карман «Наган», а шнур к петлице, а шашки вообще никто не носит.

Наш участок все-таки спокойный, мало обстреливаемый, но иногда и по нам начнет «садить», но всегда благополучно отделяемся, несколько раз разбивал «Китайскую стену» и ничего, целы.

Сегодня во время артиллерийского обстрела снаряд попал прямо по блиндажу, но, слава Богу, не разбил, лишь раскидал наверху бревна, да к счастью, меня там не было. Вообще нашей роте везет, несмотря на обстрел снарядами и минами, у нас пока ни одного убитого, ни одного раненого. Эх! Достается 13 и 16 ротам, там и окопы развернули, солдаты сидят в воронках... скверно, и потери каждый день убитыми и ранеными. В 6-й роте убило ком[анди]ра роты осколком, прапорщика Чернявского, жаль товарища, но... судьба, от которой никуда не убежишь... все мы готовы к этому... Сейчас живы... а сейчас... уже нет...¹⁷

30–31 августа 1916 г.

Наконец-то получил письмо из дому, как это приятно, какое удовольствие получить письмо с Родины! Написал ответ Лиде и маме. Весь день было тихо. Час. в 12 я собрался спать, но что-то внутри говорило, что, вероятно, что-нибудь будет, так я и не мог заснуть, обойдя роту, часа в 3 я опять хотел уснуть, но не мог, говорю своему вестовому: «Что-то беспокойно мне, что-нибудь да будет». Минут через 15 «он» начал «крыть» тяжелыми снарядами по окопам, я оделся и пошел к ком[анди]ру роты, но стрельба усиливалась, и мы во избежание того, что можем быть убиты сразу все, разошлись по всем концам роты, я пошел в 3 вз[вод], и с взводным сели у бойницы в блиндажик. А стрельба превратилась в ураганище, теперь сыпалась и шрапнель. Было ясно, что

¹⁷ Весьма интересно, что 8 сентября (26 августа) нашими разведчиками был задержан некий нижний чин. Оказалось, что это был немец, который еще в 1914 г. попал в русский плен и пытался оттуда сбежать. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.

идет артиллерийская подготовка к наступлению. Мин. через 15 «он» начал бить по резерву. Вдруг по всему ротному участку раздалась частая ружейная стрельба, я выскочил из блиндажа, наши солдатики лупили вовсю, приказал бросать бомбы, трескотня поднялась невероятная, но и «он» бил по нам бомбами и снарядами, пошел в свою полуроту; выпустил из револьвера 1 пулю и бросил стрелять, начал ходить между солдатами и подбадривать. Огни так и блестят... шум... взрывы... оглушительные, кругом летят осколки и раскаленные куски железа, я взял у одного солдата бомбу в левую руку, в правую револьвер. Я чувствовал новое чувство, чувство безразличности ко всему, я начинал... звереть... ждал мимоходом из-за бруствера немца... и броситься вперед на... врагов, и беспощадно бить имеющимся оружием, наши солдаты по всему уч[аст]ку работали вовсю, бросали бомбы... Был несколько раз у пулеметчиков — они не стреляли, против них незаметно лез, приказал в случае чего вытащить пулемет на бруствер и стрелять, но ввиду того, что противник прекратил огонь и его не было видно и слышно, мы начали стрелять редко и к 6 ½ час. утра прекратили всякую стрельбу. Душа немного отошла, свое оружие спрятал в карманы и пошел к ком[анди]ру роты, он получил приказание выслать разведку, я собрал ротных разведчиков и вышел из окопов, имея в брюках бомбу и револьвер, даже без ремня, а шинель отдал солдату в окопе, подошли к заграждениям, Кривенцов, отделенный 1-го от[деления] 1 вз[вода], говорит: «Ваше благородие, там немец окопался». Я пошел смотреть, а другие солдаты кричат не идти, говорят: «Не ходите, бомбу бросит». Я полез, вдруг слышу из-под куста: «Паги! Паги! Помоги!». Вижу немца — вероятно, раненый, два наших молодца мигом через заграждение хватя его, но он не сопротивлялся. Около лежали 2 немецких винтовки, бомбы, немца перетащили через заграждение и в окоп, там его ком[анди]р роты, хорошо знающий немецкий язык, опросил, он всё рассказывал. Мы там нашли еще 2 винтовки и 10 гранат, 8 гранат лежали уже в 30 шагах от бруствера, они человек 5 перелезли через заграждения и уже мин. через 10 были бы в окопах, но мы сильным огнем отбили их, и они удрали, побросав винтовки, гранаты и своего раненого. Это, вероятно, лезла та же компания, что поколола 6 чел[овек] с офицером в 406 полку, но мы им задали перцу, будут помнить 1 роту 405 Львовского полка. Целый день он молчал, вероятно, очухивался от нашего огня: еще бы, била и 16 рота, и 2 рота, и наша артиллерия, и особенно постаралась наша рота — выпустила 7 тыс. 500 патронов и 25 шт. гранат. Только под вечер разрушил кусок «Китайской стены», но ночью его починили саперы, которые

рыли по моему плану и ход сообщения к полевому караулу, и место для часового и подчаска, теперь будем выставлять здесь полевой караул, обнесли всё это место рогатками, теперь сунься!!!

Сегодня ночью полковая разведка засела впереди за заграждениями, а у нас было заготовлено дежурное отделение на случай подмоги, я взял нарочно 1-е отд[еление] 3-го вз[вода], т. к. молодцы хорошие, можно надеяться, вооружили их бомбами, германскими. Но всё обошлось спокойно, а к утру саперы устроили и ход, и помещение в земле. А наш секрет ставил рогатки.

2 сентября 1916 г.

Сегодня наш полк должен был смениться, но вместо этого пошли слухи, что будем наступать, я вперед не придавал значения, а когда ком[андир] роты, взволнованный, мне сказал: «Наверное, будем наступать», это меня уже покорило.

В 11 час. меня из роты вызвал ротный ком[андир] и прочитал приказ. 8 армии — наступать с рассветом. 39 корпусу занять выжидательное положение. 405 полку пока ожидать, а 4 батальону командой гренадер и подрывников произвести в 2 часа 3-го августа разрушение проволочных заграждений прот[ивни]ка. Видно, что он, читая, сильно волновался, но я немного успокоился. Придя в свою полуроту, я собрал взводных и отделенных и сообщил им эту новость, а они все думали, что будем сменяться. Послышались глубокие вздохи, слова «что Бог даст» и др. Я увидел устремленные на меня взволнованные глаза, но их среди этого неприятного разговора немножко и смешил, и они, уже спокойные, разошлись по своим людям. Да! Солдату весть о наступлении — нож в сердце, не так страшно само наступление, как это томительное ожидание: «Будешь жив или нет?». Каждому почему-то кажется, что его убьют, и, конечно, разные беспокойные мысли лезут в голову. Что-то будет? Останусь ли я сам цел? Как увидишь, что смерть вот-вот схватит тебя — бесконечно хороша становится жизнь, но что же делать, придет приказ идти вперед — пойдем! Ведь не всем же суждено расставаться с жизнью, Бог даст, и обойдется благополучно... Но почему-то я совершенно спокоен, а товарищи офицеры очень волнуются.

Скоро, вероятно, загремит артиллерия, поднимется ружейная и пулеметная стрельба, а рассвет начнется в этом аду...

Сейчас уже *3 сентября* — 10 мин. первого. Пойду в свою полуроту подбодрю солдат, а то, наверное, упали духом, и им необходима чья-нибудь поддержка. Господи, благослови.

* * *

Вестовому приказал собрать все вещи и в случае, если выйдем из окопов, вещи отправить в штаб полка. Надел лишь шинель, пояс с «Наганом», в карманы патроны и кавалерийскую бомбу, в руки винтовку, отобранную у германца, и, перекрестившись, пошел в окопы. В 3 часа утра раздался взрыв динамита и бомб шт[абс]-кап[итана] Новицкого, немного постреляла наша артиллерия, но с «его» стороны ни одного выстрела, очевидно, «они» ждали чего-то... Сидим и ждем приказа вылезать из окопов — в проволочных ограждениях сделали проходы, но приказа не приходило, и под утро, когда совсем рассвело, все улеглись спать, только дневальные смотрели в бойницы.

Сегодня днем во время обстрела наших окопов легкий снаряд попал прямо по моему блиндажу, но не пробил, а лишь вырыл воронку да газами выгнал лежащего там вестового, меня не было — я был в окопах.

Весь остальной день прошел спокойно.

<...>

5 сентября 1916 г.

Наконец-то пришла долгожданная смена, в 12-м часу, пока мы сидели в блиндаже, наша рота сменилась и тихо вышла из передовой линии. За ½ часа до смены поднялся шум; прибежал вестовой и робким голосом говорит: «Наши секреты сбежали, а за заграждениями двигается, кажется, цепь прот[ивни]ка». Я моментально в блиндаж, надел револьвер, в руки винтовку и в окоп, вылез, слушаю — тихо, только посты подняли стрельбу, гоню, ругая крепкими словцами, секреты назад, пришел в секрет, тут рядовой показывает в темноту и говорит: «Здесь что-то сидит, а за заграждениями рожь — плохо видно», пустил туда 3 пули, пошел в другие секреты, со злости чуть не пырнул штыком, да как же из-за пустяка подняли шум и сбежали с постов. После, когда все успокоились, я разговорился с солдатами, лежа на заднем скате окопа и время от времени пуская в темноту ночи ракеты.

Рота уже ушла, и мы, распрощавшись с новыми хозяевами, побежали догонять роту. Ну! Слава Богу! Всё обошлось благополучно, первая стоянка в окопах прошла хорошо, Бог даст, и другие обойдутся так же. Вот мы уже в составе 3 роты подходим к лесу, где у штаба полка назначен сборный пункт. Издали несется собачий лай, и до чего приятен этот лай, за ним там и мерещится мирная, тихая жизнь, смешно, но, между прочим, было даже завидно слышать, как в немецкой

стороне — в деревнях лаяли псы, а у нас как в окопах, так и дальше стояла гробовая тишина. Когда собрались все роты, — полк двинулся на отдых, в корпусный резерв. Эх! Как хорошо свободно идти по дороге, не думая, что сейчас их винтовки подстрелят... Оглянешься назад — там, как и раньше, взвиваются ракеты, изредка покажется ехидный глаз прожектора, и подумаешь: «Мы свое отстояли, теперь покараульте Вы нас!». И солдаты все были довольны, что впереди предстоит, хотя, может быть, и небольшой, отдых, — спокойные ночи. Добрались до места, там уже Ильтубский в блиндаже, вырытой яме, покрытой ветками в виде крыши, защита лишь от непогоды, приготовил кровать, зажег свечу, я остался очень доволен и этим, т. к. кругом кроме пустого пространства ничего не было, сразу же юркнул туда и начал располагаться, солдаты заглядывали сюда, но, видя меня, уходили, у них были лишь свои убежища — палатки, которые они принялись расставлять. Было видно, что такой блиндажик, где в мирное время порядочная лошадь не стала бы стоять, они считают раем, да еще бы, прийти ночью усталыми, озябшими, кажется, вот бы найти уютный уголок и, напившись чая, улечься спать; а тут нет, изволь сам поставить палатку, достать соломы, а если захочешь чая, разведи огонь, достань воды и чая, тогда напьешься. Мне, слава Богу, не приходится самому обо всем заботиться, денщик всё сделает. С величайшим удовольствием напился чая и первый раз после 2-х недель разделся весь и улегся спать по-человечески. Но не удалось мне поспать как следует; какой-то несчастный котенок, разгуливая по мне, разбудил меня. Я терпеть не могу кошек, готов всех перестрелять, и до чего же я обозлился на него, выгнал, заснул, а он опять прилез, я его опять прогнал, потом взял сапог и ждал, когда появится его дурацкая морда, как только полез — я в него сапогом, жаль, не попало как следует. Всё-таки спустя час я заснул.

6–22 сентября 1916 г.

Я думал, как и все остальные, что мы отдохнем здесь как следует, но оказалось, что наш полк теперь состоит в «Особой армии», 25-го корпуса, командир ген[ерал] Гурко. Ввиду этого нам пришлось передвигаться с места на место. Стояли в разных местах по 2–3 дня и шли дальше, и в течение 2 нед[ель] мы сделали больше 100 вер. И переходы всегда являлись неожиданными; только заснешь, приходит вестовой: «Полк уходит». Страшно не хочется одеваться и идти в этой осенней темной ночи, тем более что только сделаешь блиндаж — печку, так хорошо и уютно, и вдруг иди, куда? зачем? Никто не знает. Всегда,

конечно, моментально вскакиваешь, винтовку на плечо и идешь. Иногда попадались большие переходы, под конец едва ноги тащишь, а солдаты идут молча, когда устанут, ни одного слова не услышишь из идущих сзади рядовых, а на привалах моментально ложатся где попало, и через мин. 5 добрая половина спит. Придя на другое место, не знаешь, где будешь спать и как. Чаще всего найдешь, если есть, какой-нибудь блиндажик и прямо спать, хорошо если заснешь, а то от холода не знаешь куда деться. Особенно последняя стоянка; привели днем в лес, ровным счетом ничего нет, а наши солдатики и палаток разбивать не хотят, т. к. видно, что мы с каждым днем ближе двигаемся к позиции, а отсюда уже 6 вер. и целый день гремела артиллерия. Мы стояли около шоссе на Затурце, по которому мелькали артиллерийские зарядные ящики, мчавшиеся к позиции, шли небольшими группами пленные и непрерывной вереницей шли и ехали раненые, впереди шел сильный бой. Ночь почти всю пришлось провести у костра, т. к. ноги, пока я спал в палатке, ноги почти ооченели, вылез к костру, снял сапоги, и ноги согрелись. Кое-как попил чая и отправился к ком[анди]ру бат[альона]. Он тоже себя неважно чувствовал, еще бы, в саженный блиндаж набилось 8 чел. офицеров. В 1 час. дня, не успели пообедать, как раздалось известие: 1 и 3 бат[альоны] выходят на поддержку. Собрались, пришел ком[анди]р полка, сказал речь, в которой больше всего напирал на то, что когда займут первую линию, не останавливаться, а двигаться безостановочно вперед, за 2-ю и 3-ю линию, ввиду того, что артиллерия прот[ивни]ка отлично пристрелялась к своим окопам. Затем, пожелав нам всего хорошего, он приказал нам двигаться. Затем велел 3-го офицера в роте оставить здесь, в резерве, на случай убыли. Прапорщ[ик] Кобелев оставил меня. Вот 1-я рота идет мимо меня, я прощаюсь с ней, говорю, что когда выбудут офицеры, я сразу же буду среди них. Моему вестовому Виничуку очень хотелось остаться со мной, но было нельзя, и ему пришлось, выложив мои вещи, догонять роту.

Пошел в штаб полка — хожу как помешанный, будто чего-то не хватает, адъютант заметил это и говорит: «Прапорщ[ик] Ананьев — жаждет крови». Я действительно чувствовал себя одиноким без солдат и как будто виноватым, что не пошел... Здесь уже собрались все офицеры, назначенные в резерв. Пошли на бугор наблюдать за артиллерийской подготовкой. 7 наших наблюдателей висело и, вероятно, тоже смотрели на разгорающийся бой. Наверное, шла атака — там, где шел бой, было совершенно темно, только слышались далекие разрывы да иногда блеснет красная или зеленая ракеты. Бой начался. Не успели мы прийти, как

последовало приказание выступить. Вот мы уже растянулись на опушке леса, догнали те батальоны и поротно быстро двигались вперед, мимо шли бесконечные вереницы раненых, шли они и с ранеными руками, и ногами, и головой, запыленные, грузные, опираясь на винтовку или на товарища. Шли массы контуженных — это как бы пьяные, с бессознательным выражением лица, пошатываясь, медленно тащили они свои ноги один за другим, и несмотря на такое состояние, сзади волочили винтовку, тоже грязную и запыленную. Наши солдаты спрашивали, как дела? А те лишь отвечали: «Ад! Братцы, Ад!». Мимо то и дело проносились зарядные ящики — спеша скорее доставить на батарею снарядов. У штабов полков царил беспорядок, резервные полки как-то путались, чего-то стояли, да и впереди, очевидно, были дела плохи. Только земля вздрагивала от такой палубы. Находясь близ полк[овника] Шаматова, я видел, что напрасно он кричал: «1 и 3 бат[альоны], поверху сюда» — никто его не слышал, и около не было ни одного вестового, а полк остался сидеть в окопах. Я послал с этим приказанием солдат и через ½ часа наши батальоны цепью двинулись сюда. Начинало смеркаться, я нашел блиндажик, посидел там немного и вышел, по-прежнему шли массы раненых, а на носилках то и дело приносили тяжело раненых. В это время наши 1 и 3 бат[альоны] сменяли на передовой позиции Фанагорийский, Пултусский, Астраханский полки¹⁸, которые, потеряв массу людей, постепенно отходили назад... Часов в 12 я заснул в блиндаже, с трепетом ожидая завтрашнего дня, сквозь сон слышал, как мимо прошел сумасшедший, смеявшийся громко в темноте ночи...

23 сентября

С утра жду — что вот скоро начнется бой, ...и я пойду туда...

Но скоро узнал, что сегодня не предполагается ничего и что все офицеры ушли в окопы, я тоже собрался и с прап[орщиком] Марченко тронулся в путь...

По всему ходу сообщений до резервной лощины виднелись лужи крови, брошенная амуниция, окровавленные бинты и т. п. В лощине лежали груды собранных русских винтовок, патронов, фляжек. Чем ближе подвигались мы к передовой линии, тем более был разрушен ход сообщения. Передовая линия была вся переворочена, лишь в некоторых местах оставалось всё цело.

¹⁸ 11-й гренадерский Фанагорийский полк, 183-й пехотный Пултусский полк, 12-й гренадерский Астраханский полк.

Я заглянул в бойницу, как раз у бойницы лежал лицом ко мне убитый мл[адший] ун[тер]-оф[ицер]. Я отшарахнулся. Идя по окопу, я встретил спину, торчащую из земли, засыпанного солдата, в другом месте торчала рука санитаря. В проходах один на другом лежали убитые... Я выглянул в сторону противника через бруствер и увидел массы наших солдат, лежащих в разных положениях вплоть до его окопов, один солдат пытался сдвинуть рогатку, но... упал убитым, а руки так и остались заочеченными, будто бы ловили что-то в воздухе. Иначе говоря, всё пространство было завалено нашими трупами. Рогатки разнесены в щепу. В земле не было такого места, которое бы не треснуло от колебаний воздуха. Идя по окопу, можно было увидеть только лицо — туловище было засыпано, или с бруствера свешивался труп, глядя на проходивших широко открытыми глазами... Господи! Что, если бы эту картину увидели их близкие... Я мысленно представляю около каждого его семью... детишек... Бедные... Царство Вам небесное. Вы исполнили всё, что могли, перед Родиной и совершили самый геройский подвиг — положили душу свою за Царя и Родину.

Войдя в блиндаж, я увидел офицеров I-го бат[альона], спящих один на другом. Не стал их беспокоить, пошел к солдатам. И сегодняшнюю ночь провел в одном блиндаже с ними.

24 сентября 1916 г.

Сегодня ночью нас сменил другой бат[альон], а мы встали в резерв. Говорят, завтра будет бой — наш бат[альон] будет в резерве. В 4 часа тех офицеров, которые были в резерве, потребовали в штаб полка. Распрощался со всеми. Прапорщ[ик] Суходолец — всё пытался меня поцеловать, воображая, что я барышня, а прапорщ[ик] Рогач угрюмо протянул мне руку, и я ушел. Зашел к вз[водному] Молибог и фельдфебелю, сказал, что завтра будет наступление, говорил, чтобы не унывали, если ранит, поедешь в Россию, отдохнешь... Дал бы Бог, говорили они... Распрощавшись с окружившими меня солдатами, я, еще раз обернувшись, ушел в ход сообщения и через 10 мин. был в штабе полка.

Наступление назначено завтра в 6 час. ут. Я опять ушел в тот же блиндаж, вместе со мной спали и беседовали прапорщ[ик] Костин и Гейкле.

Ночью Гейкле назначили адъютантом к ком[анди]р у I-го бат[альона], час. в 4 ут[ра] ушел и Костин.

Часов в 7 ут[ра] я, только заслышав орудийные выстрелы, выскочил из блиндажа; подумав — началось... и какая-то нервная дрожь пошла по телу.

Наступление назначили в 4 часа (+10)¹⁹.

В 12 час. началась артиллерийская подготовка и, постепенно усиливаясь, перешла в сплошной гул к 4 час. Как только наши вышли из окопов, по направлению к ним взвились одна за другой красные ракеты и сюда посыпался дождь заградительного огня, затикали пулеметы, затрещали винтовки. Немцы вытащили пулемет на бруствер, а сами, наполовину высунувшись из окопа, стреляли и бросали в наших бомбы, но скоро были осажены нашим пулеметом. В некоторых местах наши ворвались в окопы прот[ивни]ка, дрались с пулеметчиками, прапорщ[ик]ки Маков и <...> пытались остаться там, но были убиты... а остальным без поддержки пришлось отойти и окопаться. В некоторых местах заграждения были целы. Бой разгорался сильнее и сильнее. Красные, зеленые, белые ракеты то и дело взвивались вверх. Резервные батальоны через параллели перебегали вперед... Резервные офицеры один за другим уходили на пополнение, а из боя уже шли раненые офицеры и солдаты, я вглядывался в лица, но не находил 1-й роты. Бегал к адъютанту, спрашивал, как дела; говорит, что «заняли 3 линии». А справа, вдалеке соседние полки тоже шли вперед, и оттуда еле-еле слышалось: «Ура!!!». Шли раненые офицеры и ворчали: «Эти проклятые параллельки нас погубили».

В ½ час. и меня потребовали к адъютанту, он мне говорит: «Вот и Ваша очередь настала». Меня, как я просил, назначили в 1-ю роту. Я пошел с прапорщ[иком] Бакланом. Беру в руки лопатку, прощаюсь с Парамонычем (подпор[учиком] Якуниным), который искренно желает мне всего хорошего, и скорым шагом идем вперед. Мимо идут раненые без конца... Почти у самой передовой линии немец, пустив красную ракету, начал обстреливать то место, где шли мы, мы прислонились к стенке хода сообщ[ения], засыпало землей, пр[апорщик] Баклан хотел идти назад, я его остановил, Виничук надел маску и зарылся в землю. Через 5 мин. мы бежим по разрушенному ходу сообщ[ений], но попадаем в тупик, идем назад, встречаем 11 роту 406-го полка, которая бежит назад — мы ее остановили и погнали вперед, угрожая бомбой и револьвером, — они пошли. По пути вернули и наших солдат. Идя по ходу

¹⁹ В этот день 102-я дивизия сумела продвинуться вперед и занять первую линию окопов.

сообщения, мы встречали массу убитых, местами валялись руки, ноги... В общем, картина гораздо хуже, чем 24-го... Начинили надвигаться сумерки... Иду по окопу, всё поправленное вновь забито, разбито хуже прежнего... Кое-как нашел блиндаж ком[анди]ра бат[альона], там полно вестовых и телефонистов, на наре лежит тяжело раненый вестовой и просит скорее его унесли, но санитаров нет, и ему пришлось ждать... Узнаю скорбную вещь: прапорщики Рогач и Суходолец убиты... вот она, жизнь наша!.. Что это, судьба или нет? Мне кажется, что в таком бою, как этот, судьбы нет. Так, так безумно жаль стало погибших товарищей, только вчера ведь я ушел, оставив их жизнерадостными. Не знаю, пр[апорщик] Суходолец, наверное, предчувствовал смерть, и в резерве, видя, как несут убитых, сказал Рогачу: «Вот и нас скоро так понесут...». Бедняга! Даже не успел и папиросы изо рта вынуть, так и остался с ней убитым... хорошо, что хоть наповал, без мучений. Пр[апорщик] Рогач — все-таки успел расстегнуть шинель, пояс... но умер, не успев перевязать раны...

Вышел из блиндажа, они рядом без фуражек и шинелей лежат на ступеньке окопа... Герои!!! Я чуть-чуть не разрыдался, видя эти близкие лица... Не одни они пали жертвой сегодняшнего боя. Ком[анди]р 4-го бат[альона] подполковник Приезжев убит — половину головы снесло... остались лишь его большие усы... вместе с пр[апорщиком] Соковым, которому туловище буквально разворотило... Пр[апорщик] Костин убит при перебежке через параллели. Пр[апорщик] Коцубинский тоже... Ах! Масса убитых офицеров — 11 чел. и раненых 17 чел...

Узнаю, что первой линии не взяли, а окопались около его заграждений. На поддержку не подошел 406-й полк, и нам пришлось остаться ни при чем... Соседний полк хорошо шел... но слева Гороховский полк не вышел... Пришел подпор[учик] Машков, написали донесение ком[анди]р у полка о положении 1-го бат[альона], иначе говоря, всего полка, т.к. все роты и батальоны перепутались. А 406 полк уже стал частями на передовой линии, а наши солдаты бродят и не знают, что делать... Офицеров нет... Узнали, что 406 полк нас сменит, я пошел за заграждение собирать оставшихся солдат, один за другим шли они, испуганные, потрясенные ужасом боя... Я указывал им путь в резерв и говорил, чтобы там собирались. Всюду по окопам лежат трупы, кровь целыми лужами стояла в окопах... Узнаю, что в I роте убиты хорошие солдаты. Раненые лежали почти во всех блиндажах... Санитаров нет... некому спасти героев... и некоторые уже хрипели предсмертным хрипом... Увидел лежащего тяжело раненого гренадера I-й роты, приказал

солдатам нести его, он, бедный, так просил: «Господи! Скоро ли меня подберут... Ой! Ой! Тяжело!...» и громко стонал... Идут наши герои, оставшиеся в живых, а высшего счастья для них нет — только бы уйти в резерв, отдохнуть...

У немца тихо, тоже обошлось не без потерь. Пришли и оставшиеся офицеры пр[апорщики] Кобелев и Гейкле, и мы вместе тронулись в резерв. Идя по ходу сообщения, я наступил на что-то мягкое, посмотрел — человек. Пошли не туда, вышли опять на передовую линию, пришлось вернуться, но я уже напряженно смотрел, где лежит убитый, и кое-как на мускулах перебрался через него. Сзади нас шли солдаты, несшие убитых товарищей... Пришли в резерв, собрали роты, сосчитали людей, осталось по 70–80 чел. от роты, а в 13 роте — 25 чел... Встретили ком[анди]ра 406 полка полк[овника] Науменко²⁰, он шел, злобно помахивая палкой, ведь его полк не подоспел к нам, хотя он и стрелял из револьвера, и гнал солдат, и обещал поставить пулемет, но ничего не вышло. Нач[альни]к дивизии на него страшно разорвался. Когда солдаты подошли, мы, построив их, двинулись в штаб полка. Здесь солдаты разбили палатки, а мы нашли блиндаж и скоро заснули.

Утром мы узнаем, что нас опять хотят послать 26-го сентября в наступление, эх! До чего же это скверно подействовало на нас, после такого страшного боя, не дав оправиться, опять в бой — это жестоко, да и притом есть свежие полки 407 и 408-й²¹.

Ждали мы с трепетом распоряжений, но, вероятно, Небо сжалилось над нами, и мы пошли далее в дивизионный резерв. Никаких блиндажей не было, пришлось поселиться в шалаше из веток, но листва опадала и шалаш был паршивый, но нас утешало то, что рядом был лазарет, и здесь то и дело порхали сестрицы.

Но и здесь нам не повезло, в один прекрасный день вышли мы на занятия, я построил роту во взводной колонне, приказал снять всю амуницию и начал им объяснять о взятии высоты 114,8. В это время летевший наверху аэроплан прот[ивни]ка, вероятно, начал сигнализировать, и разрывы снарядов слева начали приближаться ближе и ближе, вдруг один снаряд сделал перелет и разорвался в 100-х сзади, я командовал: «одевайся», в это время слышу, летит еще... чувствую, что если не попадет в роту, то разорвется очень близко, кричу: «Удирай в лес!».

²⁰ Науменко П. А. (1867 – ?) — полковник с 1915 г., командир 406-го пехотного Щигровского полка с начала 1916 г.

²¹ 407-й пехотный Сарайский и 408-й пехотный Кузнецкий полки.

Рота разбегается, я тоже несусь вовсю в лес, а он ближе, ближе, думаю, вот в меня... Трах! Дзи-инь-нь — запели осколки, чувствую, что жив, бегу дальше, что-то печет в левой ноге — думал, ранен, оказалось, горячим воздухом контузило. Ну слава Богу! Но не обошлось и без потерь, в 15 роте убило только что прибывшего прапорщ[ика] Коломийца — жаль беднягу, еще даже не был в окопах, и под недолет до роты попала 4-я рота, и там 1 убило, 3 ранило.

* * *

Есть все-таки на Руси скверные люди, который, может быть, через секунду сам будет убит, — а он нет, совершает позорнейший для человека в такую минуту, в минуту страшного боя, такой поступок, особенно солдату, ведь позоришь себя и роту и всех, так, у нас в полку после боя 25-го сентября, когда снесли всех убитых офиц. в одно место и положили у околотка, на носилки, то почти все были без... сапог, и ни у одного офицера не осталось и следа пребывания денег или каких-либо других ценных вещей... Как это ни позорно, как ни грязно, но, к сожалению, — факт. Солдаты и санитары во время боя, правда, не все, а лишь самые бездумные твари, занимались мародерством — обирали своих офицеров, а ведь пули свистят кругом, и он подползает, и начинает шарить по карманам, и стягивать сапоги, не для себя, а с целью продать.

И вот ввиду такого гнусного поступка ком[анди]р полка приказал произвести обыск у всех н[ижних] ч[инов]. Выстроили их и начали осматривать, осмотрели всё, и белье, и шинели, но ничего не нашли. Воры-мародеры оказались напрактикованными.

1 октября 1916 г.

Созвав всех офиц[еров] полка, ком[анди]р полка объявил, что мы пойдем еще раз в наступление на высоту 114,8 и что ее решено взять во что бы то ни стало, положить массу солдат, но взять.

2 октября 1916 г.

С наступлением темноты 1 и 2-я роты пошли на ночную работу. Пришли в штаб дивизии, там нам саперный офицер объяснил, что наши роты будут строить наблюдательный пункт для дивизионного ком[анди]ра. Пункт уже пытались строить, но немец тяжелыми снарядами разгонял рабочих, т.к. хотят построить его на высоком бугре. И вот нам была поставлена эта задача, а сделать нужно было обязательно, а в случае неисполнения работы мы пойдем под суд. Но наши роты быстро исполнили задание и в 4 часа ут[ра] мы шли уже назад.

3 октября 1916 г.

Мы шли всё ближе к штабу дивизии, а на позиции разгорался бой, заблестели красные, зеленые ракеты, загремел заградительный огонь, ураганный огонь открыла наша артиллерия. Это наши полки наступают на выс[оту] 114,8. Несколько шрапнелей просвистело над нашими головами, мы чуть не бегом шли на место стоянки. Пришли, но полка здесь не застали — ушел на поддержку к 406-му полку. Все вещевые мешки были оставлены. Нам разрешено было отдохнуть, но через час мы уже шли к месту боя. Бой впереди шел сильный. Та же картина, что и раньше — 25-го сен[тября], раненые, контуженные. Батареи усиленно работают. Пришли на то место, где был наш штаб полка, но никого из наших не было, мы попробовали пойти по ходу сообщения, но слишком много шло раненых, пришлось перейти в другой ход. По всему пути до 2-й лощины сидели роты Туркестанских полков. Перебрались в 1-ю лощину, т. к. ближайший резерв. Здесь творилось что-то невероятное — собралось сотни раненых, убитых. Все толпятся без толку, офицеров нет, и чем ближе шли к перед[овой] линии, тем я больше убеждался, что что-то творится с полками. Встретил товарищей других полков, поцеловались, и я пошел дальше. В ходе сообщения бродили роты, искавшие своих офиц[еров], бежали офицеры, искавшие свои роты, здесь же шли раненые, контуженные, несли на носилках тяжелораненых, и всё это под сильнейшим огнем. Словом, творилось что-то невообразимое. Нашли ком[анди]ра бат[альона], приказал разместить солдат по параллелям, но места не было, т. к. окопы изрыты, нет живого места, да и наступающие полки перепутались. Масса солдат еще лежат под его заграждениями, проходили такие, которые по 3 дня лежали у его заграждений, боясь выйти. В 4 часа Остроленский полк²² во главе с ком[андиро]м полка поверху во взводной колонне прошел вперед, но огонь был сильнейший, и снаряды упали прямо в первые ряды. Ком[анди]р полка, бат[альона], рот[ы] ранены, двигается следующая колонна, опять разбита — полк расстроился и, глядя в параллели, ищет места, но всё уже и так полно, это обстоятельство еще более усилило панику. Пришлось усадить солдат и в развалинах, и с другими ротами. Жаль их было, ведь это лишь простое избиение солдат. Мы, все офицеры 1-го бат[альона], 5 чел[овек], собралось и ждали смерти — огонь был ужасный, орудия

²² 181-й пехотный Остроленский полк, командир полковник П. П. Аджиев (1877–1919).

стреляли как из пулемета, но, очевидно, нас спасал лишь Бог, тяжелые снаряды рвались кругом блиндажа, к нам в блиндаж поползли раненые. Приказа выходить не было, да если бы и был — ничего бы не вышло, а лишь погибли бы люди...

С наступлением темноты нас отправили в 1-ю ложину, я думал, что пойдем в резерв, оказалось, не то, не дали даже уснуть, и несмотря на то что от роты из 122 осталось 90, — нас отправили на другое место, немного левее, очевидно, решили и здесь попробовать счастье, но плохо пробовать счастья на истерзанных, измученных солдатах, которые до глубины души потрясены моралью, ведь моральное впечатление — это хуже всего, если солдат не верит в победу, лучше оставить его в покое и дать отдых, и только когда он успокоится, забудет происшедшее, тогда можно его послать в бой, и наше дело окончится удачей, конечно, если будут оказаны поддержки, где нужно.

А то беспрерывные атаки, да еще неудачные, такая страшная сила артиллерии, потери товарищей, и кровь, кровь, трупы, по которым нужно идти в атаку, всё это складывается в такую ужасную мораль, что каждый солдат думает: «Ну вот, в этом бою меня обязательно убьют».

Придя часа в 3 ночи на новый участок, мы нашли ту же картину, которая преследовала нас с 24-го сен[тября]: в окопах в разных положениях лежали, сидели убитые, приказываешь убирать, а молодые солдаты боятся...

Что здесь будет? Чего еще от нас хотят? Кое-как провели ночь, спали вместе с солдатами вповалку. Пришел 406 полк и встал сзади, а мы по-прежнему расположились в параллелях. Говорят, завтра наш полк будет наступать... а 406 п[олк] на поддержку. Но я, хотя я, в сущности, и не имею права этого говорить, скажу, что ничего не будет, ведь противник отлично знает, что мы упорно решили взять высоту, и он, в свою очередь, решит дорого отдать ее, и не с этими солдатами на этом месте наступать, необходимы свежие полки. Когда наш полк пришел 1-й раз сюда, он пошел хорошо вперед, были и во 2-й линии, но уже вина не наша, что не дали поддержки. На 2-й и 3-й раз наши солдаты шли, но уже далеко не так, как первый раз, в них уже не было свежести. Это всё равно что дать человеку накушаться до отвала, а потом заставлять его опять есть, естественно, он ни за что не будет. Мы пойдем, умрем, если суждено, пойдем, если нас заставят, стоит только сказать нач[альни]ку дивизии: «Вперед! 405-й полк!», и вот мы лезем...

Но у каждого солдата я вижу на лице: «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..». Жаль, жаль на них смотреть, так и хочется

плакать, ведь многие погибли здесь... А что такое офицер? Положение их еще хуже, ведь я лично один, а их 90 чел., за всеми не усмотришь, а сам обязательно иди впереди, а иначе солдаты не пойдут... Я пойду, и знаю, что невредимым отсюда не выйти, но если бы я, да не только я, и все офицеры полка, ведь думаю в данный момент так я не один, а все офицеры и солдаты, если бы могли хоть помыслить, что будет успех...

Но долой эти мрачные размышления, прикажут — пойдем, сделаем, что возможно, победим или умрем!²³

5 октября 1916 г.

Сидит с раннего утра солдат и думает: вот-вот скоро прикажут вылезать. Я с пр[апорщиком] Кобелевым сидим в пулеметном убежище и рассуждаем, пришли денщики, он их прогнал: «Сейчас в атаку пойдем, а вы пришли со своим обедом. Вот отсюда!». Пришел ком[андир] I бат[альона] 406 полка, беседовали преимущественно о предстоящей атаке. Получили диспозицию: «Выходить всем вместе, идти смело, занять высоту 114,8 и двигаться к опушке леса и там окопаться». Хорошо писано. Это хорошо диктовать свежим войскам, а в данном случае — это вызвало лишь горькую усмешку: «все вместе», да — офицеры выскочат все вместе, но солдаты нет, ведь один офицер роте — что он сделает...

Солдаты, как передавали, Варшавского полка²⁴, ходили между нашими и, возбуждая не идти в атаку, говорили: «Если пойдете, будем добывать Ваших раненых, а в Вас стрелять». Но я знаю, что солдаты 405-го Львовского полка вышли бы, кинулись бы за своими офицерами. Пошел к ком[анди]ру бат[альона], там собралась группа офицеров, которым предстоит первыми идти вперед, грустные лица... Началась артиллерийская подготовка, огонь переходит в ураганный. Я нахожусь среди роты, приготовил щит и лопатку, только жду приказа — «Вперед!». Противник тоже начинает сыпать тяжелыми... солдаты с мрачными лицами копают выходы... Вдруг всё прекратилось... объявили, что атака отменена. «Слава Богу!» — сказал каждый солдат, у всех стали радостными лица, голодные солдаты, которым 5 мин. назад кусок хлеба не лез в горло, принялись с жадностью есть хлеб.

²³ Отметим, что в этот день 16 (3) октября части 102-й дивизии заняли первую линию окопов противника, однако были выбиты оттуда.

²⁴ 184-й пехотный Варшавский полк.

8 октября 1916 г.

Через два дня мы, завязав вещевые мешки в лесу, хотя многих хозяев мешков уже не было в живых, шли ночью по шоссе и полевым дорогам, утопая в грязи, в глубокий резерв. 2 наши бат[альона] пошли в дер. Сернички на работы. Через 5 дней нам пришлось их сменить. Вышли ночью, тьма, а грязь — вот уж хуже Волынской грязи, наверное, нет на белом свете, по шоссе прямо нельзя идти, сапоги остаются в грязи. Пришлось помедлить. Эх! Уж чего только в такую дорогу не наслушаешься от солдат. Моя рота шла сзади, а младший оф[ицер] прапорщ[ик] Шустиков подгонял их на лошади. Когда он проехал, спрашиваю: «Все?» — «Все», а я вижу, что мало людей, он поехал назад, посмотрел, говорит, никого нет, тогда я поехал, вижу, недалеко стоит одиноко на дороге почти вся рота... Пришлось одним догонять далеко ушедшие батальоны. Когда пришли, у опушки леса пришлось померзнуть часа 3, потеряли нас 2 роты, только когда я застучал в колотушку, откликнулись. Солдаты стали развешивать палатки над липами. Блиндажей нет, а холодище ужасный. Я пошел искать товарищей да влетел в громадную яму с водой, промок весь. Пришел, народу 6 чел[овек], а блиндажик маленький, пришлось поспать на полу.

10 октября 1916 г.

Кто не был на позиции, тот не знает, что это такое — носить рогатки, да еще в прескверную погоду, в темную ночь. Забрали мы 30 рогаток и пошли, тяжело, дорога грязная, но это еще не беда. Вблизи передовой линии нарыта масса окопов, и все без переходов поверху — более 13 шт., и через все нам пришлось прыгать и перебрасывать рогатки. Это не работа, а мучение! Все рогатки, кроме случайно забытых 4-х, поставили на место и пошли домой, еле волоча ноги, да немец вздумал нас обстрелять! Кое-как дотащились до блиндажа. Как бухнулся я на кровать и мин. 15 сидел, пока не пришел в себя, думаю: вот ты, доля солдата...

11 октября 1916 г.

За то что вчера не донесли 4 рогатки, пришлось сегодня 10 чел[овек] сходить и докончить, пошли те, которые вчера, несмотря на то что я строго запретил, отставали и укрывались от работы.

Вообще нужно сказать, что солдаты развинулись донельзя, только офицеры и держат их в кулаке. Да и притом мало осталось хороших солдат, много молодых, которые стоят у бойницы да и спят, как говорят

солдаты: «Притулит морду и храпит, ну что с него спрашивать», а есть и такие, которые плачут, когда сильный обстрел. Но понемногу вникают в окопную жизнь и привыкают.

Взводный, а особенно отделенный для ярых солдат ничто. Особенной дисциплины нет, т. к. отдыхи в глубоком резерве малы, и едва только солдат начнет принимать «воинский вид», как снова идет в окопы, а здесь особенного ничего требовать не приходится. Да как-то слова не поднимаются выругать солдата, т. к., может быть, и меня скоро убьют, или его, да и притом бои. Если солдат будет зол на офицера, ему ничего не стоит пустить пулю в затылок ему или не оказать помощи в нужный момент. Я слышал, были случаи, что скверно обращавшийся офицер был тяжело ранен, и никто из солдат не помог ему, а, проходя, посмеивались, говоря: «Смирно! Подтяни поясок!». А некоторые сами убивали своих офицеров. Странно, но мы видели солдат первоочередных полков — в лаптях. Летом можно было видеть солдат в пресквернейшей амуниции до того, что не походили на солдат. Слава Богу, наш полк обмундирован хорошо.

* * *

Что такое теперешнее офицерство, я не беру в счет офиц[еров] мирного времени, которых страшно трудно отыскать и которые куда-то делись?.. Теперешнее, в настоящее время офицерство — прапорщички или подпоручики, поручики и т. д. из прапорщиков с душой и телом прапорщика. — Это какая-то волна, которая собирается в далекой России, — в училищах, школах, затем оттуда она идет в запасные полки, здесь более «сметливые» пристраиваются в «кадр», конечно, для этого нужно ладить с адъютантом... отсюда волна идет на фронт, более «патриотичные» по пути «цепляются» где-нибудь, как в учебных полках дивизии и т. п., а волна идет и только останавливается в окопах, в боях, до этих пор дорога, известная каждому, но тут — на позиции — уже эта волна расплывается, и где судьба указала, там и придется быть либо убитым, раненым, в плену и т. д.

И кто же больше всего говорит о тяжести жизни на позиции, о боях и т. п. — все эти «цеплялы», а кто больше всего придирается к прапорщикам, случайно попавшим с позиции в города, — офицеры мирного времени и военного времени, не нюхавшие «дыму», а щеголяющие в столицах в формах мирного времени...

Но больше всего возмущают эти чиновники, которых за военное время стало «как собак нерезанных». Не стесняясь, носят форму офицеров, ремни, бинокли, полевые сумки, шпоры — это необходимейшие

спутники «ходящего в шпорах и т. п. и говорящего о трудностях военно-походной» жизни.

Не мешало бы этому шатающемуся и пристроившемуся в разных учреждениях «Земства», «Красного креста» и др., где-нибудь на Невском пр., нацепить в дополнение — противогаз...

<...>

13 октября 1916 г.

Побывав на прежней стоянке, мы, как говорят слухи, пойдем в Румынию, а сейчас идем на посадку в поезда. На дороге ком[анди]р полка сказал, что две версии: I) в Финляндию, II) в Румынию. Дай Бог! Хоть куда-нибудь убраться с этих Волынских болот. Вышли в 8 час. веч[ера] и шли всю ночь и утро — грязь невылазная, хорошо хоть лошадь есть, ведь теперь я на законном основании с 1-го окт[ября] команду 2-й ротой. Шли долго и устали здорово, но нас поддерживала надежда — предстоящая поездка. Остановились в лесу у кол. Фридриховка в хороших блиндажах.

За всё время, к сожалению, недолгой стоянки погода была великолепная, хотя аэропланы прот[ивни]ка сильно летали здесь, но это не мешало любоваться нам красивой местностью и отдохнуть душой и телом вдали от... того ада. Как хороша здесь жизнь, а тем более в глубоком тылу, в России, спокойно, тихо... только, кажется, бы и жить, и наслаждаться жизнью.

Был медицинский осмотр, это нас заставило еще более верить в отъезд — но ему было не суждено осуществиться.

16 октября 1916 г.

Все ротные ком[анди]ры были собраны к ком[анди]ру полка вечером, который объявил нам, что наш полк займет старую позицию от кол. Ясенева до выс. 84, где мы простои́м всю зимнюю кампанию. Вот тебе и уехали!

17 октября 1916 г.

В 6 час. утра ком[анди]ры бат[альонов] и рот ехали все верхами по направлению к той позиции, которую придется нам занимать. Доехав до Щурина, мы, остановив лошадей, пошли каждый в свой батальон, который предстоит сегодня сменить. Никаких ходов сообщения в наш бат[альон] не было, и пришлось перебежать по одному от халупы к халупе и по высокой траве, кое-как добрались до правогофланговой

роты. Пошли на следующий уч[асток], т.е. который будет занимать моя рота, протяжение уч[астка] до 1500 шаг., а в роте 110 чел., больше половины участка на проходимом болоте, окопы наносные и только одна сторона, грязь, сыро, вода. Блиндажи тоже из дерна. Остальная часть уч[астка] на сухом бугорке, но здесь нарыта масса линий, которые нужно будет зарывать и исправлять. Попил чаю и поел у офиц[еров] 284 Венгровского полка. Их полки 9 рот целиком попали в плен в эту стоянку. Да брали так, что 10-х брали, а 11-е не слышали...

Ждали полк в <...>. Когда полк пришел, вместе отправились на смену. К 1 час. смена была закончена, и я принял боевой уч[асток], который должен отстаивать со своей ротой. Могу гордиться тем, что из нашего громадного фронта от Риги до Черного моря 1 верста вверена мне.

24 октября 1916 г.

В общем, участок скверный — сырой. Принялись улучшать окопы. Потребовал рабочих, саперов, дружинников, они вырыли новую линию, а старую зарыли. На следующий день германец заметил отсутствие старых окопов и с 10 час. начал сильно обстреливать нас минами.

Вперед я жил в маленьком блиндаже, хорошем, но воды в нем набиралось за 2 часа 15 больших ведер, однажды я думал, что утону: проснулся, а вода вот-вот дойдет до постели. Запах скверный, воздух сырой. Пришлось сделать себе новый блиндаж. Блиндаж вышел на славу, но противник обратил внимание на усиленную работу в этом месте и сегодня обстрелял нас. Я с пр[апорщиком] Шустиковым сидели в новом блиндаже, мины падали и разрывались рядом, пороховой дым вместе с колебанием воздуха то и дело врвался в блиндаж. Мы убежали в пулеметные убежища, во 2 взвод, все окопы на безгорке были завалены, пришлось бежать по верху, всё время приходилось пригибаться, т.к. новые мины и бомбы летели сюда. Но и здесь было не особенно спокойно сидеть, мины и бомбы и здесь рвались рядом и земля то и дело вздымалась кверху и засыпала убежище черными комками. Попали в пулеметную площадку, и ее разнесло, пулеметная стойка слетела. Я видел это и приказал поставить стойку на открытую площадку, а пулемет находился с нами. Все люди разбежались в соседние роты, и на этом месте не было никого. Я всё посматривал на пулемет и думал: «В случае чего выставим пулемет, да и будем жарить, а дальше что Бог даст». Но этого не произошло. Немцы вперед не пошли, а, наверное, решили себе взять в задачу разрушить наши новые окопы. 3 часа сидели мы в убежище и ждали: вот-вот попадет. Слышишь: бах! Отдаленный выстрел — это значит, летит

или мина, или бомба. Вот она долетела до точки предела и, перевернувшись, с усиливающимся воем летит вертикально вниз... Куда? Куда попадет, думает каждый — вот тряхнуло землю, закачало блиндаж и запели осколки, это мина разорвалась и, слава Богу, не на нас.

Пройдет несколько секунд с момента разрыва — все ждут следующей мины или бомбы, слышно, как летят запоздалые осколки — «фр-фр-фрр». Вот опять «бах!», «идет», думает каждый, и все прислушиваются... на этот раз мина летит комьями земли и пр., опять не в нас. И вот таким образом мы прослушали более 150 мин и бомб... Другие, не бывшие на позиции, скажут: «Это что, вот ураганный огонь — это да!». Нет — смею Вас уверить, что медленный обстрел хуже в миллионы раз ураганнейшего огня. Здесь всё сливается в общий гул, и не разберешь, что? и откуда? и постепенно войдешь в азарт... а тут какое-то мучительное чувство... Это всё равно что отрубить моментально все пять пальцев или медленно, по очереди их резать...

В 11 час. вечера мы, сидя в своем блиндаже и распивая чай, со смехом вспоминали, «как он, мерзавец, чуть не угодил» к нам в блиндаж.

В штабе полка раздавали подарки, купленные на «английские» деньги. Принесли ко мне в блиндаж их, и я поровну распределил табак, бумагу, конверты и пр. Офицерам досталось по большой пачке папирос, которыми я остался доволен. Кроме того, были и музыкальные инструменты, на наш батальон достался бубен, и мы все каждый у себя не раз от скуки, взяв трубки телефона, слушали бряцанье бубна и пение ком[анди]ра бат[альона] и оставались страшно довольными. Вообще у нас по телефону происходили разнообразные веселые разговоры, если бы ком[анди]р полка услышал то нам наверное бы не поздоровилось (саперный полковн[ик]).

Раз часа в 3 ночи я заговорил в трубку по-немецки, телефонистки на всех станциях перепугались, думали, что индукция — немцы перенимают их разговоры.

30 октября 1916 г.

Не успели мы проснуться и надеть на себя сапоги, как проклятые мины уже запели над нашими головами. Опять стали заваливать проходы, вычищенные ночью. Вдруг что-то перервало все мысли, я протянул куда-то вперед руки, защищая себя от чего-то темного, через несколько мгновений я почувствовал, что в наш блиндаж попала мина и его завалило, но что я еще жив... хотя что-то сильно давило мне ноги... Я увидел впереди себя пол-аршинную дверку, оставшуюся вместо входа, и полз

туда, внизу под бревнами валялась трубка и никого уже не было... Высовывая голову, я думал, что если сейчас трахнет еще мина... но ее не было, и я, не оглянувшись на блиндаж, побежал без шапки по разрушенному окопу, думая: скорее бы только добраться на правый фланг, подальше от этого злополучного места... Недалеко встретил вестового Ткаченку, который всё смотрел, бегу ли я... Туда летели мины одна за другой, а я с пр[апорщиком] Шустиковым сидели в блиндаже на болоте у фельдфебеля, который предусмотрительно убрался оттуда за 2 дня.

Все убежали раньше меня из блиндажа и сомневались, жив ли я? Хотя мины громыхали и в 1000 шаг. отсюда, но всё же казалось, что рвутся здесь. Но интересно то, что сейчас я испытываю не столько чувство страха, а чувство страшной злобы к немцам... Ну попался бы хоть один — сейчас, клянусь, не был бы живой.

Главное то, что натерпелись столько морали, а даже не контузило. А скольких трудов стоил блиндаж... Во время работы один был убит в 2-х саж. от меня. Я с полуротой тоже набивал мешки, и к утру блиндаж был готов. Деревянные стены, железная пружинная кровать, железная печка, пол, всё так хорошо было сделано, а теперь... как будто бы кто-то ударил сильным кулаком снизу и сверху, и наш блиндаж превратился в груды развалин, под которыми чуть не погибли мы, накаты поднялись вверх, концы которых торчали разбитыми в щепы. Некоторые бревна валялись на почтительном расстоянии отсюда, а сбоку зияла громадная воронка в 3 арш[ина] шир[иной] и 2 глуб[иной]. Нас спасло то, что была толстая стена, которая хотя сломалась и стала углом, но всё же спасла нас. В общем, мы остались целыми и невредимыми только по милости Бога.

Пассивный участок, а потери за 9 дней 7 убитых и 8 раненых, а остальные большая часть контужена и больна, вот что сделал со 2-й р[отой] этот уч[асток].

И вечером по моей просьбе рота ушла в резерв, и остальные 3 дня достояли здесь.

4 ноября 1916 г.

В переходах всегда идешь впереди роты, за санитарями 1-й роты, каждый раз спрашиваю у них: «А куда вы дели Латынина?», — они горько молчат. Это был здоровый мужчина 34 л. с громадной бородой и простодушный, который мне очень любил рассказывать свои похождения и пр., и вообще питал ко мне какую-то симпатию. Он — сани-

тар, во время боя много принес пользы. Но погиб ни за грош, именно ни за грош. 3 окт[ября] его завалило землей, и вырыли через 2 часа, но он уже был мертв. Страшно жаль его, такой симпатичный старик.

Ах, эти артиллеристы — трусье! Были бы они в покое, а что делается с пехотой, не их дело. На наш уч[асто]к был назначен арт[иллерийский] наблюдатель, который, когда начался обстрел минами, удрал на другой уч[асто]к, а оттуда к ком[анди]ру бат[альона], оставив «конец», когда нам понадобилась батарея, «конец» не действовал, и вот наша батарея ни одного снаряда не выпустила... пока мы сидели под минами.

А по ночам, когда не надо, какая-то «дежурная» батарея стреляет, да вообще артиллерия больше стреляет по своим, нежели по прот[ивни]ку, нередки и случаи ранения от своих снарядов.

А когда я сообщил, чтобы батарея открыла огонь, «что-то замечено», они действительно забеспокоились, еще бы, может и им попасть. А поют: «Мы всегда заодно с пехотой» и т. п.

8 ноября 1916 г.

Все дни у нас шли усиленные занятия, уборка плаца, репетиции, подшивали красные петлицы и пр., всё это приготавлилось к полковому празднику, который наконец наступил. В 9 час. ут[ра] полк в резервном порядке, на специально подготовленном плацу, стоял в ожидании ком[анди]ра корпуса, но вскоре было объявлено, что ком[анди]р корпуса не будет, да это и лучше. В 11 час. приехал нач[альни]к дивизии г[енерал]-м[айор] Шильдбах²⁵. Был молебен и пр. и церемониальный марш, раздавали Георгиевские медали. Нач[альни]к див[изии] сказал, «что полк представился в высшей степени блестяще, нельзя верить, что полк только что из окопов, его можно поставить наряду с действительными полками и др.». Нужно сказать, что, правда, полк показал себя хорошо. Блестящая походная форма и пр., всё имело и содействовало общему успеху. В 12 час. дня был наш долгожданный обед.

Когда я вошел во вновь выстроенное собрание, я был поражен убранством и яствами, поставленными на стол. Громадное помещение, стены завешены палатками и обиты елочными ветками, посреди

²⁵ Шильдбах (Литовцев) К. К. (1872–1939) — генерал, войну начал как командир лейб-гвардии Литовского полка. Участвовал в боях в Восточной Пруссии. В сентябре был начальником штаба группы генерала В. Е. Флуга при отражении прорыва немцев у Свенцяна. С октября 1916 по апрель 1917 г. стоял во главе 102-й дивизии.

висели люстры, сделанные из штыков, а у главного стола было сделано из веток 405, для оркестра была сделана отдельная комната и для кухни. В собрании уже были нач[альни]к дивизии и гости, мы стали размещаться, офицеры I бат[альона] сели вместе во главе с ком[андиром] батальона подпор[учиком] Машковым, который, к сожалению, скоро напился до положения риз и хотел идти на середину собрания говорить речь, но шныряющий по собранию «Парамонич» его живо подхватил под мышки и вывел в прихожую. За ними полез сидевший с ними прапорщ[ик] Попов, тоже — пьяный, и оба принялись скандалить и т. д.

У меня уже голова порядочно шумела, и я вышел на улицу и увидел наших героев, в чем-то убеждавших друг друга; Машков своими бессмысленными глазами только глазел на него, и тот что-то кричал об оскорблении. Я подхватил Машкова и свел его в блиндаж нач[альни]ка связи, где он, как говорят, прежде оправился на его кровать, говоря: «Еду в Америку через Атлантический океан», а потом лег спать...

А прапорщ[ик] Попов стоял в это время перед поруч[иком] Моссковским, увещевавшим его, и плакал, говоря, что «я Машкова зарублю, он меня оскорбил» и т. д.

В собрании прапорщ[ик] Пособцев, напившись, вздумал раньше всех тостов провозгласить за нач[альни]ка див[изии] — его тоже скоро вытащили из собрания.

В собрании гремела музыка и под вечер подвыпившие офицеры пустились в пляс. Тосты следовали за тостами, за кого только не пили, даже за «честных» сестер милосердия и т. п.

Нач[альни]ка дивизии качали более 10 раз, ком[анди]ра полка тоже, даже чуть ему голову о потолок... В общем, все чувствовали себя хорошо. Ком[анди]р 4 бат[альона] 102 бригады очень весело себя вел. Подпор[учик] Цветов сказал речь, что очень сильно ждали нашего ком[анди]ра полка полк[овника] Шаматова. А ком[анди]р 4 бат[альона] говорит: «Не Вы одни, и мы, батарейщики, ждали Вашего славного ком[анди]ра полка. Каждый день спрашивали, приехал ком[анди]р полка? Говорят, нет — грустно! Другой раз тоже нет — грустно! На третий раз говорят, приехал» — и он закричал: «Приехал!!! Приехал!». А мы тут давай его поздравлять с приездом, вышло очень смешно. Во 2 часу ночи уехал нач[альни]к див[изии], мы проводили с музыкой и «ура!». Все понемногу начали расходиться. Всё еще не успокоившийся пор[учик] Богдавленский скандалил с прапорщ[иком] Домоновым.

<...>

15 ноября 1916 г.

Все роты полка собрались около штаба дивизии в поле на газовый опыт, а вчера вечером приехал производить опыты профессор. Вырыли окоп, ввели туда лошадь с намоченной торбой, впереди окопа на бруствере разложили костры, а еще впереди поставили деревянную клетку с собакой, осужденной на смерть. Перед клеткой лежали правильно уложенные баллоны с газом. За окопом были по ветру поставлены шесты. Зажгли костры и дымовые шашки, открыли краны баллонов, раздалось шипение и густая белая масса, поднимаясь над дымом, предварительно пройдя через клетку с собакой, которая начала орать во всю глотку, стелясь по земле, поплыла по шестам дальше и дальше, всё расплываясь в стороны. Впереди бежал без маски солдат, но пар скоро его настиг, и ему пришлось свернуть в сторону. Краны закрыли, газы рассеялись, мы увидели собаку с пеной у рта (признаки отравления), наполовину высунувшуюся из поломанной в бешенстве клетки. Ее выпустили, она, пошатываясь, пошла в поле. Лошадь благодаря торбе осталась цела, хоть ей и так пора уже быдохнуть, а иначе бы она и на опыт не попала бы. Пустили слабую струю газа, и весь полк пришел и «понюхал» запах газа, и все в масках прошли в нем. Почему-то ужасно хотелось в самой середине сорвать маску... Все-таки скверная вещь — газы. Я немного вдохнул в себя, и как будто какие задушающие куски пошли через мое горло, я поспешил выбежать из середины газа. Всё блестящее позеленело: погоны, пуговицы и т. д.

16 ноября 1916 г.

«До яичницы»

Смешное заглавие придумали любители «21». Когда кончался ужин в собрании, все понемногу расходились, а оставшиеся «любители» садились за стол и начинали «дуться». Начинают играть чел. 10–15, а к 3 час. остаются чел. 5–7, и «не выдержавшие» «жаркого боя» уходят. А «закаленные» в боях до яичницы продолжают игру. Они уже привычные люди и их ко сну не клонит. Они бодро держат себя. Частенько раздается «Кепа!» Здорово любил проигрывать п... Р., который после порядочного проигрыша ложился на стол и начинал выть волком. «Акционерное общество действует», — это проигравшиеся игроки суют друг другу по трешке или пятерке и таким образом влачат свое существование. Часов в 6 утра кончается «сеанс» апофеозом — яичницей. Хозяин собрания подпор[учик] Якунин угощал яичницей и чаем, после

чего игроки, «усталые и измученные после горячего боя», отправлялись по домам и заваливались спать до вечера, чтобы, придя в собрание на ужин, вновь начинать «горячий бой». И так почти каждый день.

22 ноября 1916 г.

Сегодня нам предстоит идти на позиции. Последние дни почему-то мало отпускали сахара и приболтки к супу: картошки, муки, круп и пр. Сегодня на ужин солдатам дали «воду с мукой». Я приказал роте одеваться, а сам ушел в блиндаж. Вдруг слышу: «Не одевайся! Не одевайся! Не пойдешь на позицию! 13-я рота — <...> уже оделась — раздевайся! и т. д.» Начало разноситься по всему биваку. А в 10 роте с криком «ура!» бросились на фельдфебеля и избили его за то, что тот вздумал какого-то солдата ударить. Собрались солдаты толпой и пошли к ком[анди]ру полка. Он вышел, выгнал их. Один из офицеров выхватил шашку. По всему биваку загредело: «В ружье!». Солдаты бегут к винтовкам. В 5 р[оте] начинают заряжать винтовки. Но скоро всё утихает.

<...>

Вскоре рота за ротой мы потянулись на позицию. Отъехав в сторону, я горлом напоролся на колючую проволоку, ободрал кожу. Слава Богу, обошлось благополучно, могло быть и хуже. Дороги были хорошие, был небольшой морозец. Проехав с 2 часа на лошади, я почувствовал, что ноги очень замерзли. Слез с лошади — посадил на нее взводного, а сам пошел пешком. Вот уже эти Волынские болота: попались нам на пути каналы, я случайно перешел на другую сторону, а солдаты пошли прямо и в конце концов зашли Бог знает куда. Перепрыгивали через болота, но главный всё еще шел, и, главное, не в ту сторону, куда пошла головная рота. Тогда наши солдаты ложились животом на еле замерзший канал, а другой за винтовку тянул на берег, но частенько и проваливались, и вылезали как мокрые курицы из воды. Почти у самого Бабы[го] наши галдевшие солдаты собрались и дальше тронулись все вместе.

Наш батальон встал в полковом резерве. До прот[ивни]ка 2 версты.

26 ноября 1916 г.

Недолго простояли мы в резерве, да и то каждый день ходили ночью на работы, хоть и неохота было, но ничего не попишешь. Как-то на днях принес Чавычало свою скрипку, вышли мы наверх и давай плясать, я тоже схватился с Ткаченком (вестовой) польку. Ильтубский спел и сыграл свои песни «Алена бакче малмала, чичка огарэна

лалмалэ», мы до упаду хохотали, уж больно комично. Было весело, но нужно было идти на работу, и вот под марш на скрипке Чавычалы мы тронулись в путь и так быстро отработали, что в 11 час. веч[ера] уже посиживали по своим блиндажам и распивали чай. При желании всегда можно скоро кончить работу, только скоро туда идти, а уж оттуда солдаты не отстанут, а уж если я зашагаю впереди, то только успевай.

Еще на полковом отдыхе ко мне прибежал Зуер (вестовой) и говорит: Чавычало (конюх) скрипку принес. Я вышел, гляжу, действительно, самодельная скрипка, струны из телефонного провода и смычок из волоса. «Тьфу ты, проклятая, — говорит Чавычало, — не могу отыскать белой лошади, отрезать кусочек хвоста на смычок, даже канифоль есть — кусочек ладана». Невольно начнешь смеяться, услышав о таких примитивных устройствах скрипки. Он начинает наигрывать что-то веселенькое, кругом собирается толпа солдат. «Ну барыню», — кричат из 2 роты, и Чавычало начинает ловко выделять барыню, смотря с какой-то загадочной физиономией в совершенно противоположную сторону, а в это время в образовавшемся уже кругу отчеканивали «русского», а насчет скрипки и поспешившего на место пляски бубниста сыпались разные остроты и колкости. Пообещали достать ему хороших струн и канифоль.

Часов в 10 веч[ера] мы были уже у ком[анди]ра 6 роты для смены, пока рота сменялась, я узнал, что живут сравнительно мирно и друг друга не стреляют, это хорошо, а то бы житья не было, ведь всего 70 шагов до «его» окопов, только разделяет Стоход да 2 ряда рогаток, которые можно свободно перетаскать, перевязав за балки, в свою сторону²⁶.

²⁶ В качестве примера приводим выдержки из донесения временно командующего 15-й ротой прапорщика Себолевского от 6 декабря (23 ноября) 1916 г.: «15-я рота занимает участок по фронту длиною 220 шагов. На правом фланге участка один ход сообщения, который ведет на заставу, выставляемую от 14-й роты; ход сообщения в плохом состоянии, в некоторых местах накладной, наполовину разрушенный и низкий. Левый фланг роты непосредственно связан со 2-й ротой 407 п. <...> Землянок для ниж. чин. имеются 21; землянки очень малы, вмещают от 4 до 5 человек.

Убежищ... не имеется. Пулеметных гнезд два. Необходимо еще надо сделать две открытые пул. площадки. Укрытий для пулеметчиков два. Один противогазный ровик, тянувшийся по всему участку параллельно окопам. Ровик наполнен соломой и дровами очень скудно и нет запаса. На правом фланге

На следующий день днем я, придя из своего блиндажа, который был за 500–600 ш. от роты, поразился близостью окопов против. Австро-германцы свободно расхаживали поверху, будто бы нас и нет. Я было схватился за винтовку, но потом раздумал, увидя, что и наши солдаты так же свободно шатаются, как и они. Я воспользовался мнимым перемирием и залез в секрет с биноклем, отлично осмотрел их уч[аст]к и начал снимать схему их уч[аст]ка, но в это время появился против меня какой-то герман. Я думал, будет стрелять, а он, оказывается, занимался тем же, чем и я, и мы, не обращая внимания друг на друга, продолжали свое дело. До того хорошо видно, что даже видно, что делается у них в окопах, вот дневальный ходит из угла в угол по окопу, вернее, марширует от мороза, и наши уже давай ему подсчитывать: «Ать! Два!». Я просидел на посту до самого света для того, чтобы увидеть, где их посты и заставы, и нашел, и затем свободно, размахивая тросточкой, пошел вдоль заграждения в окоп, и ни одной пули... Мы забыли про существование ходов сообщения, дули прямо поверху, но раз над нами запели тяжелые, пришлось искать свои места.

Сегодня видел «его» офицеров, они что-то рассуждали наверху, я высунулся из окопа с биноклем, они увидели и поспешили убраться. Наведешь бинокль и видишь улыбающуюся рожу, что-то говорящую и машущую рукой.

28 ноября 1916 г.

Вчера вечером получил бумажку для пропуска для переговоров с немцами наших чехов-разведчиков. В 8 час. утра я, придя на правый фланг, увидел облокотившихся на бруствер разведчиков, уже кричавших герману, они отвечали. Через $\frac{1}{2}$ часа в «его» окопах было полно, все глазели, наши разведчики пошли к Стоходу, от них отделились 4 немца, один без винтовки пошел к реке. Наши дали ему хлеба, сахара, а он табаку, рому. Наши уже заметили, какого он полка и т. д.

Конечно, и наши глазели тоже всюю, и если бы провести пулеметом по его или нашему брустверу, то больше половины бы легло.

участка в прорыве есть два ряда проволочных заграждений, местами совершенно разбитые, вследствие чего немедленно и необходимо надо исправить

Вдоль окопов два ряда рогаток. На 450 шагов вперед выставляется застава, которая обставлена одним рядом рогаток. Рогатки, как первые, так и другие, не связаны между собой. Заставу надо обставить хотя бы еще одним рядом рогаток». См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 23. Л. 8–10.

К обеду все рожи уже исчезли, только наблюдатели да интересующиеся прот[ивнико]м солдаты время от времени высовывались, чтобы лучше рассмотреть, что ему надо.

Солдаты, как бы испытывая его, изнахалились до того, что оправляться вздумали некоторые около заграждения, среди бела дня.

29 ноября 1916 г.

Сегодня опять час. в 8 утра наши чехи-разведчики начинали с нами разговор. Вот они уже опять сошлись у речки. На этот раз уже австро-германцев набралось чел[овек] 30, они так и забегали из окопов к речке и обратно, когда наши начали давать им хлеба и сахара, а они тащили сигар, рому, табаку и пр. Недаром вчера с поста кричали: «Пак! Приходи завтра, дадим рому, сегодня получили!». Как они набрасываются на хлеб — ужас, наверное, мало дают, — они говорят, что по $\frac{1}{2}$ ф[унта] на человека. Так по несколько человек и налетают на хлеб. Одеты плохо, по-летнему, жмутся от холода. Я за всей этой картиной наблюдал почти у заграждений, вдруг получаю от подпор[учика] Кобелева записку — сейчас же прекратить сходы, иначе буду стрелять залпами. Я, конечно, быстро успокоил его горячность, он вообще слишком горячий, но без толку.

Исполнив свою миссию, разведчики ушли, предлагая мне рому и коньяку, но я отказался от всего немецкого. А австрийцы стоят толпой на берегу и так жалобно смотрят на нас, я им кричу: «Ком хэр», но перейти речку нельзя, сзади свои пулеметы и нач[альст]во. А уже нашему солдату только дай волю, они уже сами хотят нести хлеб, но я строго-настрого запретил всё.

Однажды вечером нам принесли прокламации для передачи их немцам (на немецком и французском языках). Хотели передать утром, но их дневальный закричал: «Пак! Нельзя, офицеры». А вечером подползали к реке и звали. На следующий день всё-таки передали завернутыми в кальсоны и с хлебом. В следующие дни они уже не так звали нас, наверное, офицеры прочитали прокламации и запретили сходки.

А ночью они бросили румын[ские] бомбы себе назад, наверное, чтобы не рассердить нас, а бомбы приказано бросать. В общем, стоять было хорошо, только какая-то винтовка с соседнего уч[аст]ка усиленно брала на мушку людей нашего уч[аст]ка. Раз под аккомпанемент Чувывачлы мы принялись наверху танцевать, вдруг пуля... фють!!! Мигом мы очутились в окопах. Ну, думаю, мерзавцы, попадет и Вам, взял винтовку

и пустил 4 пули в 5 чел[овек], болтавшихся наверху. Со 2-й пули уже стали убираться в окопы, из 4-х один — последний усиленно нырнул носом в окоп, думаю, подранил. А «он» до того пристрелялся и бил чуть нам не в дверь.

Сдал роту старому офицеру полка подпор[учику] Панкратову, молодому и симпатич[ному] человеку.

Был на том месте, где нас завалило миной, и следа от блиндажа не осталось, только дыра да воронка.

Раз вытащили мы гармонь, да и давай наигрывать и плясать днем в 1-й линии, а «герман» высунулся и слушает.

6 декабря 1916 г.

Ночью наша рота сменилась и пошла в прежний резерв. Пришли на прежнее место, но блиндаж оказался для 3-х мал, а я, не желая вытурять пр[апорщика] Александрова как самого младшего, нашел себе другой, солдатский, кое-как переспал ночь, а на следующий день только принялись устраивать блиндаж и доставать дров, которых было чрезвычайно трудно отыскать, т.к. леса не было, дров не подвозили, но стояли халупы, которые было строго запрещено разбирать на дрова — оставалось одно, растаскивать халупы, не мерзнуть же. И вот, очнувшись, стерегший 2 халупы полицейский с ужасом замечает, что обеих халуп нет, они уже весело потрескивают во всех ротах и командах.

Вызывает адъютант к телефону — узнаю, что назначен вр[еменным] ком[андиром] 11 роты, жаль на время расставаться с ротой. Через несколько минут я с вест[овым] Ткаченко шагал в 11 роту, которая стояла в резерве за 2 бат[альоном].

13 декабря 1916 г.

Понять не могу, что такое со мной, откуда у меня появилась такая смертельная тоска и грусть... это прямо ужасное положение, я уже на другой день хотел просить о переводе во 2-ю роту, вот что значит привязаться к людям. Некуда от тоски деться, никуда не убежишь от нее. Вчера было у герман Рождество, и наши усиленно бросали ему гостинцы — рождественские подарки — снаряды, да еще удушливые, поздравляли с праздничком.

В штабе полка было объявлено, что наш полк переходит на новую позицию левее к кол. Ворончик и Юльяновка.

Поехали мы туда днем на лошадях. Я страшно не хотел ехать, очень плохо себя чувствовал и был флюс, но всё же поехал.

Штаб полка устроен комфортабельно в барской усадьбе, шикарный дом, столы, стулья, кровати, диваны и пр.

Участок скверный из скверных, весь на болоте, окопы одна стенка, которую пуля прошибает, где угодит, в блиндажах вода, сверху капает, кругом болото непроходимое. Прийти туда возможно только по гати — сошел с гати — пропал... До штаба 3 версты, до резерва 2 версты.

Прямо на погибель полк — голыми руками, если захотят, задерут. Участки большие, людей мало, заграждений почти нет, в окопах вода, даже невозможно стоять. Здесь артиллерийской подготовки не надо, а лишь провести пулеметом и иди, назад не удерешь... и, в общем, смерть во всех случаях.

Было уже совершенно темно, когда мы приехали в штаб полка, я остался у Якунина, напился чая и стал ждать роту. Чувствовал себя прескверно, товарищи заметили, посоветовали ехать в лазарет. Поручик Кондратюк тоже расстроился желудком и пр., над ним все начали надсмехаться, он, конечно, поднял ругню. Докладывает ком[анди]ру полка, что он болен и я, нельзя ли нам уехать в лазарет. Полк[овник] разрешил, и вот мы с Кондр[атюком] кое-как отыскиали фуру и потащились в околоток. Когда садились, встретили на лошадях ком[омандиро]в рот 1-го бат[альона], я молчу, чтобы не узнали, еще, чего доброго, будут смеяться. А Кондр[атюк], злой, под насмешки штабных ушел из блиндажа. Я отчасти не хотел ехать, как-то было совестно без серьезной болезни удирать.

Эх! Каково же ехать тяжелораненым по такой дороге и в такой «санитарной» линейке, здесь больной еле выдержит. Линейки, как бронированные, ни одна перекладина не треснула, хотя он нас 2 раза вывалил — без рессор, — в общем, ничего общего санитарного в них нет, разве только красный крест, красующийся с боков.

В околотке попили чая у врача и отправились дальше. В Доросино — обозы I-го разряда, забрались в какой-то блиндаж и переночевали. На следующее утро явились к старшему врачу. Пришлось ждать целый день — линейки, которая отвезет нас в лазарет. Погода прескверная: снег, грязь, я то и дело выхожу из халупы, в которой уже помещается врач 4-го Турк[естанского] полка, но ее нет. В душе я ругал на чем свет стоит нашего крайне несимпатичного еврейчика — Бренева, и вот дождался — телеги, простой телеги, вот негодяй, для больных офицеров присылает телегу. Делать нечего, пришлось ехать. Укутались с головами в лошадиные попоны и покатали. Трясло невероятно.

Дотащились во 1–102 див[изии] лазарета. Там уже лежали 405-х — подпор[учик] Родзевич, — симпатичный, но алчущий денег. 408-х — пр[апорщик] Ященко, парень хороший, и старш[ий] вр[ач] 407 полка, уже солидный господин Гедимнир. Лазарет помещался в халупе — со всех сторон продуваемой ветром — в бывшей жидовской корчме в дер. Кроватки. Всего 12 вер. от передовой линии, но всё же спокойнее, чем там. А вчера был как раз переход на ту Богом проклятую позицию. В общем, я словчился. Лазарет устроен хорошо. Масса блиндажей. Церковь, библиотека, театр и пр. Но главная примечательность — «стурублевая». Рассказывают, что какой-то прапорщик искусил ее ста рублями и уехал. Она явилась в полк, рассказала про всё ком[анди]ру полка, и тот принудил прапорщика заплатить. Подкрашенная, подрумяненная, она щеголяет в ярком платье по деревне. Здесь масса жителей и девок. По дороге то и дело тянутся обозы, проходит маршевая рота и пр. Недалеко помещается Казанский отряд (Присяжной адвокатуры) — с 5-ю сестрами, но все они на вид невзрачные. Страшно! Почему-то теперь у всех установился взгляд, что сестры мил[осердия] ведут себя чрезвычайно скверно и показали себя с самой худшей стороны. Отчасти это и правда, ведь было время, что в сестры брали чуть ли не кого попало. А что это за невесты из сестер появились даже у высшего нач[альст]ва в д[ействующей] армии. Неужели солидные люди, имеющие такие звания, еще не женаты. И вдруг на старости лет в д[ействующей] армии вздумали отыскать невесту²⁷. А сколько молодых офицеров женилось на сестрах в лазаретах — почему? Правда, есть такие женщины, которые самовольно надевают костюм сестры и, конечно, срамят его. Да! Картина не из важных. Конечно, не все таковы — есть сестры, которые действительно исполняют свой святой долг отлично. Я даже знал такую особу в Петрограде, которая распевала «ужасные» песни, а через несколько месяцев увидел ее сестрой, конечно, от такой ничего путного не выйдет. Да и вообще не только сестры, а вообще женщины, преимущественно молодые, и, к сожалению, гимназисточки, очень и очень скверно показали себя в эту войну. В деревнях мало осталось цветущих мужчин, и они рады (девушки) «каждому встречному и поперечному» и атакуют его толпой. Ревность! Драки! Ссоры! Царят у нас в деревнях. А сколько у нас появилось маленьких австрияков от женщин, поддающихся соблазну австрийцев. Эти мерзавцы пользуются отсутствием мужей,

²⁷ Современные исследования во многом подтверждают этот вывод. Подробнее об этом см.: *Асташов А. Б.* Указ. соч. С. 616–639.

отцов и братьев. Солдаты, приезжающие из отпуска, жалуются на своих девушек и жен. «Жаль, — говорит, — что я не взял бомбы, я бы их разогнал». Очень недовольны солдаты и тыловыми мародерами. Вообще отпускные солдаты ведут себя ужасно, но это можно объяснить и тем, что на железных дорогах нет поездов и им приходится ехать на паровозах-тендерах, на крышах вагонов. Их арестуют и пр., но все они — отпускные, один за другого, и загалдят. Выбивают окна, двери, не боятся никого на свете. Некоторые возят домой бомбы, и нередки случаи, когда они в вагонах разрываются.

<...>

24 декабря 1916 г.

Вот уже и Рождество Христово. Как жаль, что приходится встречать его здесь — в лазарете, а не дома. А погода, т. е. ночь, дивная, луна сияет, но почему-то, глядя на эту сияющую луну, я всегда вспоминаю Марусю Шумилу, неужели действительно я ее полюбил и так сильно, что вспоминаю каждый Божий день. Что меня к ней так привлекает? Что меня так влечет к ней? Как только выйду в лунную ночь на улицу и взгляну на луну, обливающую мир земной своим белым светом, мигом вспоминаю наши свидания в Михайловке, наши прогулки ночью по степи — те жаркие и страстные поцелуи. Но я ее так любил, так жаждал увидеть ее... и никогда не допускал мысли о том, чтобы перейти дальше поцелуя и объятий, ведь она такая славная, такая доверчивая и отвечает теми же чувствами по отношению ко мне.

Раз как-то мы разговорились о женитьбах, и я пришел к заключению, что лучше жениться раньше, нежели испытаешь скверные стороны жизни. Я думаю, что Маруся отдала бы свою жизнь мне, так же, как и я ей свою. А что за жизнь, когда человек, прожив годов 30 на белом свете, вздумает жениться — он уже не тот, которому суждено создавать новое поколение. Ведь прожить 30 лет в 20-м веке — это просуществовать более половины своей жизни. А у нас говорят: «Поживу как следует годов 25–27 и женюсь», да, но прожив 27 лет, он уже никуда не годен.

Правда, женившись 19–21 лет, будет масса жизненных соблазнов, но ведь под боком супруга, которая, я думаю, будет стеречь каждый шаг своего молоденького муженька.

Выйдя и в эту тожественную рождественскую лунную ночь на улицу, я вспомнил о ней. Вспомнил мою славную и дорогую мамочку, единственную женщину, которая так заботится обо мне, которой

действительно нужна моя жизнь, ведь легко сказать: мать и сын, а что скроется в этих двух словах, какие чувства, стремления... О Боже мой: если бы дожить до конца этой ужасной гибели людей и порадовать мою славную мамочку чем-нибудь. Иной раз я бы с удовольствием пошел на разведку или куда-нибудь в опасное место, но всегда меня сопровождает вопрос: «А мама?». Ведь мне самому не дорога моя жизнь, а я боюсь, что будет с мамой, если она узнает, что я убит... она уже немолода, видала немало горя, и Господь знает, что может случиться. А я ее так люблю, так уважаю, что невольно бережешь свое существование²⁸.

Чего я только ни передумал в эту тихую ночь, идя по кол. Кроватки по тихой улице. Всякие картины себе представлял: наверное, мама сидит сейчас дома, ведь она, бедная, больна, и думает о нас — ее семье, ей то-то несладко.

Наверное, удастся скоро попасть в отпуск, тогда увижу всех...

25 декабря 1916 г.

Сегодня Р. Хр., но что значит этот Великий праздник здесь, в действ[ующей] армии, такой же будний день, как и другие. В России другое дело, там является и праздничное настроение, и чувство.

Вдали орудия громыхают так же, как и в предыдущие дни.

Только Кроватские девчата принарядились и разгуливают по деревне.

* * *

Карты, карты, как много в вас зла, которое часто переходит в безумие и даже далее...

27 декабря 1916 г.

По нашей просьбе перед доктором я с прапорщ[иком] Гадиным — вполне здоровые, остались провести Р. Хр. в лазарете. Прибыл сюда еще пр[апорщик] Новиков, они трое любители преферанса, а я один оставался. Не вытерпел, от скуки я сегодня уехал в полк.

Полк стоял на позиции, от кол. Юльяновка до бол. Подболотье, на той ужасной и скверной позиции, от которой мне удалось удрать.

²⁸ Отметим, что в декабре в целом разведка полком велась неудачно. Основные причины: многочисленные вражеские посты, бдительность противника и близость наших окопов. В окопы врага можно было проникнуть только боем. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.

До штаба дивизии 102-го доехал на подводе, а здесь, наигравшись досыта на раздобытом где-то пианино, я с ординарцем поскакали верхом в штаб полка. Штаб полка помещался там же, где и раньше, в барском дворе. Назначен опять вр[еменным] ком[андиром] 2 р[оты]. Остался ночевать здесь. С Парамонычем сходили в баню — здесь раньше была, вероятно, мельница или завод, в общем, виден какой-то механизм. Баня устроена хорошо, и мы помылись на славу. Только белья у меня не было, пришлось надеть солдатское. Напившись чая, я с Парамонычем расположились на одной кровати, и хотя перекладина кровати сильно давила мне бок, я скоро заснул. Спал неважно.

28 декабря 1916 г.

Напившись чая и облачившись в шинель и пояс с револьвером, я пошел в роту. Там, насколько я заметил, солдаты были довольны моим возвращением, особенно вестовые. Рота стояла во 2-й линии. А на позиции стоит лишь всего батальон — на такой громаднейший уч[асток]. Недаром у нас говорят, что этот бат[альон] на «съедение», и действительно так. Только что я пришел, как докладывают, что идет нач[альник] дивизии. Я встретил с рапортом, но не мог сказать, сколько в роте землянок, т. к. и сам не знал. Через несколько дней в приказе по дивизии оказалось, что другие роты были еще хуже, а про меня было так: «На уч[астке] 2 роты было и охранение, и наблюдатели, и вообще видно, что служба несется исправно, но ком[андир] 2 роты не смог сказать, сколько у него в роте землянок, опираясь на то, что только сейчас принял роту».

Часов в 10 веч[ера] пришли нас сменять роты 408-го Кузнецкого полка, а часов в 11, собрав всю роту, мы под музыку — гармонь тронулись в штаб полка. <...>

31 декабря 1916 г.

Итак, наконец-то наш полк в резерве, но этот резерв, пожалуй, еще хуже позиции — 5 рот стоят на позиции, а остальных каждый день на работу. Ах уж эти работы! Они еще более утомляют человека, чем стояние на позиции. Иногда еще и поужинать не дадут, а уже ступай и работай. Дадут урок: по 3 бревна или 6 жердей отнести из леса на передовую линию. А то засыпай бруствер, когда земля промерзла на $\frac{3}{4}$ аршина, кирки ломаются одна за другой, лопаты тоже, а работай, «хоть зубами копай, а сделай», как говорит ком[андир] полка, и солдаты долбят, долбят закоченевшую землю. Или еще: вырубить впереди заграждений для

лучшего обстрела мелкий кустарник и камыш. Работали почти одними лопатами и руками — болото хотя и подмерзло, но проваливаются, и солдаты то и дело вываливаются из виду. Но всё же вырубил 250-х в длину и от 50 до 80-х в глубину.

Эх! Трудно теперь работать. Сколько труда зря пропадает.

К нам назначен новый ком[анди]р бат[альона] ротмистр Кавальдин — глубоко верующий, чуть даже не фанатик. Уже седой — 55 лет. И заставляющий своих подчиненных так же верить в Бога, как и он. Соберет вокруг себя солдат и говорит проповеди, которые вполне подошли бы к хорошему собору. Он говорит: «Я, дорогие братцы, не требую от Вас ничего, кроме того, что требует от меня Царь Небесный, Царь Земной и начальство. Я Ваш ком[анди]р бат[альона] — и отвечаю за Вас перед Богом и Царем. Не ругайтесь, братцы! Грешно! Пойте молитвы, молитесь Богу. Когда Вы ругаетесь по-матерски, Вы оскорбляете Бога, Божию Матерь, Мать-Россию и Мать, которая тебя родила» и т. д. Очень любил, чтобы прибавляли ко всему: «Слава Богу». А если входишь в блиндаж, снимай шапку, а то задаст перцу. Солдат призывает к себе — раздает евангелие, иконки, крестики, молитвы и т. п., и офицерам то же самое: «Вот, — говорит, — Вам сладенькое, но не думайте, что для тела — нет — для души». Достал большие иконы, построили часовню и утром и вечером весь батальон поет молитвы. Когда он заходит в один блиндаж, в другом уже и иконки расставлены, и молитвы поют и читают, он, конечно, остается доволен.

Но раз он заметил, что к его приходу всё подстроено, и здорово выругал ротного, конечно, проповедным языком. В походе идет впереди с иконой, а перед походом всегда молебен. «Снаряды, — говорит он, — поют о грехах Ваших». Иногда любит покричать, но сам потом говорит: «Я вижу, что Вы на меня сердитесь» и т. п.

Вообще симпатичный старичок.

* * *

Очень меня беспокоили два происшествия: 1) мл[адший] ун[тер]-оф[ицер] 2 р[оты] Федорушка был уволен в отпуск на 15 дней, я попросил отвезти мою шинель и сапоги домой (в Сиверск). Он всё исполнил, но возвратился 25-го декабря, опоздал на 10 суток. Ком[анди]р полка отдал его под суд. Но я скоро всё уладил, и это дело было прекращено.

2) В штаб полка пришло письмо, вскрытое военной цензурой и с официальными бумажками из штаба корпуса и дивизии: «Отыскать автора». Письмо было адресовано на имя одного из солдат: «Я служу

в 405 полку во 2-й роте, мы сходимся с противником, они дают нам ром, сигары, а мы им хлеб, сахар. Они говорят, что Ваши правители с нашими пьют вино. Недовольны Вильгельмом. В Гос[ударственной] думе одна буржуазия. Все новые налоги будут драть с нас же. В России какой-то..., а в Петрограде живут одни...». Подпись Андрей Васильев. К.

У нас в роте есть Анд. Вас. Кулик, но он певчий и категорически отказывается от письма.

Пока дело что-то замолкло.

1 января 1917 г.

Вот уже и Новый год, год, наверное, как все говорят, последний войны. Дал бы Бог скорей кончить эту войну.

Новый год встречали в собрании, но невесело прошла эта встреча, вина не было, а главное, не было барышень, которые могли бы разве-селить нашу новогоднюю встречу. Кричали «ура!», пели гимн и т.д., но всё это было как-то сухо. Офицеры 1-го бат[альона] поживились винцом, дал Кавальдину по бутылке «Бессарабского». Хоть немного, но все-таки понюхали.

* * *

3 января 1917 г.

После обеда наша (2-я) рота сменила резервную 1-ю роту. Вче-ра вечером работали здесь до 4 час. утра. Я думал приклонить голову у Кобелева, но когда пришел, они спали, я не стал их беспокоить и по-шел к солдатам — старым знакомым, и завалился рядом с ст[аршим] ун[тер]-оф[ицером] <...> спать. Час. до 3 спали, потом я забрал роту и к 4 час. были дома.

Позиция в густом лесу, основная линия на опушке леса, впереди непроходимое болото, хотя теперь проходимое ввиду того, что сильные морозы и оно замерзло, и наши и его разведчики путаются по ночам там. Окопы наносные, вообще позиция устроена пока неважно. Резерв-ная рота стоит за 1500 шаг. в тылу. Тут большие бараки — блиндажи, масса пустых блиндажей, которые содержатся в чистоте. Везде проде-лали дорожки, усыпаны песком и обсажены елками. Масса снегу. И хо-лодок порядочный. Рота выставляет заставу на левом фланге полкового уч[аст]ка, правда, там прочные заграждения, но по болоту идет прорыв, иногда идешь поверять заставу, а сам косишься в кусты за заграждения и думаешь: «Того и гляди дадут залп и пропадешь ни за грош», а рука уже лежит на револьвере, остается только нажать спусковой крючок.

Застава оборудована неважно, окопы плохенькие, но теперь замерзли и представляют грязную стену. Сквозь крышу блиндажей протекает вода.

Как оригинально выходит: нам запрещено вырубать лес на дрова, а герман с каждым снарядом прибавляет нам бесплатных дров, разбивая деревья. Мы помещались тоже в бараке, в одной половине мы, а в другой вестовые, фельдфебель, писарь. За стеной то и дело слышится гармошка, смех, пляска. Иногда зайдешь к ним — веселье поднимем, пляску.

А ночи темные-темные, наверное, по ночам здесь в мирное время и человек не ходил, а теперь масса людей. До заставы идти версты полторы, и по правде скажу, что один я не пошел бы по лесу на заставу. Жуть какая-то берет.

В общем, стоять на этом уч[аст]ке было довольно спокойно.

13 января 1917 г.

Весь этот промежуток времени рота ходила ночью и днем на работы — работы бывали и скверные, и хорошие, но в общем ходить на работы не дай Бог. Солдаты очень утомляются. Как ни говорить, все-таки <...> надо на позиции, силы стало вдвойне меньше, да еще иногда погонят, не поужинавши. Солдаты тихо ропщут, но ведь и мы такие же маленькие люди, чтобы хоть чем-нибудь помочь им.

Перед уходом на позицию рот[мистр] Кавальдин выстроил батальон для молебна, который вскоре и отслужил полковой священник. Затем пошли на позицию. Впереди батальона шел Кавальдин с иконой.

У резервной роты Кавальдин сказал речь: «...Грудью держи врага, братцы» и пр.

Позиция на опушке леса — впереди болото, до прот[ивни]ка 1000-х — 3000-х. Окопы скверные — наносные. Почему-то раньше их не сделали, а зимой, когда земля на аршин промерзла, вздумали их укреплять. Кирки, мотыги, лопаты, топоры в невероятном количестве ломаются — работа плохо подвигается, особенно в темные ночи, но надо продолжать работу. «Хоть зубами грызите, а делайте...» — говорит ком[анди]р полка. И мы работаем до рассвета.

Заграждения прочные, но я все-таки считаю этот уч[аст]к непрочным.

Каждый день «он» бьет сюда шрапнелью и на удар — легкими — это ужасно противно. Вечером сыпет, как героям, — разрывными пулями, — они с небольшим огоньком и треском рвутся о деревья.

15 января 1917 г.

Наблюдатели заметили вблизи прот[ивни]ка плакаты. Вечером два охотника, причем один из них в моей простыне за неимением холстов, отправились за ними. Через два часа эти прокламации были у нас. Их было 4 пучка, в каждом: 1) Солдатская песня «Три деревни, два села, восемь девок, один я» и т. п., потом говорят об измене, о том, чтобы мы сдавались и пр. грязные слова; 2) Приказ по Австрийской армии и 3) Речь канцлера. Вообще эти прокламации — лишняя трата бумаги — кто захочет удрать, тот и без прокламации удерет, а кто не хочет, того и калачом не заманишь. Мы помещались в скверном блиндаже, спали на земле, сверху вода капает, с боков грибы и зелененькая травка растет, снизу вечный дым от ужасной печки. Окна нет — две недели сидели без света. Житье!!!

Высчитывали очередь в отпуск, но он еще далек от меня. Уехал в отпуск пор[учик] Васильев III, недавно только приехал, поправившись от какой-то сказочной болезни — внезапной болезни перед боем, и вдруг теперь в отпуск... это низко, не по-офицерски — задерживать очередь офиц[еров], так долго жаждущих отпуска. Не ожидал.

18 января 1917 г.

От каждого полка нашей дивизии отнимают по батальону для формирования новых полков — 154 дивизии. От нашего полка уходит 4 бат[альон]. Почти все старые офицеры хотели уходить из-за штаба, ведь он у нас немножко скверный.

От нас уходит рот[мистр] Кавальдин. Теперь уже не будет кричать: «Бодрствуйте», а сам без штанов лежит.

* * *

Наш бат[альон] ушел в резерв. Я ввиду миниатюрности общего блиндажа поместился отдельно. Блиндаж хороший, но внизу хлябает вода, стенки покрылись плесенью, но я остался в нем жить — тихо, один, сижу себе и пишу дневник, никто не помешает. Обедаю иногда в собрании, но хожу туда только потому, что там музыка, хочется послушать какую-нибудь задушевную вещичку, если бы не было оркестра, я бы не ходил. Захожу к Парамонычу, нашему коменданту и хозяину собрания — славный человек, из учителей, любит музыку, на этом мы и сошлись. Всё мечтает о том, как кончится война — купит скрипку и будет заниматься. Захожу и к пор[учику] Рыжному — нач[альник] ком[ан]ды пеших разведчиков, тоже любит музыку, накупил нот, гитару, сольфеджей и теперь всё сидит дома и распевает.

<...>

28 января 1917 г.

Сегодня наш полк опять встал на позицию — Волосовка, ур. Жуки. Уч[асто]к нашей роты на правом фланге полка. Окопы так себе. 407-й полк, по-видимому, нисколько не старался их улучшить. Даже офицерские землянки, и те без дверей и накатов. Простая 3-дюймовка их пробьет. Уч[асто]к длинный 1800-х, а штыков 120, и притом справа прорыв на версту и слева сажень на 15-ть. Хорошо, что хоть заграждения хорошие. Посты стоят друг от друга от 80 до 120-х, в ненастную погоду не видно друг друга. А ведь тут вся надежда на посты. Прислали пополнение — старики 35–38-летние, некоторые похожи на солдат, а некоторые, несмотря на свой солидный возраст, прямо сопляки, трусье! Старые солдаты расходятся по разным командам, как штурмовая, саперная, в сапожники, маляры, мастера, колодезники и пр., и, конечно, все стараются удрать и остаются самые плохие. Не знаю, к чему такое дробление роты?

<...>

Еще в резерве офицеры собрались в собрание провожать бригадно-го генерала Давыдова, уходившего в конную артиллерию. Все ужасно жалеют уходившего от нас генерала, который провел все бои с полком со дня формирования полка. Все сидели за столом. Музыка спокойно играла разные вещички. Произносили тосты, пожелания и пр. Но вот ком[анди]р полка встал и объявил: «Господа! На 18-м уч[аст]ке противник наступает, попрошу к ротам», и он спросил разрешения у генерала. Все ушли, вышли, я немного задержался, с генералом осталось 3–4 человека, он уже оделся и хотел уезжать. Я вышел на улицу, в воздухе слышался гул орудий... Роты уже оделись, но выступить не пришлось, т. к. «его» отбили.

Все вернулись в собрание и окончили проводы, которые кончились таким оригинальным финалом.

1–3 февраля 1917 г.

До чего я ждал отпуска, это прямо ужасно... Со всех сторон то и дело спрашивали, скоро ли я уеду. Я в свою очередь справлялся в штабе полка, не приехал ли кто из отпускных, а главное, шт[абс]-кап[итан] Низяев, но его всё не было. К отъезду я уже совсем приготовился, но сегодня вечером беру трубку телефона и слушаю. Предлагают отпуск или командировку в авиацион[ные] наблюдатели. После некоторого колебания я отказался от отпуска. Жаль было его, но та служба лучше. Только когда нас потребуют? Отпуски закрыты до 14-го февр[аля].

4 февраля 1917 г.

Пришлось идти в штаб полка на медицинское освидетельствование для пригодности к авиационной службе. Были у доктора — выдали удостоверения — оказались годны. До чего же не люблю это шатание по ходам сообщения, если бы они были хоть хороши, а то прикрывают только ноги. Да притом еще здесь прорыв, пули так и поют.

<...> Был запрос, нет ли желающих офицеров в штурмовую команду. Я с Шуст[иковым] согласился лишь вместе, а иначе нет. Прап[орщик] Александров ушел в шт[урмовую] ком[ан]ду. Эх! Не блиндаж, а горе, да еще печка дымит, хоть маску надевай. Вся надежда на отпуск пропала, я перестал думать и об отпуске, и о командировке, т. к. тоже не надеюсь туда попасть.

Чуть не подстрелил своих разведчиков. Я пришел в секрет у проволочного заграждения и начал вновь прибывшему объяснять устройство бомбы. Видим, шагах в 150 силуэты у проволоки. Я кричу: «Кто идет?» — молчат, я еще раз, опять молчат, солдаты направили туда винтовки, я револьвер, а оттуда кричат: «Свои!». Оказывается, они заблудились и, наверное, не желая себя открыть, не отвечали. Ведь подстрелили бы кого-нибудь.

А то пошли наши рот[ны]е разведчики в белых халатах, и с соседней роты тоже, на нейтральной полосе они столкнулись, кричит: «Кто?». Каждый думает, что немцы. Наши отвечают: «Свои!». Не верят, говорят: «Сдавайся!», тогда наш ун[тер]-оф[ицер] поднял вверх руки и пошел к ним, и тогда только они мирно разошлись.

5 февраля 1917 г.

Я дежурил, т. е. должен был всю ночь бодрствовать, проверять посты и т. п. Прибегает дежурный и докладывает: «Немецкая разведка, против правого фланга!». Я туда. В кустах что-то есть. Направили пулеметы туда. Эх! И хорошо же работают наши пулеметы, не то что немецкие, как пьяные, заплетаются и спотыкаются. Немцы, конечно, удрали.

Часа в 4 утра немцы открыли по 4 роте и нашему левому флангу ураганный огонь. Хотели снять заставу — застава отошла в окопы и открыла огонь, прогнали. На другой день опять, но теперь не отошли, а покروшили их, один немец висит на проволоке, другого раненого притащили в окопы и лежат еще двое убитых, может быть, есть и дальше, но не видно, т. к. курстарики.

* * *

Как интересно идет фронт, стоит оглянуться назад, и там тоже светятся ракеты. И это явление почти на каждой позиции.

* * *

Утомительно стоять долго на позиции — целый месяц. И всё одно и то же. С наступлением вечера приходят дозоры с записками, ходим по прорывам. Телефонисты то и дело принимают телефонограммы. До сих пор у нас еще не положена телефонная связь, во время сильного обстрела провода обязательно рвутся, и рота отрезана от всего полка. Хорошо хоть выдали сигнальные ракеты для вызова артиллерии.

<...>

10 февраля 1917 г.

Утром произошел несчастный случай, один старый солдат 35 л. взял бомб, зарядил и спустил оба предохранителя, испугался и бросил их около себя, его-то мало задело, но одного тяжело ранило и 2-х легко. Вообще во всех полках массы случаев ранений своими гранатами. Миллионы раз говорили солдатам о необходимости осторожного обращения с запалами и бомбами, и несмотря на это, все-таки продолжают несчастные случаи. Ком[анди]р полка настаивает, чтобы суд присудил одного из таких, которые ранят себя нарочно, к смертной казни, чтобы подействовать на других, но суду каждого в отдельности жаль.

С наступлением темноты рота пошла на позицию в бат[альонный] резерв. Сменили 3-ю роту 7-го полка. Здесь уже блиндаж прочней. С вр[еменным] ком[андиро]м бат[альоном] пор[учиком] Ивановым жилось хорошо, хотя он и хотел посадить нас на уч[асток] 4 роты.

Однажды я написал письмо бывшему рот[но]му ком[анди]ру по училищу гв[ардейскому] капитану Тарасенко. И вот получил ответ от его супруги, которая пишет, что он умер в д[ействующей] армии от дизентерии, и подпор[учики] Матвеев и Смирнов, мои курсовые офицеры, убиты. Искренно жаль их. Я себе представить не могу, что они убиты. Кажется, давно ли они учили нас.

Говорят, в броте обнаружили минную галерею прот[ивни]ка. На следующий день приехали ком[анди]р кор[пу]са со штаба, нач[альни]к див[изи]и со штаба, корпусные минеры и пр. Выслушивали и пр. Начали сбоку прокапывать проход. Заложили 12 пуд. динамиту. Но взрывать ком[анди]р корпуса запретил, потому и динамит вынули. Как

и предполагали, там ничего не оказалось, просто земля мерзлая и где-нибудь рубят дрова, а тут катится под землей.

13 февраля 1917 г.

Приехал шт[абс]-кап[итан] Дедученко. Он ни за что не хотел помещаться в том блиндаже, где жил пор[учик] Иванов, он переехал к нам в блиндаж. Он хотел, чтобы и мы тоже остались с ним, но Симонов перешел в другой блиндаж. Итак, я остался с ним. На вид это мрачный и угрюмый чел[овек], но и веселый временами. Часто напускает на себя с излишком вид грозного нач[альни]ка. Ужасно боится снарядов и немцев. Спит даже в сапогах. Почему-то носит Владимира 4 ст., когда в послужном списке не значится. В общем, чел[овек] хороший. Может быть, боязнь снарядов объясняется тем, что он 2 раза контужен и 1 р[аз] ранен. При каждом удобном случае, как перед боями и пр. опасностями, утекает из полка под видом болезни?..

28 февраля 1917 г.

Все эти дни мы по очереди дежурили побат[альонно] у телефона, по приказанию Дедученки. На фронте всё благополучно, изредка какая-нибудь перепалка.

Приезжал нач[альни]к див[изии], мы поставили указателей на каждом перекрестке и даже с надписью: «Трестень [стрелка вправо], Киев и дальше».

Частенько я изводил пор[учика] Лозко, возьму трубку и начну подражать Дедученке, а Лозко знает, что он им недоволен, и начинает трусить, я на него кричу, а потом скажу: «Ну а в общем поверочка!». Ох! Он тогда меня давай ругать, а я трубку брошу.

Наконец дождалась смены. После прихода смены наша рота, как и остальные, пошла на отдых в лес у кол. Трестень. В 3 час. ночи мы были уже на месте. Денщики пришли раньше и приготовили всё. Напившись чая, мы заснули в светлом и более лучшем блиндаже, чем там, со спокойной совестью.

* * *

2 марта 1917 г.

На этом месте мы уже стояли, так что всё было знакомо. Приехал подполк[овник] Карпов, назначенный к нам в помощники ком[анди]ру полка. Этот человек, пожалуй, знаком каждому солдату и большинству офицеров нашей дивизии. Он — наблюдающий за учебными

бат[альонами] и командами 102 див[изии]. Все роты пополнения проходят через его руки. Дисциплина там ужасная, мордобийство процветает. Только и слышишь от солдат, пришедших оттуда: «Нас там не учили, а гоняли и морду били». Действительно, многие были с синяками. У нас в полку сразу невзлюбили его, начинает сыпать своими замечаниями на всех.

3 марта 1917 г.

Вечером мы были вызваны в собрание. Приехал нач[альни]к дивизии. Мы все думали, что предстоит наступление. Н[ачальни]к див[изии], взволнованный, нам заявил, что в Петрограде революция и в России переворот государственного строя. Учреждено ответственное министерство во главе с председателем Гос[ударственной] думы М. Родзянко²⁹. На нас произвело это известие радостное впечатление, какое-то новое чувство запало в душу, так и вести войну легче. По крайней мере, не будет измены, и война до полной победы.

4 марта 1917 г.

Говорят, что В[еликий] К[нязь] Николай Николаевич стал опять Верховн[ым] Главн[окомандующим]³⁰ и что Государь³¹ отрекся от престола. Часа в 3 дня полк построили в поле, и ком[анди]р полка прочитал Манифест об отречении Государя от престола с наследником в пользу брата Мих[аила] Алекс[андровича]³² и приказ Ник[олая] Ник[олаевича] — «повиноваться нач[альника]м, вести себя спокойно и ждать новых распоряжений». И еще раз повторялось, что войну во что бы то ни стало довести до победного конца. На меня это ужасно подействовало. Император отказался от престола, ведь это что-нибудь да значит. Учреждено временное Правительство, т. к. в своем Манифесте В[еликий] К[нязь] Мих[аил] Ал[ександрович] хочет, если нужен

²⁹ Родзянко М. В. (1859–1924) — лидер партии октябристов, председатель Госдумы, один из видных участников Февральской революции.

³⁰ Речь идет о вел. кн. Николае Николаевиче (дяде императора Николая II), который в 1914–1915 гг. был Верховным Главнокомандующим и пользовался большой популярностью в народе и общественных кругах.

³¹ Николай II (1868–1918) — последний император Российской империи. В годы Первой мировой Верховный Главнокомандующий (с августа 1915 по март 1917 г.).

³² Вел. кн. Михаил Александрович (1878–1918) — брат Николая II. В годы Первой мировой командовал Кавказской туземной конной дивизией.

будет Царь, то пусть его выберет весь народ, а пока он тоже отказывается от престола.

Да! Величайшее событие мы сейчас переживаем. Но это, очевидно, всё к лучшему.

5–9 марта 1917 г.

С каждым днем мы узнаем всё больше и больше. Нам читают приказы уже Вр[еменного] Правительства, которое просит спокойно всё переждать, не волноваться. Из газет узнаем, что при помощи войск в Петрограде произошла революция и образовано Вр[еменное] Правительство из членов Гос[ударственной] думы с председателем кн. Львовым³³. Пишут об арестах прежних министров, раскрываются тайны Романовского дома, отношения Государыни к стране, Вильгельму и Распутину. Боже! Какие ужасы! Государя в газетах разносят ужасно. Государыню арестовали³⁴. К Государю приехали депутаты и заявили о революции, о перешедших на сторону революц[ии] войсках и пр., он по их предложению решил отказаться от престола. Говорят, он хотел открыть Минский фронт, для того чтобы немцы уладили восставших³⁵. Всеми армиями признано Вр[еменное] Правительство.

10 марта 1917 г.

Пишут об упразднении полиции, жандармов и учреждении милиций. По всем городам революционер[ские] движения, везде признано новое Правительство. Освобождены политические. Арестовали Государя, арестовали того человека, перед которым все раньше трепетали и которого теперь срамят и на которого теперь почти не обращают внимания. Его отправили в Царское Село. Пишут, что дети его больны. Татьяна³⁶ или сама отравилась, или ее отравили. В случае попытки

³³ Львов Г. Е. (1861–1925) — политический деятель, прогрессист, первый председатель Временного правительства.

³⁴ Речь идет об императрице Александре Федоровне, которую в то время многие считали «германской шпионкой», а Распутина — главным сторонником сепаратного мира.

³⁵ Хождение подобных слухов вовсе неудивительно, т. к. одной из причин падения легитимности императора были надуманные обвинения его в «тайных связях» с германцами.

³⁶ Видимо, вел. кн. Романова Т. Н. (1897–1918) — дочь Николая II. Во время Февральской революции дети последнего императора тяжело заболели корью.

Государыни защищаться обещали тяжелой арт[иллерией] разнести Александровский дворец со всеми обитателями. Ген[ерал] Иванов с эшелоном Георг[иевских] кавалеров пытался отстоять трон, но и его арестовали³⁷.

Торжество по Руси великое! Свободная Россия!!! Как это приятно!!!
Всюду митинги, собрания, обсуждения.

11 марта 1917 г.

Весь этот переворот у нас, на позиции, прошел тихо, мирно. Только удивлялись солдаты, зачем Царь отказался от престола: «Ну выгнал бы старых министров, Государыню, а сам бы остался», говорили они. Вот до чего привыкли видеть над собой власть, без которой, они думают, им будет хуже. А в общем большинство понимает создавшееся положение и довольны происшедшим переворотом.

Все свободные граждане!!! Как это хорошо! Никаких Превосходительств, Благородий уже не существует, не существует и обращения на «ты». Все офицеры обязаны называть на Вы солдат, и не нижними чинами, а солдатами, а они обязаны называть «г[осподи]н генерал, полковник, прапорщ[ик]». На этой почве масса инцидентов, но комических. Придет солдат, и первый раз назовет «г[осподи]н прапорщик», а второй Ваше Благородие. Мы строго запрещаем называть нас благородиями, ведь остатки рабства. Чем они ниже нас? Ничем. Только та разница, что мы добились науки, а они по вине Старой Власти даже не научены грамоте, вероятно, они нарочно хотели, чтобы русский мужик был серым, непонимающим. Сколько было и раньше, и теперь жертв за свободу России. Теперь еще живые освобождены. Дезертиры сами являются к войск[овым] нач[альника]м для отправки на позиции. Солдатам разрешено быть где угодно, курить в присутствии оф[ицеров] и пр. Нам, молодым офицерам, ничего не стоит привыкнуть к новым порядкам, а вот каково старым оф[ицерам] со старым закалом... Ничего, и они привыкнут, только бы не вернулась старая деспотическая власть.

<...>

³⁷ Иванов Н. И. (1851–1919) — генерал, отличился еще в русско-японскую войну. В 1914–1916 гг. был главнокомандующим Юго-Западным фронтом. В марте был заменен генералом А. А. Брусиловым. Во время Февральской революции был послан с находившимся в Ставке Георгиевским батальоном для усмирения Петрограда (назначался главнокомандующим Петроградским округом). Войска, по сути, отказались ему подчиняться.

12 марта 1917 г.

Часов в 10 у[тра] полк построился на опушке леса, вышел полковой священник³⁸, и мы, подняв два пальца вверх, принесли присягу Временному Правительству и Родине, безо всяких целований и пр., как было раньше.

Но вышла заминка с присяжными листами. Солдаты не хотели подписываться, хотели, чтобы лист был официальный с печатью, боялись, что он попадет в руки Старого Правительства, или когда все подпишутся, внизу ком[анди]р полка напишет: «Не желаем», в общем, много курьезов. Все говорят: «Как люди, а потом я распишусь», и пр. И вот каждый, ожидая, пока люди распишутся, не решался. В конце концов мы бросили и говорить по этому поводу.

Какой-то дурак, наверное, думая, что его кто боится или что свобода дает право писать что угодно, написал ком[анди]ру полка: «Г-н Шаматов! Убирайтесь из нашего полка! Иначе мы Вас <...> перевешаем, как мух. Вы нас мучаете, гоняете то на работы, то на занятия. Наступать не пойдем, а пойдем на Вас и перевешаем всех Вас» и пр. Мы, конечно, долго смеялись. Ком[анди]р полка, собрав полк, объявил им это письмо. Говоря про себя, он растрогался, чуть не заплакал, жаль его. Солдаты были поражены письмом. Другое письмо было подброшено ком[анди]ру 10 роты: «Вы защищаете свои интересы, — писали там, — Вам неприятно, что Вас сравнили с нами, а нам неприятно 3 года воевать, знайте, мы наступать не пойдем и миру дождемся в этом лесу» и пр. Чрезвычайно глупое письмо, будто мы тут виноваты.

В[еликий] К[нязь] Николай Ник[олаевич] устранен от должности Верх[овного] Главногоком[андующего] как член дома Романовых, на его место назначен ген[ерал] Алексеев³⁹.

13 марта 1917 г.

В газетах только и видны собрания, митинги и пр. собрания, говорить-то говорили бы, да только побольше снарядов и патронов делали, а то всё манифестации, торжественные похороны павших

³⁸ К присяге приводил о. Владимир Борковский. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

³⁹ Алексеев М. В. (1857–1918) — генерал, выдающийся русский полководец Первой мировой. С августа 1915 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего.

в революцию и пр., посмотрели бы, какие похороны здесь, как хоронят павших за ту же свободу России — закопают где попало и как попало. Поменьше торжеств, побольше дела!

14 и 15 марта 1917 г.

Вчера и сегодня наша 7-я рота говела, я вр[еменно] команду сей ротой. Я тоже исповедовался и причащался, всё происходило в самодельной церкви из плетней. Сделан алтарь, несколько икон, продаются свечи. Но всё не то, что дома, нет той торжественности службы.

Привезли кинематограф, показывали картины, слишком малы, но всё же они доставили нам и солдатам большое удовольствие.

За всё время отдыха нас гоняли на работы и занятия, почему мы очень устали и рады были идти на позицию.

Однажды на занятиях мы в небе заметили белое пятнышко, это, наверное, немцы пустили шары с прокламациями.

Был в бане, баня ничего, вымылись хорошо. Идя назад, нам пришлось по колено в воде шагать по болоту, не особенно приятно после бани. На обратном пути заходили в штаб дивизии, я поиграл на пианино.

Заявил ком[анди]ру полка, что желаю ехать в отпуск и пр.

16 марта 1917 г.

В 9 час. наш полк выступил из бивака на позицию. Эх! И паршиво же идти по грязи и воде, ноги промокают ужасно, а воды, воды! Откуда она только берется.

Наконец добрались до своего участка. И вскоре я, как свободный от дежурства, заснул⁴⁰.

17 марта 1917 г.

Позиция нельзя сказать чтобы была хорошая, но, во всяком случае, стрельбы мало. До противника далеко, до 3 тыс. шагов местами. Впереди Стоход разлился и получилось сплошное море, которое доходит до наших окопов — это хорошо, опасаться нападения уже нельзя, но зато скоро вода проникнет в окопы и блиндажи.

Пахнет весной, снег быстро сходит, солнце ярче светит и теплее. Кругом лес, природа, в общем, стоять хорошо.

* * *

⁴⁰ 406-й полк сменил 407-й полк у урочища Воля по правому берегу р. Стоход. См.: РГВИА. Ф. 2954 Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

19 марта 1917 г.

Погода становится всё лучше и лучше. Снега уже не видно, теплынь, прямо приятно прогуляться по лесу.

Узнал, что разрешили отпуска, я позвонил к адъютанту, чтобы он доложил ком[анди]ру полка, что я хочу ехать в отпуск. Он доложил и объявил, что я еду. Я, конечно, остался почти равнодушен, т. к. когда ждал, то его не было, а когда не ждал, оказалось, еду.

20 марта 1917 г.

С нетерпением жду 21-го, когда мне будет урваться домой.

С вечера начал писать письма, написал ровно дюжину. И никому, кроме Леши и Мих. Ник., не сообщил, что еду в отпуск.

21 марта 1917 г.

Вот уже и 21-е, сейчас 3 часа ночи, я дежурю, а товарищи офицеры спят. Приготовил белье и т. п., в общем, сборы коротки. Хочется спать, пожалуй, скоро лягу, невозможно перед отпуском до рассвета подежурить. Прочитал газеты, хорошего мало, и плохого тоже, в общем, к нам мало отношения имеют, мы и так знаем, что дает победа врага над нами и что дает наша победа. Да! Но, в общем, буду спать до отпуска...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
«...Мы, конечно, пошли в его землю, и вот там ходили туда и сюда»: воспоминания финляндского стрелка о боях в Восточной Пруссии и Августовских лесах в сентябре 1914 г.	5
«Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е. В. Тумиловича	29
«Господи! Скоро ли кончатся наши муки!...»: дневники прапорщика К. В. Ананьева.....	137